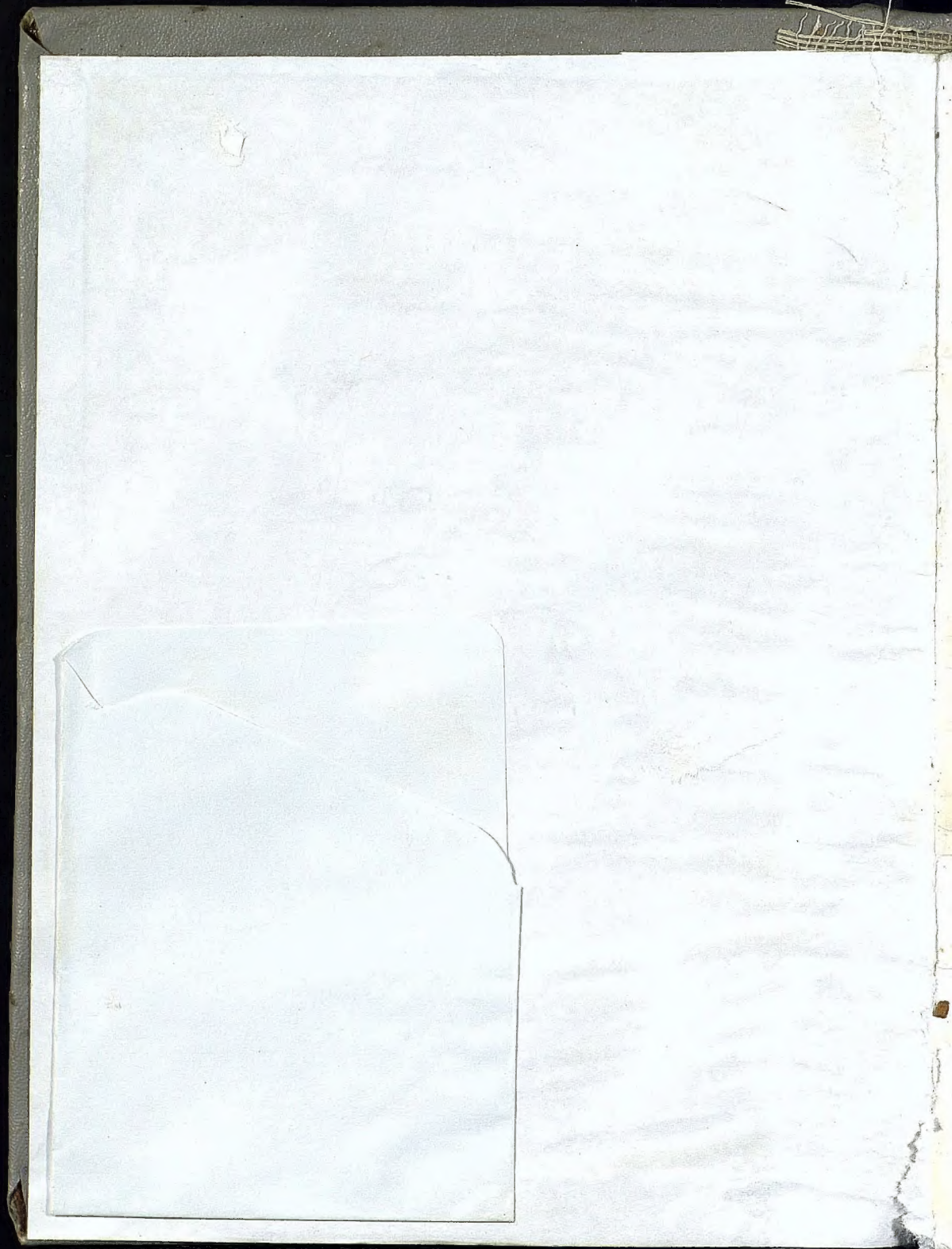
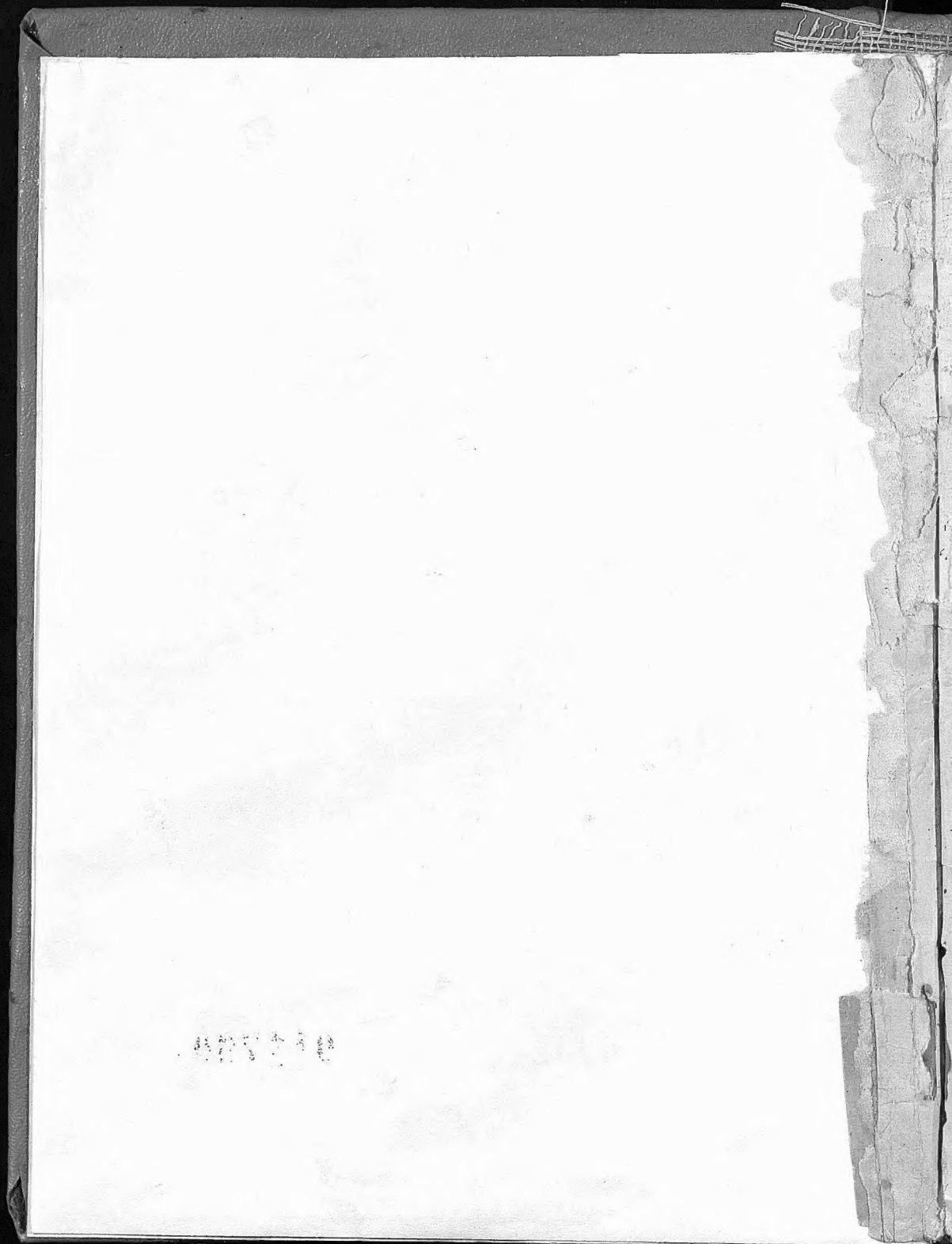

63.3(2/5)

P65

P65

М. И. РОЗОНОВА.

ПЕТРЪ
ВЕЛИКІЙ,

2336

ЕГО ДѢТСТВО,

ОТРОЧЕСТВО

И ЮНОСТЬ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

СЪ ИЛЛЮСТРАЦ. ХУДОЖНИКА

В. В. СПАСКАГО.

01176075

А7

БЕЛГОРОДСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1909.

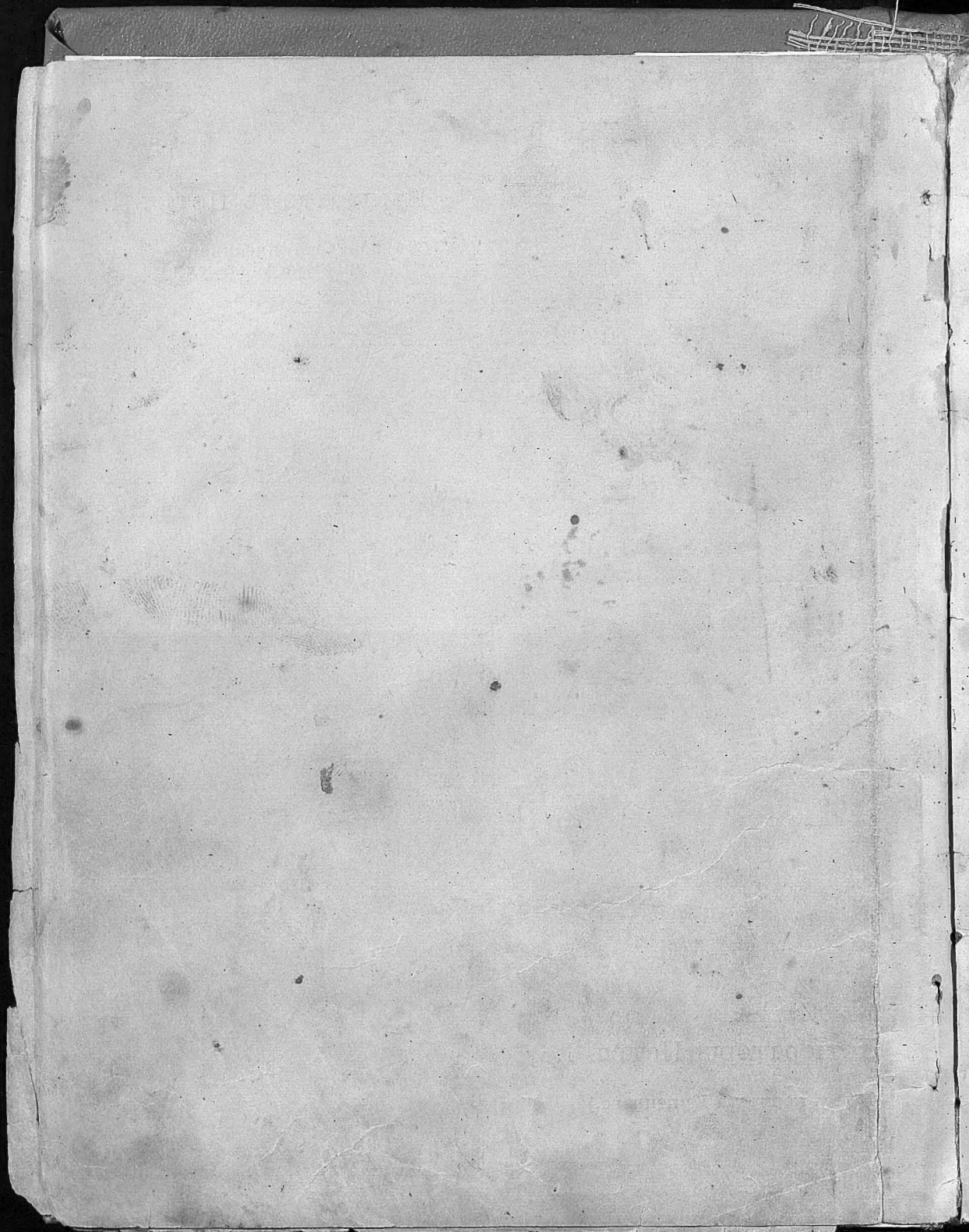
Императоръ Петръ I.

(Съ портрета писаннаго съ натуры въ 1697 году.)

Императоръ Петръ I.

(Съ портрета Купецкаго.)

Петръ Великій,

его дѣтство, отрочество и юность.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

ГЛАВА I.

Вечерѣло; послѣдніе солнечные лучи разбѣгались широкими багровыми полосами; зажглась звѣздочка и задрожала въ огнистомъ морѣ заката... вонъ другая, третья и вскорѣ все небо заискрилось ими. Улицы быстро пустѣли; а въ домахъ появлялись огни. Въ окнахъ дворца также всюду замелькали огни.

Подлѣ дворца стоялъ экипажъ государя.

— Государь опять куда-то ѣхать собирается, — сказалъ одинъ изъ прохожихъ своему спутнику. — Скучаетъ безъ царицы-то, батюшка нашъ... Умерла, — продолжалъ онъ со вздохомъ, — и наслѣдника не оставила послѣ себя.

— Какъ, а царевичъ-то Θεодоръ?...

— Да что жъ, онъ больной, Богъ знаетъ, переживетъ

ли отца, а про Ивана Царевича, что и говорить, тотъ и вовсе постоянно боленъ.

— Да, бѣда! и Государь-то часто прихварывать сталъ, знать отъ тоски... Тише! тише! Государь идетъ!...

И они, ставъ въ сторонкѣ, почтительно сняли шапки.

Государь сѣлъ, и экипажъ, быстро выѣхавъ изъ кремлевскихъ воротъ, покатилъ по улицамъ и чрезъ нѣсколько времени остановился подлѣ роскошныхъ, недавно выстроенныхъ палатъ боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева.

Матвѣевъ хотя былъ и не знатнаго рода, но чело-вѣкъ очень начитанный и умный. Государь его очень любилъ, довѣрялъ и во всемъ совѣтовался съ нимъ и даже скучалъ, когда тотъ уѣзжалъ по дѣламъ. Однажды Матвѣевъ уѣхалъ по дѣламъ въ Смоленскъ и Государь, соскучившись, послалъ ему письмо.—„Другъ мой Сергѣевичъ,—писалъ онъ ему,—пріѣзжай къ намъ скорѣе, дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли: за ними не кому при-смотреть, а мнѣ посовѣтоваться безъ тебя не съ кѣмъ“.

Особенно къ нему привязался Алексѣй Михайловичъ и часто сталъ ѣздить, даже по вечерамъ запросто, послѣ смерти своей супруги, безъ которой скучно ему было во дворцѣ. Вотъ и въ описываемый нами вечеръ Госу-дарь поѣхалъ къ своему другу отвести душу, побесѣдовать.

Въ палатахъ боярина только что пробило 8 часовъ, въ просторной столовой былъ накрытъ ужинъ. Вдругъ всѣ слуги забѣгали, засуетились и, прибѣжавъ къ бо-ярину, сказали:

— Государь пріѣхалъ!...

Матвѣевъ вышелъ навстрѣчу Государю и, низко поклонившись, сказалъ:

— Добро пожаловать дорогой гость, батюшка Государь!

— А вотъ и прекрасно!—сказалъ Государь, ласково здороваясь со своимъ любимцемъ. — Ужинать собираешься? значить и поужинаемъ.

— Милости просимъ, Государь, съ нами откушать!—отвѣчалъ хозяинъ съ низкимъ поклономъ. — Скажи боярынѣ, чтобы распорядилась подавать ужинъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ слугѣ.

Черезъ нѣсколько времени въ столовую вошла жена Матвѣева, ведя за руку малолѣтняго сына, а за нею робко шла поразительной красоты молоденькая дѣвушка.

Ласково поздоровавшись съ боярыней, Государь съ восхищеніемъ остановилъ свой взоръ на дѣвушкѣ, которая стояла, скромно опустивъ глазки; отъ его пристальнаго взгляда на ея щекахъ вспыхнули нѣжный румянецъ.

Царь, пораженный ея красотой, нѣкоторое время, молча, любовался ея смущеніемъ. Въ комнатѣ царила тишина, которую никто не смѣлъ нарушить изъ присутствовавшихъ.

— А я думалъ, что у тебя только сынъ, и не зналъ, что есть дочь, да еще такая красавица,—наконецъ сказалъ Алексѣй Михайловичъ, все смотря на красавицу.

— Это, Государь, не дочь моя,—отвѣчалъ Матвѣевъ,—а приемышъ. Жена взяла ее на воспитаніе: если Господу будетъ угодно, выдадимъ ее замужъ.

— Что жъ, доброе дѣло сдѣлаешь,—замѣтилъ Государь.—И я въ свою очередь постараюсь подыскать ей жениха,—добавилъ онъ съ улыбкой.

Все время Государь былъ очень веселъ и шутилъ.

Послѣ ужина, оставшись вдвоемъ со своимъ любимцемъ, онъ, переговоривъ о дѣлахъ, незамѣтно перевелъ разговоръ на дѣвушку.

— А какая она у тебя красавица! — сказалъ съ восхищеніемъ Государь. — Какая скромница! Какъ ее зовутъ?

— Наталья; она очень бѣдная дѣвушка, дочь дворянина Кирилла Нарышкина.

Пробила полночь.

— Пора, прощай, — сказалъ, вставая, Государь. — Я постараюсь найти жениха Натальѣ Кирилловнѣ, прощай!

— Прощай, Государь.

Бояринъ и Государь вышли на крыльцо.

Ночь была чудная, на небѣ ни облачка и все кругомъ было залито нѣжнымъ луннымъ свѣтомъ. Государь сѣлъ въ экипажъ и быстро уѣхалъ.

Приѣхавъ во дворецъ, онъ долго не могъ уснуть: образъ красавицы Нарышкиной не покидалъ его и съ этихъ поръ неотступно началъ преслѣдовать.

Черезъ нѣсколько дней къ Матвѣеву снова приѣхалъ Государь и, переговоривъ о дѣлахъ, сказалъ:

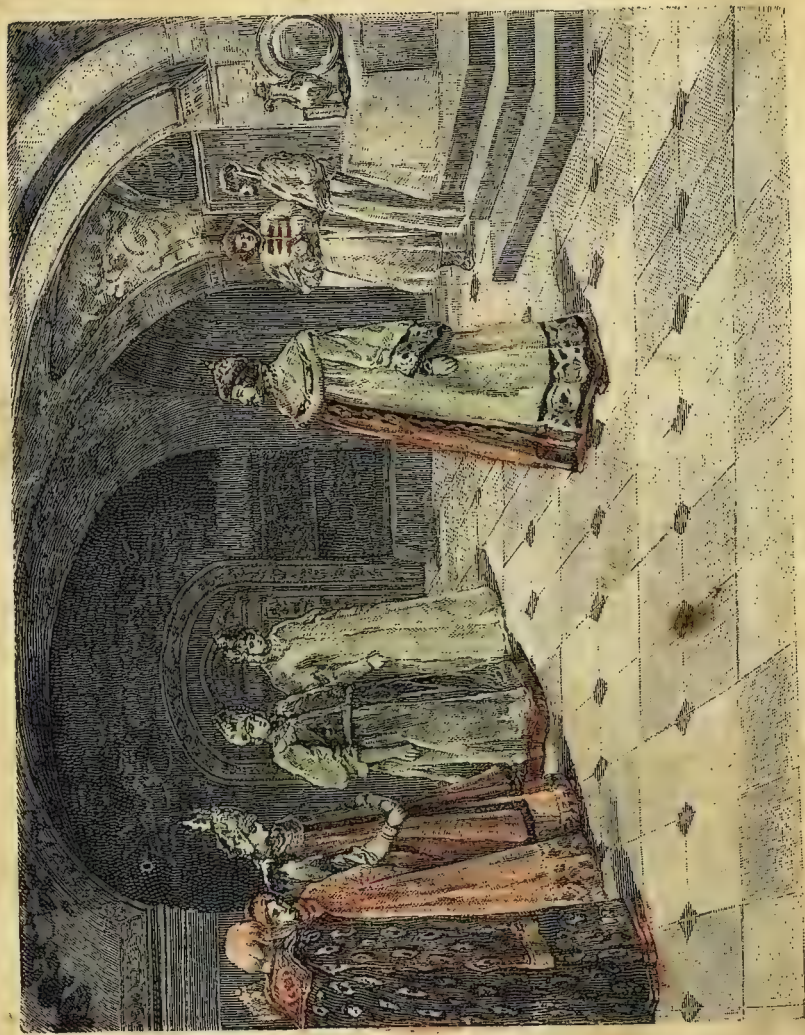
— А вѣдь я исполнилъ данное тебѣ обѣщаніе: нашелъ жениха Натальѣ Кирилловнѣ. Женихъ богатый, богомольный и добрый человекъ, — добавилъ онъ съ улыбкой.

— Кто же это, Государь?

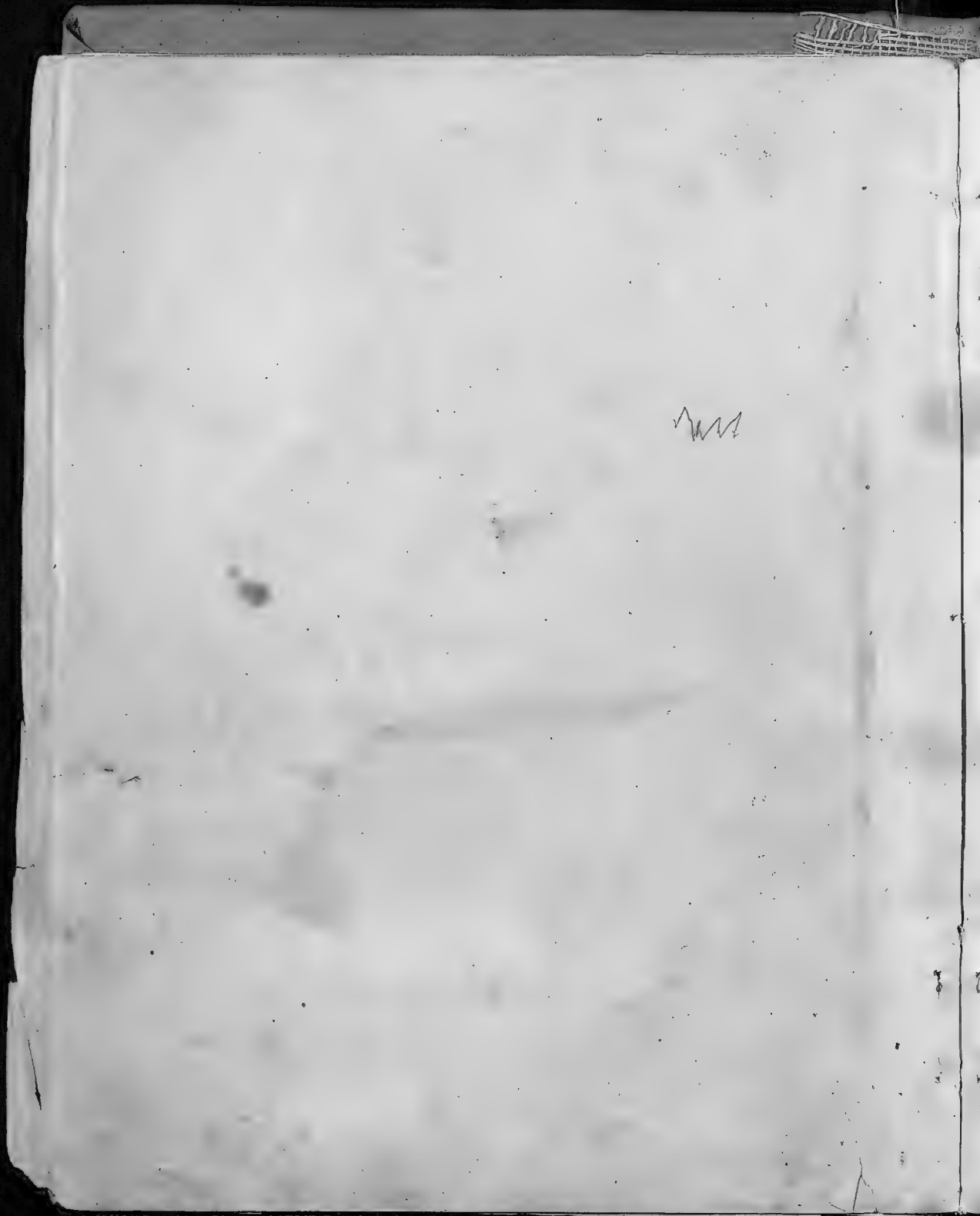
— Кто? Да я... я хочу на ней жениться.

Матвѣевъ, какъ громомъ пораженный, нѣкоторое время, молча, смотрѣлъ на Государя.

— Что жъ ты такъ странно на меня глядишь, или не радъ?

По приказанію. Го-
сударя, во дворецъ
были приведены до-
чери бояръ и дво-
рянъ.

— Напротивъ, Государь, о такомъ счастьѣ я и во снѣ не смѣлъ думать, но, но Государь, у меня много завистниковъ, они, пожалуй, скажутъ, что я навязалъ тебѣ ее.

— Никто ничего не смѣетъ сказать. Я властенъ и на комъ хочу, на томъ и женюсь. Нѣтъ, не отговаривай, я рѣшилъ и непременно женюсь на ней.

— Конечно, воля твоя, Государь, но, по крайней мѣрѣ, исполни древній обычай, хотя для виду. Прикажи собрать боярскихъ дочерей,—съ мольбой сказалъ бояринъ.

— Хорошо, хорошо, успокойся, я сдѣлаю объ этомъ распоряженіе,—сказалъ ласково Государь и, простившись, уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько дней, по приказанію Государя, во дворецъ были приведены дочери бояръ и дворянъ, въ числѣ которыхъ была и Наталья Кирилловна.

Царь выбралъ Наталью, и въ 1671 году 22-го января торжественно была отпразднована его свадьба. Тотчасъ къ Царю были приближены Нарышкины, а Матвѣеву поручено управленіе посольскимъ приказомъ.

Счастливо зажилъ Государь съ молодой женой. Не разъ ему предсказывали, что у него скоро родится сынъ, который будетъ великимъ государемъ.

Однажды 1-го сентября въ 1671 году Царь съ Царицей сидѣли вмѣстѣ и мирно бесѣдовали; вдругъ вошелъ къ нимъ юродивый (ему постоянно позволялось входить къ царю).

Войдя, онъ низко поклонился Царю и Царицѣ. Наталья дала ему поцѣловать руку; но юродивый, отодвигая протянутую руку, сказалъ:

— Не руку, а Великаго Царя хочу поцѣловать!

— Вотъ Царь,—отвѣчала Наталья, указывая на своего супруга.

— Знаю, что это Царь,—возразилъ юродивый,—но тотъ Царь, который теперь еще въ утробѣ твоей, побольше твоего мужа!

Царь съ Царицей съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга.

— Ну, поцѣлуй ее, старикъ,—сказалъ Государь.—Ты увѣренъ, что Царица родитъ великаго Царя?—добавилъ Государь съ ласковой улыбкой.

— Да, да, какъ же, знаю,—весело воскликнулъ юродивый.—У тебя родится Пахомъ, будетъ владѣть большимъ костьюлемъ и всѣ его будутъ бояться!

— Чѣмъ онъ больше меня-то будетъ?

— А вотъ чѣмъ: вышиной будетъ въ 53 сажени да гораздо шире тебя.

Затѣмъ вскорѣ послѣ этого наставникъ царевича Феодора, великій богословъ и звѣздочетъ, Симеонъ Полоцкій, разсматривая звѣзды и увидя свѣтлую звѣзду подлѣ планеты Марса, разъ утромъ сказалъ Царю:

— Государь, у тебя родится сынъ Петръ, подобнаго которому не будетъ; его прославятъ народы, будетъ онъ чудный побѣдоносецъ, смирить враждующихъ сосѣдей, многіе падутъ отъ его меча; увидятъ его дальнія страны и многимъ будетъ страшенъ!

Царь усомнился и, молча выслушавъ Симеона, подумалъ: — „отъ Бога ли это предвѣщаніе?“—Но послѣ довольно продолжительной бесѣды Государь, узнавъ, почему это сказалъ Симеонъ, приказалъ ему являться къ своему царскому столу.

Въ Москвѣ жители съ робостью передавали другъ другу о чудесныхъ предсказаніяхъ и съ нетерпѣніемъ ожидали рожденія царевича.

Узнавъ объ этихъ толкахъ, находившійся въ то время въ Россіи голландскій посланникъ Николай Гейнзій написалъ объ этомъ въ Утрехтѣ своему другу Оомъ Гревію и, къ своему удивленію, получилъ отъ него письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что и нидерландскіе астрономы согласны съ предсказаніями русскихъ звѣздочетовъ: „они также,—писалъ онъ,—говорятъ, что будущій царевичъ будетъ великимъ государемъ, страшнымъ врагамъ“ *).

Наконецъ наступилъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый всѣми день рожденія Петра въ 1672 году 30 мая.

Наканунѣ 29 мая чудный теплый день клонился къ вечеру. Величественное дневное свѣтило, красное, какъ раскаленный шаръ, висѣло еще надъ горизонтомъ; голубое небо было необыкновенно чисто. Но вотъ, какъ бы окинувъ своимъ взоромъ послѣдній разъ міръ, солнце спокойно удалилось; тотчасъ на его мѣстѣ, такъ же спокойно, какъ зашло оно, погасло надъ потемнѣвшей землей и алое сіянье и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣча, затеплилась вечерняя звѣзда, Венера. Становилось все темнѣе и темнѣе; наконецъ волшебнo-прекрасная ночь раскинула свой таинственный покровъ надъ міромъ; быстро одна за другой зажигались звѣзды, и вскорѣ все небо заискрилось, словно брильянтами. Постепенно стихли голоса, опустѣли московскія улицы и въ домахъ погасли одинъ за другимъ огни. Величественно

*) Истор. Петр. Велик. Полевой.

выплыла луна и залила все кругомъ своимъ серебристымъ свѣтомъ. Кругомъ царствовала полная тишина, все кругомъ спало.

Только не спали во дворцѣ. Тамъ было замѣтно движеніе и въ окнахъ мелькали огни. Царица уже третьи сутки сильно мучилась. Она была безъ памяти, металась и стонала. Государь въ сильномъ волненіи то быстро ходилъ у себя по комнатѣ, то садился, поминутно подходилъ къ двери и прислушивался. Такъ всю ночь никто не спалъ.

Едва начало разсвѣтать, къ Царю пріѣхалъ Симеонъ и сказалъ:

— Успокойся, Государь, все обойдется благополучно.

— Распорядись, чтобы отслужили молебенъ въ Успенскомъ соборѣ,—сказалъ Государь вошедшему слугѣ, не слушая утѣшеній Симеона.

Симеонъ, ставъ на колѣни предъ образомъ Спасителя, началъ молиться о томъ, чтобы продолжилась болѣзнь Царицы.

— Безумный! о чемъ ты молишься?—съ гнѣвомъ сказалъ ему Царь.—Моя супруга и такъ едва жива!

— Я молю продлить ея болѣзнь еще полчася,—спокойно отвѣчалъ Симеонъ.—Тогда царевичъ проживетъ до семидесяти лѣтъ, а если онъ сейчасъ родится, то только до пятидесяти!

— Государь! царевичъ родился,—вдругъ сказалъ, поспѣшно подойдя къ нему посланный.

— А что Царица, жива?—спросилъ Государь.

— Да, Государь!

— Благодарю Тебя, Создатель! воскликнулъ Государь

со слезами на глазахъ и, помолившись предъ образомъ Спасителя, назвалъ родившагося сына Петромъ и поспѣшилъ благословить его отцовскимъ и царскимъ благословіемъ.

Въ Успенскій соборъ тотчасъ было послано приказаніе отслужить благодарственный молебенъ по случаю рожденія царевича Петра; но его имя уже было произнесено на эктении. Вмѣстѣ съ именами Феодора и Іоанна іеродіаконъ неожиданно произнесъ имя царевича Петра. Архіерей, подозвавъ его, сдѣлалъ выговоръ, но іеродіаконъ поклялся, что ему кто-то велѣлъ помянуть царевича Петра.

Чрезъ нѣсколько времени вся Москва огласилась радостнымъ перезвономъ, во всѣхъ церквахъ служили благодарственные молебны. Кремль и дворецъ наполнились народомъ и царедворцами. Царь съ веселымъ лицомъ принималъ поздравленія. Въ этотъ же день Государь слушалъ въ Успенскомъ соборѣ обѣдню и благодарственный молебенъ. 28 іюня были совершены крестины, а 29 іюня, въ день тезоименитства Царевича, во дворцѣ былъ данъ богатый обѣдъ.

Такъ какъ предъ рожденіемъ Царевича много было предзнаменованій, то народъ возлагалъ на него великія надежды и радовался его рожденію.

Царь также не могъ нарадоваться на свою юную супругу, которая послѣ тяжелой болѣзни стала ему еще дороже, и на новорожденного Царевича. И Петръ не мало утѣшалъ отца, такъ какъ совсѣмъ не походилъ на своихъ болѣзненныхъ братьевъ. Онъ былъ здоровый, необыкновенно прекрасный, очень живой, рѣзвый и не по

лѣтамъ понятливый ребенокъ. Почти съ самой колыбели онъ особенную страсть питалъ къ воинскимъ потѣхамъ.

Однажды, когда Петру исполнилось три года, одинъ купецъ поднесъ ему маленькую саблю. Царевичъ, увидя саблю, весь преобразился: глаза его горѣли, какъ звѣзды, на щекахъ вспыхнулъ яркій румянецъ. Взявъ саблю, онъ расцѣловалъ купца и, подойдя къ отцу, сказалъ:

— Батюшка, награди его.

Государь, съ нѣжной улыбкой посмотрѣвъ на своего любимца, пригласилъ купца обѣдать. Царскій духовникъ прочелъ молитву, Царевича препоясали мечомъ. Послѣ этого онъ никогда не разставался съ саблею и часто даже засыпалъ съ нею.

Государь, видя въ сынѣ такую любовь къ военнымъ забавамъ, тайно собралъ ровесниковъ ему изъ дѣтей царедворцевъ, одѣлъ въ военный мундиръ, вооружилъ, разставилъ ихъ въ пріемной комнатѣ и, когда все было готово, велѣлъ привести юнаго Петра.

Петръ, при видѣ живыхъ солдатъ, такъ былъ пораженъ и обрадованъ, что первое время ничего не могъ сказать. Нѣкоторое время длилось молчаніе.

Царь, Царица и всѣ смотрѣли, молча, на мальчика, который, еще разъ оглядѣвъ войско, посмотрѣлъ на отца и, бросившись его цѣловать, заплакалъ.

— Что съ тобою, сынъ мой? о чемъ плачешь?— спросилъ съ удивленіемъ Государь, нѣжно цѣлуя его.— Или тебѣ не нравится мой подарокъ?

— Напротивъ, дорогой батюшка, очень нравится и я тебѣ очень, очень благодаренъ,—залепеталъ ребенокъ, утирая слезы и глядя на отца своими большими, ясными

глазами. Съ этихъ поръ онъ не разставался со своею дружиною и постоянно воевалъ.

— Что-то изъ него выйдетъ, когда вырастетъ?— говорили царедворцы, смотря на его игры.

Государь съ радостью видѣлъ, что его сынокъ не по днямъ, а по часамъ росъ и умнѣлъ; но не долго пришлось ему радоваться и любоваться своимъ сыномъ. Здоровье быстро слабѣло и тайная дворская крамола зашипѣла подлѣ престола умирающаго властелина Русской земли.

Женитьба Алексѣя Михайловича на Натальѣ Кирилловнѣ была великимъ ударомъ для придворныхъ, во главѣ которыхъ были Милославскіе, родственники первой супруги Царя. Они подчинили себѣ и другихъ вельможъ и рассчитывали на неограниченную власть при наслѣдникѣ Алексѣя Михайловича. И вдругъ съ женитьбой Государя на Наталіи Кирилловнѣ ихъ планы сразу были разрушены. Теперь появились новые царскіе любимцы, Нарышкины и ихъ родственники и друзья, которые овладѣли чинами, богатствомъ и доходными мѣстами. Матвѣевъ, получивъ высшій боярскій чинъ, былъ первымъ царскимъ совѣтникомъ. Видя любовь Царя къ супругѣ и Петру, Милославскіе и ихъ сообщники начали сильно трусить. Стали ходить слухи, что Государь колеблется, кому передать престолъ—Ѳеодору или Петру и хочетъ назначить послѣ своей смерти Матвѣева правителемъ государства.

— Кроткій Ѳеодоръ,—говорили Милославскіе,—конечно, уступить престолъ младшему брату, котораго любитъ отецъ и на котораго народъ возлагаетъ большія надежды.

И хотя въ 1674 году двѣнадцатилѣтній Ѳеодоръ и

01176075

былъ объявленъ наслѣдникомъ, но придворные, хорошо зная, что это еще царская воля можетъ измѣнить, сильно заволновались, когда въ началѣ 1676 года Царь Алексѣй Михайловичъ вдругъ заболѣлъ.

— Что-то будетъ? что-то будетъ?—говорили со страхомъ другъ другу Милославскіе.—Неужели Государь назначить своимъ наслѣдникомъ Петра?!... Тогда мы погибли.

Въ 1676 году 29 января разнеслась вѣсть, что Государь при смерти.

Во дворцѣ собрались вельможи и царедворцы. Съ тревогой ожидала Москва рѣшенія судьбы государства. Подлѣ умирающаго Государя были его супруга, патриархъ и дѣти. Никто не смѣлъ сказать слова. Въ комнатѣ царила тишина, прерываемая стонами умирающаго и рыданіями царицы, которой не до того было, чтобы думать о царствѣ. Молчали и Нарышкины, Матвѣевъ и друзья ихъ, а между тѣмъ смерть быстро приближалась къ Царю.

Наконецъ Милославскіе и патриархъ, видя приближеніе кончины Государя, удалили Царицу и всѣхъ ея друзей. Затѣмъ первосвященникъ, подойдя къ больному, напомнилъ ему о близкой кончинѣ, и Государь, подозвавъ Ѳеодора, благословилъ его на царство. Послѣ этого приобщился Св. Тайнъ и пособоровался.

— Теперь позовите ко мнѣ, — сказалъ слабымъ голосомъ Государь, — мою супругу, дѣтей и всѣхъ, а ты, владыко, читай отходную... А ты, сынъ мой, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Ѳеодору и осѣняя его крестомъ, — будь добрымъ царемъ, замѣни меня брату своему Петру, почитай супругу мою Наталію, какъ мать и царицу...

— Берегите моего возлюбленного сына Петра, какъ зеницу своего ока, — сказалъ онъ, подозвавъ къ себѣ старика Кирилла Нарышкина, князя Петра Прозоровскаго и Ивана Головина. И началъ съ нѣжностью и любовью обнимать и цѣловать малютку, говоря:

— Дорогое дитя мое, не суждено было мнѣ еще радоваться на тебя и увидѣть тебя взрослымъ. Прощай, мое сокровище... Прощай... прощай Наталья... супруга моя возлюбленная...

Наталья стояла подлѣ постели своего умирающаго супруга блѣдная, какъ смерть, по ея прекрасному лицу катились крупныя слезы.

Едва замолкъ государь и въ изнеможеніи закрылъ глаза, какъ Наталья, упавъ на колѣни, съ горькими рыданіями сказала:

— Супругъ мой дорогой, что ты приказываешь мнѣ и твоему сыну?

— Приподнимите меня... и... и... под...не...си...те... ко...мнѣ... Петра, — сказалъ онъ прерывающимся отъ слабости и волненія голосомъ.

Когда поднесли Петра, онъ положилъ ему на голову холодѣвшую руку; языкъ его коснѣлъ — едва могли только разобрать:

— Не плачь, — сказалъ онъ царицѣ, — ему суждено быть царемъ! И голова его упала, закрылись глаза.

— Скончался! — прошепталъ съ тяжелымъ вздохомъ Кириллъ Нарышкинъ.

Царица вскрикнула и, какъ подкошенный снопъ, упала на полъ... Ее безъ чувствъ унесли изъ комнаты Царя.

ГЛАВА II.

нова Москва огласилась печальнымъ перезвономъ, извѣщавшимъ народъ о кончинѣ Государя, и вмѣстѣ съ тѣмъ было велѣно присягать юному Θεодору. Всѣ тотчасъ повиновались. Θεодоръ, рыдая, проводилъ гробъ отца до могилы.

16-го іюня въ Успенскомъ соборѣ было совершено торжественное коронованіе Θεодора. Все было тихо въ Москвѣ и Россіи; не слышно ни казней, ни опалъ. Но едва не стало Алексѣя, какъ при дворѣ все перемѣнилось.

Еще не успѣли похоронить Государя, какъ Θεодоръ приказалъ Матвѣеву ѣхать на воеводство въ Сибирь. Это назначеніе было предлогомъ какъ-нибудь удалить Матвѣева, котораго боялись Милославскіе. Грустно было Матвѣеву уѣзжать изъ Москвы, но онъ, молча, повиновался. Едва онъ уѣхалъ, какъ Нарышкины тотчасъ были лишены всѣхъ важныхъ мѣстъ, которыя теперь заняли Милославскіе. По дорогѣ въ Сибирь Матвѣева вдругъ остановили, обыскали, допрашивали и подъ стражею отправили въ Казань. Такъ безъ суда онъ былъ лишенъ боярскаго сана и отправленъ съ семьею въ городъ Пу-

стозерскъ. Богатыя имѣнія Матвѣева были отобраны и разграблены. Но дальнѣйшія преслѣдованія Θεодоръ остановилъ, и Милославскіе рѣшили со временемъ до кончить остальное.

Вначалѣ правленіе Θεодора было какъ бы продолженіемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича. Юный Царь, казалось, не думалъ о нововведеніяхъ. Но его недостойные любимцы вскорѣ перессорились. Этимъ воспользовался учитель Царя, Симеонъ Полоцкій, и незамѣтно овладѣлъ своимъ ученикомъ.

Поздно увидѣли Милославскіе свою ошибку; опасенія ихъ возобновились: замыслы Симеона могли осуществиться. Такъ какъ Θεодоръ былъ очень слабаго здоровья, то начали подумывать о наслѣдникѣ, но вслѣдствіе того, что Іоаннъ былъ еще болѣзненнымъ Θεодора, взоры всѣхъ и обращались не на Іоанна, а на юнаго красавца Петра.

Милославскіе также замѣчали, что самъ Θεодоръ благоволилъ болѣе къ младшему брату и, исполняя данный обѣтъ отцу, и къ Царицѣ относился съ почтеніемъ. Отдаливъ отъ двора Нарышкиныхъ, осудивъ Матвѣева, при Наталіи онъ оставилъ всѣхъ ея царедворцевъ, называлъ матерью, не слушалъ никакихъ наговоровъ на нее, помѣстилъ ее въ Кремлевскомъ Потѣшномъ дворцѣ, гдѣ часто навѣщалъ ее и любовался на юнаго Петра.

Съ каждымъ годомъ поразительныя способности Петра обнаруживались все болѣе и болѣе. Едва ему исполнилось пять лѣтъ, какъ было рѣшено учить его грамотѣ.

Посовѣтовавшись съ Симеономъ и боярами, Царь назначилъ ему учителемъ дьяка Зотова. Страшно было

Зотову, но отказаться не смѣлъ. Въ 1677 году 12 марта, къ Царицѣ пріѣхалъ Ѳеодоръ съ патріархомъ и Зотовымъ. Владыка прочелъ молитву предъ начатіемъ ученія и юнаго Петра засадили за азбуку. Онъ быстро выучился читать и, полюбивъ чтеніе, много сталъ читать, отчего и выучилъ наизусть Евангеліе и Псалтирь. Зотовъ оказался очень хорошимъ учителемъ: онъ читалъ съ нимъ духовныя книги и лѣтописи, училъ Закону Божию, перебиралъ рисунки, велѣлъ нарисовать главнѣйшія событія Русской исторіи и развѣситъ ихъ по стѣнамъ учебной комнаты. Во время отдыха Зотовъ объяснялъ своему ученику значенія картинъ, на которыхъ было изображено взятіе Казани, Куликовская битва, весь воинскій артикулъ, важнѣйшіе европейскіе города, корабли и воинскія орудія.

Царевичъ Петръ съ горѣвшими глазками внимательно слушалъ рассказы своего учителя и скоро началъ задавать ему такіе вопросы, на которые тотъ не могъ отвѣтить. Воинскія игры Царевича также продолжались.

Между тѣмъ Милославскіе, видя вліяніе Полоцкаго на Государя и увеличившееся его расположеніе къ брату и Царицѣ Наталіи, начали сильно тревожиться и рѣшили удалить Царицу и ея дѣтей отъ Государя.

Однажды, придя къ Государынѣ, бояринъ Языковъ дерзко сказалъ ей:

— Государыня, ты должна переѣхать изъ Кремлевскаго дворца въ Преображенскій.

Государыня, подумавъ, что бояринъ передаетъ ей приказаніе Государя, ничего не сказала и горько заплакала.

Петръ, игравшій подлѣ матери, услыша ея рыданья,

оглянулся, вспыхнулъ и, тотчасъ. подойдя къ своему учителю, сказалъ:

— Идемъ къ Государю! — и, гнѣвно посмотрѣвъ на боярина, вышелъ изъ комнаты.

Войдя въ комнату Царя, онъ быстро подошелъ къ нему и съ волненіемъ сказалъ:

— Государь, братъ мой!

Государь сидѣлъ подлѣ стола и читалъ; при звукѣ его голоса онъ обернулся и, посмотрѣвъ на ребенка, взялъ съ нѣжностью его руки, сказавъ:

— Что съ тобою, дитя мое, что тебѣ нужно?

— Я, Государь, пришелъ къ тебѣ пожаловаться на Языкова: онъ хочетъ выгнать меня съ матерью изъ твоего дворца, какъ Годуновъ выгналъ Царевича Дмитрія, — отвѣчалъ, едва сдерживая слезы, юный Царевичъ. — Но я не уйду отсюда; гдѣ ты, тамъ и я, или я уже не царскій сынъ, что мнѣ въ отцовскомъ домѣ угла не даютъ?

— Успокойся, дитя мое, — сказалъ Феодоръ, съ нѣжностью обнявъ его. — Никто тебя не смѣетъ выгнать отсюда. И вмѣстѣ съ Петромъ тотчасъ пошелъ къ Наталіи.

Подоидя къ Царицѣ, все еще плакавшей, онъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Не плачь, матушка, Языковъ сдѣлалъ это безъ моего вѣдома, я ему сдѣлаю выговоръ, а ты какъ жила, такъ и живи.

Наталія успокоилась, но ея враги еще болѣе встревожились, особенно когда Царь совсѣмъ пересталъ слушать ихъ совѣты.

Между тѣмъ Симеонъ Полоцкій совсѣмъ овладѣлъ

Царемъ. Государь уже не сталъ скрывать своего намѣренія передать престолъ Петру. При дворѣ готовились важныя перемѣны. Матвѣевъ, доселѣ напрасно просившій о милосердіи и судѣ, вдругъ былъ перевезенъ въ ближайшій къ Москвѣ городъ Лугъ. Царь началъ оказывать ему всякія милости.

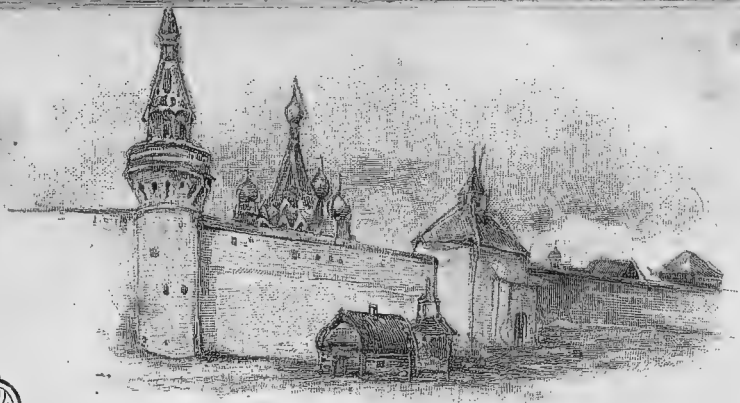
Но, къ несчастію, скончался Симеонъ Полоцкій, и Ѳеодоръ снова подпалъ подъ вліяніе Милославскихъ, которые теперь уже никому не уступали свое мѣсто; и снова начались гоненія на Царицу Наталію и Петра. Учитель Петра тотчасъ былъ удаленъ. Теперь подлѣ Ѳеодора постоянно находилась его сестра, Царевна Софья Алексѣевна.

Въ 1680 году Ѳеодоръ, по совѣту родныхъ, женился на дочери дворянина Грушецкаго, Агаѣи. Къ великой радости Государя, у него родился сынъ Илья, но эта радость была непродолжительна: чрезъ 4 дня послѣ рожденія Царевича умерла Царица Агаѣя, а чрезъ недѣлю за нею послѣдовалъ и Царевичъ Илья.

Ѳеодоръ такъ сильно сталъ тосковать послѣ смерти жены и сына, что его здоровье еще болѣе ухудшилось; онъ началъ проводить большую часть времени въ молитвѣ, оставилъ царскія заботы, думалъ только о загробной жизни, забывалъ о земномъ величій и мірскихъ дѣлахъ.

Между тѣмъ какъ здоровье Царя ослабѣвало, Милославскіе и Царевна Софья Алексѣевна тайно совѣщались.

ГЛАВА III.

Въ послѣднихъ числахъ августа 1681 года была теплая безлунная ночь; все небо было обложено тучами, словно свинцовой пеленой. Москва спала глубокимъ сномъ. Нигдѣ не было видно ни одного огонька, только, подобно звѣздочкамъ, мерцали съ крапчевскихъ горъ окна царскаго терема, сквозь которыя пробивался слабый свѣтъ лампадъ. На улицахъ царила могильная тишина, прерываемая воемъ собакъ да мѣрными шагами сторожей; нигдѣ не видно было ни одной человеческой души, все, казалось, замерло. Было далеко за полночь.

Вдругъ появилась какая-то тѣнь и, медленно прокравшись подлѣ стѣнъ дворца, быстро шмыгнула мимо дремавшихъ сторожей, обогнула дворецъ и тихо стукнула въ дверь, которая тотчасъ отворилась, и тѣнь исчезла во дворцѣ.

Въ это время въ одномъ изъ теремовъ Царевенъ— въ комнатѣ Царевны Софьи Алексѣевны появился свѣтъ. Царевна подошла къ окну и посмотрѣла.

— Какая темная ночь,—сказала она,—должно быть, будетъ дождь, все небо обложено тучами. Я думаю, дядя благополучно доберется до меня... Чу! я слышу шорохъ!—и она прислушалась; шорохъ послышался яснѣе, и затѣмъ раздался тихій стукъ въ дверь.

— Войди!—сказала Царевна.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ ея дядя, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій.

— Здравствуй, Царевна, ну что, какъ здоровье Царя?

— Здравствуй, Иванъ Михайловичъ... Плохо, батюшка, здоровье Царя, охъ... какъ плохо. Садись-ка, потолкуемъ,—сказала Царевна, сядя и указывая ему на кресло.—Онъ вѣдь и всегда былъ слабъ здоровьемъ, а теперь все хуже и хуже. Ужъ больно сильно подѣйствовала на него смерть жены, да, кромѣ того, вѣдь ты знаешь, и сынъ умеръ.

— Да, да, Государыня, знаю,—отвѣчалъ съ тяжелымъ вздохомъ бояринъ.—Большое это для насъ несчастье, да,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Видно, не воротишь прошлаго, не воскресишь мертвыхъ... Знаешь ли... знаешь ли это, Царевна,—сказалъ онъ, вдругъ понизивъ голосъ и пристально смотря на Царевну,—нужно бы намъ подумать о будущемъ.

— А я развѣ не думаю объ этомъ, бояринъ? Мы всѣ силы употребляемъ на то, чтобы вылѣчить брата; я сама за нимъ хожу. Нѣмецъ-докторъ также употребляетъ всѣ силы, да толку-то все нѣтъ.

— Конечно, на все воля Божія, но... но, Царевна, ты очень-то не полагайся на нѣмца.

— Э, полно, бояринъ, не грѣши, что за подозрительность; онъ самъ прежде пробуетъ всѣ лѣкарства,— перебила его Царевна.

— А что, Царевна,—продолжалъ бояринъ едва слышно,—что если... если Государь умретъ, что тогда будетъ, какъ ты думаешь?

— Ну, бояринъ,—отвѣчала Царевна съ едва замѣтной дрожью въ голосъ,—что у тебя сегодня за мрачныя мысли; хотя у брата и плохое здоровье, но все же я думаю, Богъ дастъ, поправится, вѣдь ему немного легче. Я надѣюсь даже, что онъ скоро совсѣмъ выздоровѣетъ, и тогда я его уговорю жениться на Апраксиной.

— На Апраксиной?—спросилъ съ ужасомъ бояринъ.— Смотри, хорошо ли это будетъ! Вѣдь Апраксина—крестница Матвѣева и значить будетъ на его сторонѣ. Того и гляди вернетъ Матвѣева, вѣдь его перевезли уже въ городъ Лугъ.

— Ну, ужъ нѣтъ, пока братъ живъ и я подлѣ него, этому не бывать! Нѣтъ... никогда!.. — сказала Царевна, гнѣвно сверкнувъ глазами.

— Я забочусь не о себѣ лично, Царевна. Хотя Матвѣевъ мнѣ и врагъ, но... ну, да у насъ свои счеты, когда-нибудь сведемъ ихъ... Я главнымъ образомъ забочусь о тебѣ и о всѣхъ нашихъ. Вспомни, какимъ почетомъ и славой пользовались всѣ мы при твоёмъ отцѣ, Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и что... что было потомъ? Кого изъ насъ сослали, кого заставили... о!... страшно подумать... уступить мѣсто родныхъ какой-то бездомной, привезенной неизвѣстно откуда. Пошли новые порядки, и мы... мы, царскіе приближенные, должны были пре-

клоняться... унижаться предъ какими-то Нарышкиными... Развѣ это легко! Развѣ это не тяжко!... О, если бы ты знала, какая страшная злоба и ненависть кипѣла въ моей душѣ, когда... когда я долженъ былъ уступить мѣсто Матвѣеву и остальнымъ! Ты тогда была слишкомъ молода, чтобы понять всѣ наши муки... Подумай... подумай, Царевна, — продолжалъ бояринъ хриплымъ голосомъ, — не та же ли участь и тебя ждетъ? Теперь ты, при жизни брата, пользуешься почетомъ, Царь тебя слушается, вѣдь ты всѣмъ управляешь, а что... что будетъ, когда онъ умретъ? Враги наши удалятъ тебя, а потомъ... потомъ запрутъ навсегда въ монастырь. Подумай, развѣ тебѣ при твоёмъ умѣ и послѣ такой жизни, развѣ легко будетъ жить тамъ... гдѣ-то далеко... далеко отъ свѣта, за монастырской оградой? Посадятъ это тебя одну и даже самыхъ ближнихъ не пустятъ... Обдумай, Царевна, мой послѣдній тебѣ совѣтъ, — обдумай все хорошенько, пока не поздно!

Сказавъ это, бояринъ посмотрѣлъ на Софью. Но она казалась спокойной: на ея лицѣ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ, только едва замѣтно сдвинулись густыя, черныя брови, да лицо слегка поблѣднѣло. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Ну, ужъ и наговорилъ ты мнѣ ужасовъ, — снова заговорила Софья, стараясь улыбнуться. — Хорошо, что я не изъ робкихъ... Къ чему прежде времени мучить себя... Богъ дастъ, братъ поправится, женится, будутъ дѣти, сынъ... наслѣдникъ.

— Ужъ это - то на что лучше, дай Богъ, ну, а если...

— Тогда... тогда... да развѣ можно сказать заранѣе, что тогда будетъ?... Я только и могу сказать,—воскликнула вдругъ съ страшнымъ блескомъ глазъ Царевна,—одно могу сказать: что, что бы ни было, не уступлю ненавистой мнѣ мачехѣ, не позволю властвовать и мудрствовать, какъ при сватушкѣ. Нѣтъ, не дамъ... И у меня есть преданные и сильные люди... Мы съ ней поборемся...

— Ахъ, Царевна, Царевна, — сказалъ бояринъ, съ грустью глядя на нее, — „поборемся“, легко сказать, да не такъ-то легко это исполнить. Есть у тебя люди, говоришь, а много ли ихъ, да и то до поры, до времени. Навѣрно, помани мое слово, скоро всю власть заберутъ Нарышкины...

— Что? что ты сказалъ?—почти вскрикнула Софья, вскочивъ, какъ ужаленная.—Бояринъ, не ослышалась ли я?... ты сказалъ... Нарышкины... власть заберутъ? Что жъ молчишь, скажи мнѣ... повтори!...

— Да, Царевна, я это дѣйствительно сказалъ, ты не ослышалась.

— Когда то, такъ плохо... плохо ты знаешь меня, бояринъ. Нѣтъ, этого никогда... не будетъ, пока я жива... Петръ еще ребенокъ, и у меня есть еще братъ Иванъ. Ничего, что больной, вѣдь и Феодоръ больной, однако царствуетъ. То же будетъ и при Иванѣ, я буду и имъ руководить.

Бояринъ молча смотрѣлъ на Царевну, ему очень понравился ея отвѣтъ и его лицо просіяло.

— Ну, будетъ объ этомъ толковать, — продолжала Софья, снова садясь, — вѣдь Царь-то еще живъ.

— И то будетъ, а мнѣ пора, прощай, Царевна!

— Прощай, бояринъ,—отвѣчала Софья, съ улыбкой прощаясь съ бояриномъ.

Когда Милославскій ушелъ, Софья нѣсколько минутъ прислушивалась къ его шагамъ, которые скоро затихли, и быстро сошла въ свою опочивальню.

— А Ѳедора, ты тутъ,—сказала она ласково, увидя свою постельницу, дремавшую въ креслѣ.

— Прости, Царевна,—сказала, быстро вскочивъ, старуха,—вздремнулось что-то.

— Ничего, ничего, ступай, ложись.

— Вотъ уложу тебя, Царевна, и пойду, еще успѣю выспаться.

— Нѣтъ, ступай, я сама раздѣнусь, ступай, ступай, мнѣ ничего не нужно.

— Какъ же это, Царевна, позволь я тебя раздѣну да уложу...

— Говорятъ тебѣ, ступай,—сказала Царевна, и въ ея голосѣ слышалось нетерпѣніе.

— Ну, хорошо, хорошо, солнышко мое ясное, уйду, уйду, прощай! — заговорила старуха и медленно пошла къ двѣри. Подойдя къ двери, она обернулась и посмотрѣла на Софью, которая молча стояла посреди комнаты.

— Охъ, съ Царевной что-то неладное творится, ужъ не заболѣла ли она, голубушка моя,—прошептала старуха и, тяжело вздохнувъ, исчезла за дверь.

— Слава Богу, наконецъ-то я одна,—проговорила едва слышно Софья и, подойдя къ двери, заперла ее.— Господи, какъ я измучилась, и когда это все кончится!

Разговоръ съ бояриномъ, хотя она и казалась спокойной, такъ сильно ее разстроилъ, что даже сонъ пропалъ, и душно было ей въ теремѣ.

Быстро раздѣвшись, Царевна подошла къ окну и отворила его. Въ душную комнату ворвался свѣжій воздухъ. Царевна, стоя подлѣ окна и съ жадностью вдыхая воздухъ, невольно залюбовалась открывшейся ей чудной панорамой.

Была прекрасная, теплая лѣтняя ночь. Вдали, въ Замоскворѣчьи, въ мягкихъ волнахъ матоваго луннаго свѣта, среди темныхъ пустыхъ садовъ виднѣлись жилища слобожанъ; ближе широкой лентой между неровными берегами, отражая въ себѣ Кремль и луну, извивалась красавица Москва-рѣка, мѣстами загроможденная плотами и судами, у бортовъ которыхъ тихо журчали набѣгавшія струи. Вправо поднимался къ небу соборъ съ блестящимъ золотымъ крестомъ, который, казалось, указывалъ, что только тамъ, въ недосыгаемой, безконечной выси, единственно только тамъ, можно получить истинное успокоеніе отъ всѣхъ мукъ и волненій житейскихъ. А тамъ, еще дальше, еще выше надъ крестомъ и людскими жилищами, надъ вѣчной людской суетой, безпредѣльно широко раскинулось чистое, голубое небо, все усыпанное звѣздами, яркими, какъ брильянты... Липы, усыпанныя цвѣтами и при лунномъ свѣтѣ казавшіяся серебряными, распространяли необыкновенно нѣжный и пріятный аромат. Кругомъ тихо... ни звука... Улеглись людскія волненія, затихли человѣческіе голоса, только кое-гдѣ раздастся окрикъ часовыхъ и караульныхъ или пѣсня какого-нибудь запоздалаго гуляки, да изрѣдка

послышится то тутъ, то тамъ лай собаки, и снова все стихнетъ... и снова тишина...

Царевна, смотря на это, невольно начала успокаиваться; постепенно блѣднѣли тревожные дневные вопросы, и вскорѣ вмѣсто нихъ возникло дорогое прошлое. Царевна вспомнила свое дѣтство, ласки и заботы матери.

— Весело прошло мое дѣтство,—едва слышно прошептала Софья,—и быстро... очень быстро... Думала ли я тогда, сидя подлѣ матери или играя съ сестрами, что мнѣ будетъ такъ тяжело... такъ грустно на сердцѣ... А какъ мать любила всѣхъ насъ... Я какъ сейчасъ помню, какъ она склонилась надъ моей кроваткой, благословила и поцѣловала... А какъ она смотрѣла на меня, сколько было нѣжности и любви въ ея глазахъ!.. Но вотъ, это я также хорошо помню, насталъ и несчастный для насъ день — день смерти матери... Вдругъ ночью во дворцѣ началась бѣготня и суетня и снова все стихло, затѣмъ раздался,—Царевна вздрогнула,—раздался крикъ матери и, Господи, какой ужасный и раздирающій душу былъ этотъ крикъ, я никогда не забуду его, а... а потомъ снова все смолкло, насъ пришли извѣстить о кончинѣ матери, и съ нами стала жить боярыня Анна Петровна. Ласкова она была, но все же далеко до матери. И съ этихъ поръ началась другая жизнь, все однѣ... все однѣ... отца рѣдко видали... скучно ему было съ нами...

Мало этого, чрезъ два года насъ поразилъ новый ударъ.

Однажды вошла къ намъ, — о, какъ памятенъ мнѣ этотъ день!—вошла къ намъ Анна Петровна и сказала:

— „Бѣдныя мои дѣточки! Государь хочетъ жениться,

заведетъ новая Государыня новые порядки, и тяжко вамъ будетъ жить съ злой мачехой“...

Но вотъ умеръ отецъ, сдѣлался Царемъ братъ, и ненавистная мачеха удалена, но... но неужели правда, что послѣ его смерти меня удалять?—воскликнула съ ужасомъ Царевна, снова вспомнивъ свой разговоръ съ Милославскимъ.—А если и не удалятъ и не заточатъ въ монастырь, такъ при Нарышкиныхъ развѣ это жизнь будетъ, вѣдь одно мученье! Придется запереться въ этомъ душномъ теремѣ... прощай тогда, золотая волюшка, прощай, свобода! Придется жить, какъ живутъ тетки и сестры... Нѣтъ, я такъ жить не могу, по-моему, это не жизнь, а смерть... нѣтъ... нѣтъ... хуже смерти... Я задохнусь въ стѣнахъ этого тѣснаго терема... Нѣтъ, мнѣ нуженъ просторъ... власть... власть мнѣ нужна!... Монастырь!... нѣтъ... нѣтъ... этому не быть, никогда... никогда!.. — добавила Царевна.

Въ эту минуту если бы кто ее видѣлъ, пришелъ бы въ ужасъ.

Царевна, раздѣтая, съ распущенными длинными черными волосами стояла посреди комнаты, сжавъ кулаки; при блѣдномъ свѣтѣ луны, едва пробивавшейся сквозь узкое окно терема, ея лицо, искаженное злобой, казалось еще блѣднѣе, глаза страшно горѣли, губы нервно вздрагивали.

— Господи, Господи, какъ тяжело!—простонала Софья, придя въ себя, и, опустившись въ кресло, зарыдала. Слезы благотворно на нее подѣйствовали, она начала мало-по-малу успокаиваться, легла и вскорѣ заснула.

ГЛАВА IV.

Между тѣмъ Царь Ѳеодоръ дѣйствительно скоро поправился. Софья уговорила его жениться на Марѣѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, и въ 1682 году въ половинѣ февраля, торжественно была отпразднована его свадьба.

Но недолго послѣ свадьбы прожилъ Государь; чрезъ два мѣсяца онъ слегъ и уже болѣе не всталъ.

Весна вступила въ свои права. Снѣгъ потоками слился съ холмовъ; травка зеленѣла; воздухъ былъ теплый, легкій, всюду распространялся ароматомъ распускающихся почекъ. Природа оживала, а вмѣстѣ съ ней и люди, и животныя, и птички, и каждый по-своему привѣтствовалъ весну. Все веселилось и радовалось кругомъ, только во дворцѣ, казалось, не замѣчали весны, не до того было: Государь умиралъ.

Ко дворцу то и дѣло подѣзжали съ грустными, озабоченными лицами бояре.

Царевна снова проводила всѣ дни подлѣ постели больного брата, всѣми силами старалась его развлечь и

не разъ заговаривала о назначеніи наслѣдникомъ Ивана; но каждый разъ Ѳеодоръ останавливалъ ее.

Софья замолкала, но ей большого труда стоило скрывать свое отчаяніе и негодованіе, и каждый разъ, придя въ свою комнату, ломая руки и бѣгая, съ отчаяніемъ—воскликала:

— О, Боже, что-то будетъ съ нами?!

Было 27 апрѣля. Царевна, сидя подлѣ окна, съ грустью смотрѣла въ садъ. Кругомъ было тихо, только птички щебетали, весело перепархивая съ зеленыхъ, едва распустившихся вѣтокъ. Вдругъ послышались быстрые шаги. Царевна вздрогнула, обернулась и прислушалась.

Черезъ нѣсколько времени къ ней вбѣжала ея спальница и, задыхаясь, сказала:

— Царевна... матушка... говорятъ, Государю... очень... плохо... кончается!

Софья, сильно поблѣднѣвъ, встала и быстро пошла въ покои брата.

Ѳеодору дѣйствительно было очень плохо, онъ только что пріобщился св. Тайнъ и попросилъ всѣхъ удалиться, кромѣ жены и мамки, боярыни Анны Петровны.

Подойдя къ спальнѣ брата, Софья остановилась перевести дыханіе и прислушалась; въ комнатѣ умирающаго и кругомъ была такая тишина, что можно было слышать бѣеніе ея сердца. Постоявъ немного, она тихо отворила дверь и снова остановилась, какъ вкопанная.

У изголовья Царя сидѣла Царица Марѳа и горько плакала. Какъ ни тихъ былъ шорохъ, произведенный Софьей, боярыня услышала и обернулась.

Увидя Софью она подошла къ Царицѣ и сказала:
— Матушка моя, голубушка, не плачь, не убивайся, посмотри, на кого ты стала похожа... Богъ милостивъ, поправится Государь. Ну, перестань-же, успокойся.

Но Царица еще пуще залилась слезами, сжимая въ своихъ рукахъ сухую, блѣдную, нервно вздрагивавшую руку Θεодора.

— Да, Петровна правду говоритъ,—прошепталъ Царь прерывающимся отъ слабости голосомъ, съ трудомъ открывая глаза и стараясь улыбнуться.—Не плачь, Марѳуша, мнѣ лучше... Успокойся... поди... отдохни... усни... вѣдь ты всю ночь не спала... можетъ быть... и... я... усну... Поди... отдохни.

— Да, поди, Государыня, пойдемъ провожу. Лягъ вотъ тутъ, отсюда услышишь, если позоветъ Государь. Пойдемъ, а то твои слезы только увеличиваютъ его страданье.

Несчастливая Царица, молча, пошла, поддерживаемая боярыней, а Софья сѣла на ея мѣсто.

— Что, братецъ, плохо?—прошептала она, наклоняясь къ Θεодору.

Государь открылъ глаза и едва слышно прошепталъ:

— Да, охъ, какъ плохо, сестрица! Хотя я и успокоилъ Марѳушу... а... что скрывать—смерть... при... шла! Тутъ онъ закрылъ глаза и замолчалъ.

Нѣкоторое время длилось молчаніе; вдругъ умирающій, собравъ силы, снова заговорилъ:

— Положимъ, сестрица...

Софья вздрогнула и наклонилась къ нему.

— Положимъ, я не боюсь смерти, когда-нибудь нужно

умирать... приготовился... вотъ... только васъ... васъ жалко... Да что... знать... знать, Богу такъ... угодно... ничего не сдѣлаешь... Буди Его святая воля!.. А все же... грѣшный человѣкъ... страшно умирать... дѣла много... Что-то будетъ безъ меня... охъ, какъ страшно... страшно, милая сестрица.

Софья хотѣла было заговорить, но больной снова зашепталъ:

— Зачѣмъ ты уговорила меня жениться? загубилъ я бѣдняжку—Марѳушу... что... теперь... съ ней будетъ?

— Да кто жъ это зналъ, дорогой братецъ, думала, лучше будетъ, поправишься, подаришь наслѣдника.

— Ахъ, сестра, сестра,—прошепталъ онъ съ грустной улыбкой,—развѣ лучше было бы, если бы у меня родился сынъ? только еще болѣе бы было смуть да раздору... А у меня есть... наслѣдникъ... И, сильно закашлявшись, съ глухимъ стономъ онъ схватился за грудь.

— Что?... что съ тобою?—со страхомъ воскликнула Софья.

— Ничего... ни... че... го, не пугайся,—прошепталъ онъ едва слышно.

— Ты сказалъ, что у тебя есть наслѣдникъ, конечно, братъ Иванъ, но лучше, если бы у тебя былъ сынъ.

— Нѣтъ, не Иванъ,—перебилъ ее Государь тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ,—не Иванъ... Ты забыла, что у насъ есть еще братъ... умный... здоровый... Его отецъ хотѣлъ... назначить... наслѣдникомъ... и я... желаю это... слышишь... желаю... Когда вырастетъ, онъ будетъ хорошій Государь... только вотъ бѣда, не скоро вырастетъ онъ... вотъ меня что страшить... Эта мысль меня

не покидаетъ ни днемъ, ни ночью... Охъ, сестра... страшно... Государь смолкъ и отъ усталости закрылъ глаза.

Невозможно описать волненіе и отчаяніе Софьи.

„Нѣтъ, не позволю ему назначить наслѣдникомъ Петра... ни за что“, — думала она — и послѣ минутнаго молчанія, собравшись съ духомъ, сказала:

— Братъ, ради Бога, прошу, выслушай меня.

Феодоръ вздрогнулъ и открылъ глаза.

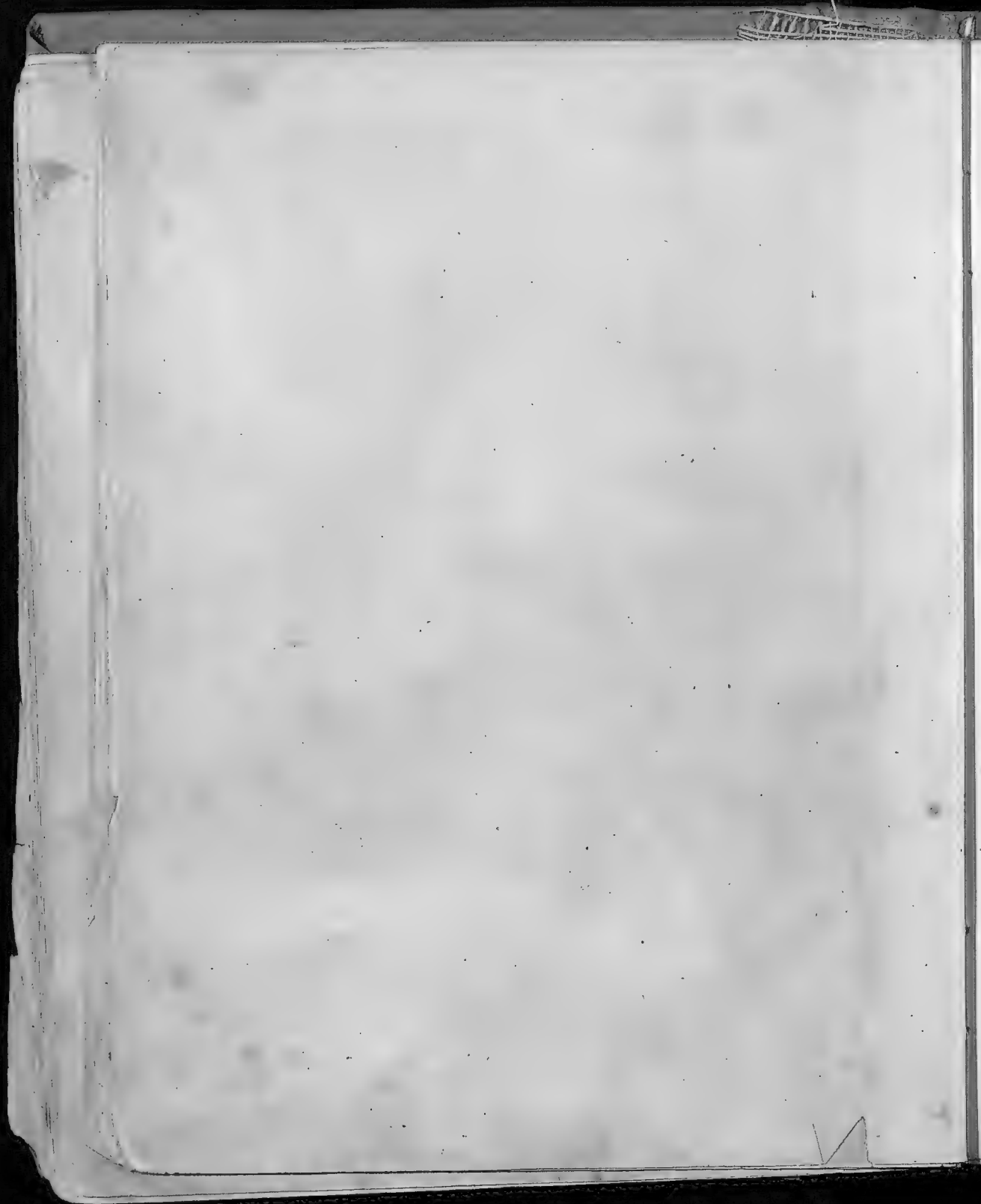
— Вѣдь ты знаешь, какъ я люблю Россію — дорогую родину мою... Не злоба, не ненависть, но страхъ за родину заставляетъ меня умолять тебя не назначать наслѣдникомъ Петра и не отдавать Россію Нарышкинымъ... Ужъ я молчу о томъ, что они всѣхъ насъ погубятъ; пусть мы-то пропадаемъ, но вѣдь съ нами пропадетъ и Россія! Неужели ты еще не узналъ Нарышкиныхъ... Согласна съ тобой, Петръ умный ребенокъ, но не забудь, вѣдь онъ ребенокъ и когда еще будетъ въ состояніи самостоятельно управлять... Ты самъ только что упомянулъ, что тебя страшитъ ожидающая участь Государства, потому что онъ ребенокъ... Братъ, ради всего святаго, молю тебя, назначь своимъ наслѣдникомъ Ивана... Мы всѣ будемъ работать... Братъ, вспомни наши разговоры о дѣлахъ Государства... Вспомни, какъ ты хвалилъ мои мысли! Клянусь тебѣ Богомъ, клянусь памятью родителей, всю душу положу... Братъ, братъ, сжался надъ нами!

✚ По ея блѣднымъ щекамъ катились крупныя слезы, глаза лихорадочно горѣли. Въ это время она была очень хороша.

Феодоръ долго съ грустью и любовью смотрѣлъ на нее, затѣмъ, положивъ на плечо сестры руку, сказалъ:

По ея блѣднымъ
щекамъ капилась
крупныя слезы.

— Ахъ, Софья, Софья! Сколько мукъ приносятъ мнѣ твои слова; если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело, охъ, какъ тяжело! — не сказалъ, а простоналъ онъ; на его мертвенно блѣдномъ лицѣ были написаны сильныя муки и страданія.

Послѣ минутнаго молчанія, собравъ послѣднія силы, Теодоръ снова прошепталъ:

— Знаю, что во многомъ ты права; знаю, много горя увидите безъ меня, но что... что же мнѣ дѣлать?!... Сильный кашель заставилъ его замолчать, снова наступило молчаніе.

Государь лежалъ съ закрытыми глазами и тяжело дышалъ. Видно было, что въ немъ происходила страшная борьба между любовью къ сестрѣ и боязнью измѣнить отцовской клятвѣ.

— Нѣтъ,—подумалъ онъ—и, собравъ послѣднія силы, едва слышно прошепталъ:

— Ничего не могу сдѣлать, дорогая сестра... Не смѣю согрѣшить предъ Богомъ... не смѣю измѣнить клятвѣ... слышишь ли? Я далъ клятву отцу... Софья, сердце мое разрывается, какъ я подумаю о васъ!... Тяжко... тяжело мнѣ, дорогая сестра... Но, несмотря на это, все же не смѣю назначить Ивана... А кого еще? Тебя? Хотя я и увѣренъ, что ты, съ твоимъ умомъ, справишься бы, но вѣдь ты и сама знаешь, что это невозможно. Этого никогда не было... И если бы я это сдѣлалъ, надо мною только бы посмѣялись, а тебѣ присягать не стали и вышелъ бы одинъ соблазнъ, болѣе ничего... Нѣтъ, Софья, нѣтъ, ничего не могу сдѣлать, хотя видитъ Богъ, какъ желалъ бы я что-нибудь сдѣ-

латъ для васъ... да напрасно ты себя и меня мучаешь!..
Пойми же, наконецъ, меня, не могу... не... мо... гу!—
добавилъ онъ съ отчаяніемъ и въ сильномъ волненіи
приподнялся было, но вдругъ, слабо вскрикнувъ, упалъ.
Хотѣлъ что-то сказать, но не могъ, метался, дѣлалъ зна-
ки руками, но Софья не понимала.

Прошло нѣсколько минутъ томительнаго молчанія,
снова послышался стонъ, снова усиліе заговорить... и
ни звука!

— Что ты?... что ты, дорогой мой братъ?—восклик-
нула Софья и, бросившись къ умирающему брату, обня-
ла его, но онъ, молча, посмотрѣлъ на нее, и въ этомъ
взглядѣ была цѣлая бездна отчаянія и мольбы, затѣмъ
послышался тяжелый вздохъ и глаза закрылись. Царев-
на подумала, что онъ скончался, дико вскрикнула и ли-
шилась чувствъ.

Услыша крикъ, въ спальню вбѣжала съ горькимъ
плачемъ Царица Марѳа, а за нею боярыня.

Но Царь еще былъ живъ. Открывъ глаза, онъ зна-
комъ подозвалъ жену, взялъ ея руку и глядѣлъ на нее
потухающимъ взоромъ.

Между тѣмъ боярыня бросилась къ безчувственной
Софьѣ и послѣ долгихъ усилій привела ее въ чувство.

Вѣсть о близкой кончинѣ Царя быстро облетѣла
Кремль, а затѣмъ и всю Москву.

Встрепенулась Москва, всколыхнулась... Только и
слышалось всюду: „Царь умираетъ!“ и народъ толпами
бросился къ Кремлю. Но всѣ ворота въ Кремль были
заперты, кругомъ стояла стража и пускала туда только
нѣкоторыхъ.

Въ комнатѣ умирающаго царствовала тишина, только нарушаемая мѣрнымъ голосомъ патріарха, читавшаго отходную, да рыданьемъ Царицы. У изголовья Царя стояла Царица Марѳа; затѣмъ тетки и сестры, блѣдныя, какъ смерть.

Но испуганнѣе и блѣднѣе всѣхъ была Царевна Софья. Теперь она видѣла, что все пропало: царь былъ безъ памяти и не было надежды, что придетъ въ себя, да если и придетъ, едва ли будетъ въ состояніи сдѣлать какое-либо распоряженіе. Но, несмотря на это, умъ Царевны продолжалъ работать... Вдругъ ее осѣнила мысль, лицо вспыхнуло и глаза заблестѣли.

Улучивъ удобную минуту, она незамѣтно отдѣлилась отъ сестеръ, подошла къ своему дядѣ Милославскому и шепнула ему:

— Что жъ ты... видишь... все кончено... Неужели уступить?... по-моему, необходимо сдѣлать послѣднюю попытку... нужно... научить... народъ... просить... за Ивана... распорядись... скорѣе!.. Ну, ступай, да не бойся же... никто не замѣтитъ твоего ухода... не до того... скорѣе... скорѣе, ради Бога... а то мы пропали!

Сказавъ все это скороговоркой, Софья чрезъ минуту снова стояла подлѣ постели брата, блѣдная и съ опущенными глазами.

Всѣ собрались подлѣ умирающаго, кромѣ Наталіи Кирилловны и Петра, которые хотя и тотчасъ поѣхали во дворецъ, но Царя уже не застали въ живыхъ. Царь такъ тихо скончался, что никто и не замѣтилъ бы, какъ все это случилось, если бы отчаянный крикъ Царицы Марѳы не извѣстилъ о его кончинѣ.

Царицу и Царевенъ почти на рукахъ вынесли изъ спальни Царя.

Одна только Софья не рыдала.

Она, крѣпко стиснувъ зубы, какъ каменная статуя, стояла неподвижно подлѣ трупа брата; на ея безжизненномъ, мертвенно блѣдномъ лицѣ не было ни слезинки.

Съ быстротою молніи облетѣла вѣсть о кончинѣ Царя по всему дворцу и Кремлю...

Чрезъ нѣсколько времени гулко и заунывно зазвучалъ большой московскій колоколъ изъ Кремля, извѣщая народъ о кончинѣ Государя, и народъ толпами бросился въ Кремль проститься съ нимъ.

ГЛАВА V.

Между тѣмъ какъ народъ прощался съ Царемъ, въ сосѣдней со спальней Государя комнатѣ тихо разговаривали Софья и патриархъ.

— Такъ ты, владыка, не хочешь стать на нашу сторону? — едва сдерживая себя, сказала Царевна, послѣ долгихъ напрасныхъ стараній убѣдить патриарха дѣйствовать въ свою пользу. — Кого же вы думаете избрать царемъ?...

— Это будетъ вполнѣ зависѣть отъ народа, такъ какъ Государь не успѣлъ сдѣлать распоряженія, — отвѣчалъ патриархъ и ушелъ.

— А, такъ вотъ ты какъ, не хочешь! — прошептала едва слышно Царевна. — Хорошо, мы и безъ тебя обойдемся, — и медленно пошла въ свою комнату.

Патриархъ, разставшись съ Царевной, вышелъ къ народу и сказалъ:

— Кому быть теперь Царемъ Россіи?

На его вопросъ отвѣтомъ было гробовое молчаніе; одни не смѣли выразить свое мнѣніе, а другіе не понимали вопроса.

— Итакъ, если вы молчите, — снова заговорилъ патріархъ послѣ минутнаго молчанія и обведя взоромъ толпу, — то пусть это рѣшатъ сами наслѣдники престола. Да вразумить ихъ Господь на благо людей.

Сказавъ это, онъ ушелъ во дворецъ.

Когда патріархъ попросилъ ихъ рѣшить, кому царствовать, Іоаннъ робко сказалъ:

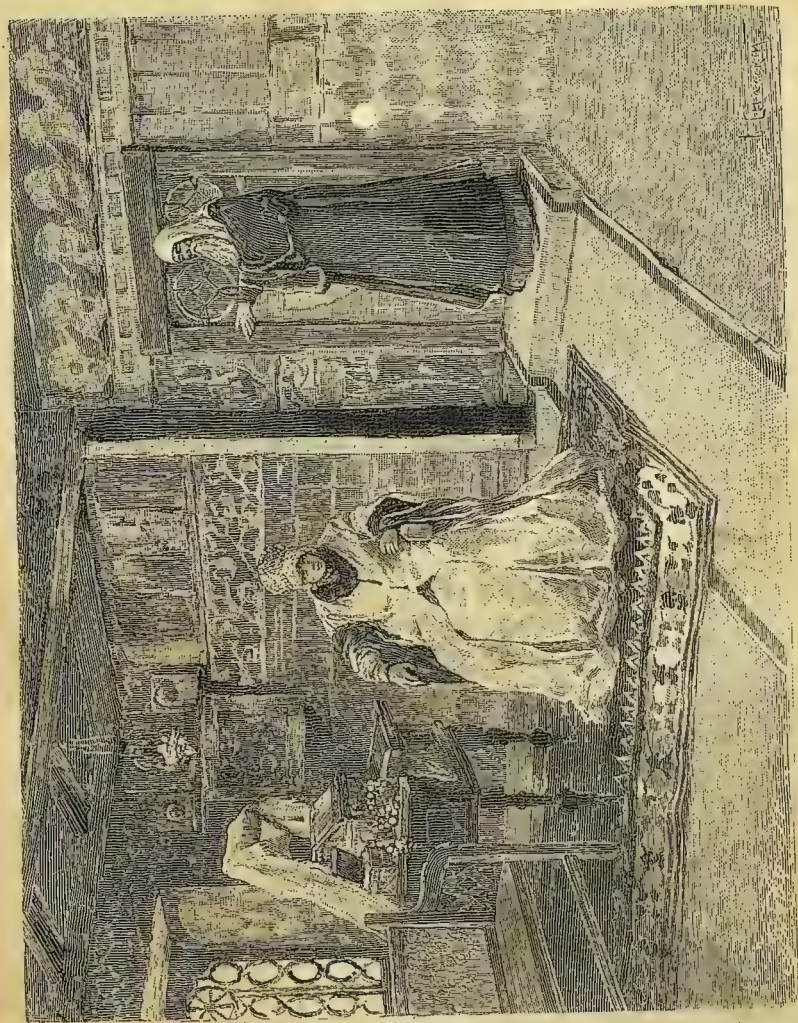
— Я уступаю престолъ брату, потому что имѣю слабое здоровье, да кромѣ того я — сирота, а у брата Петра Алексѣевича жива его мать, Царица Наталія Кирилловна.

Послѣ того какъ простились съ покойнымъ Царемъ, всѣ отправились для цѣлованія рукъ у его братьевъ, Царевичей Іоанна и Петра, которые въ громадной залѣ сидѣли рядомъ. Старшаго окружали его сестры и Милославскіе, около Петра сидѣла Царица Наталія Кирилловна и ея братъ Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, Долгорукіе и Голицыны.

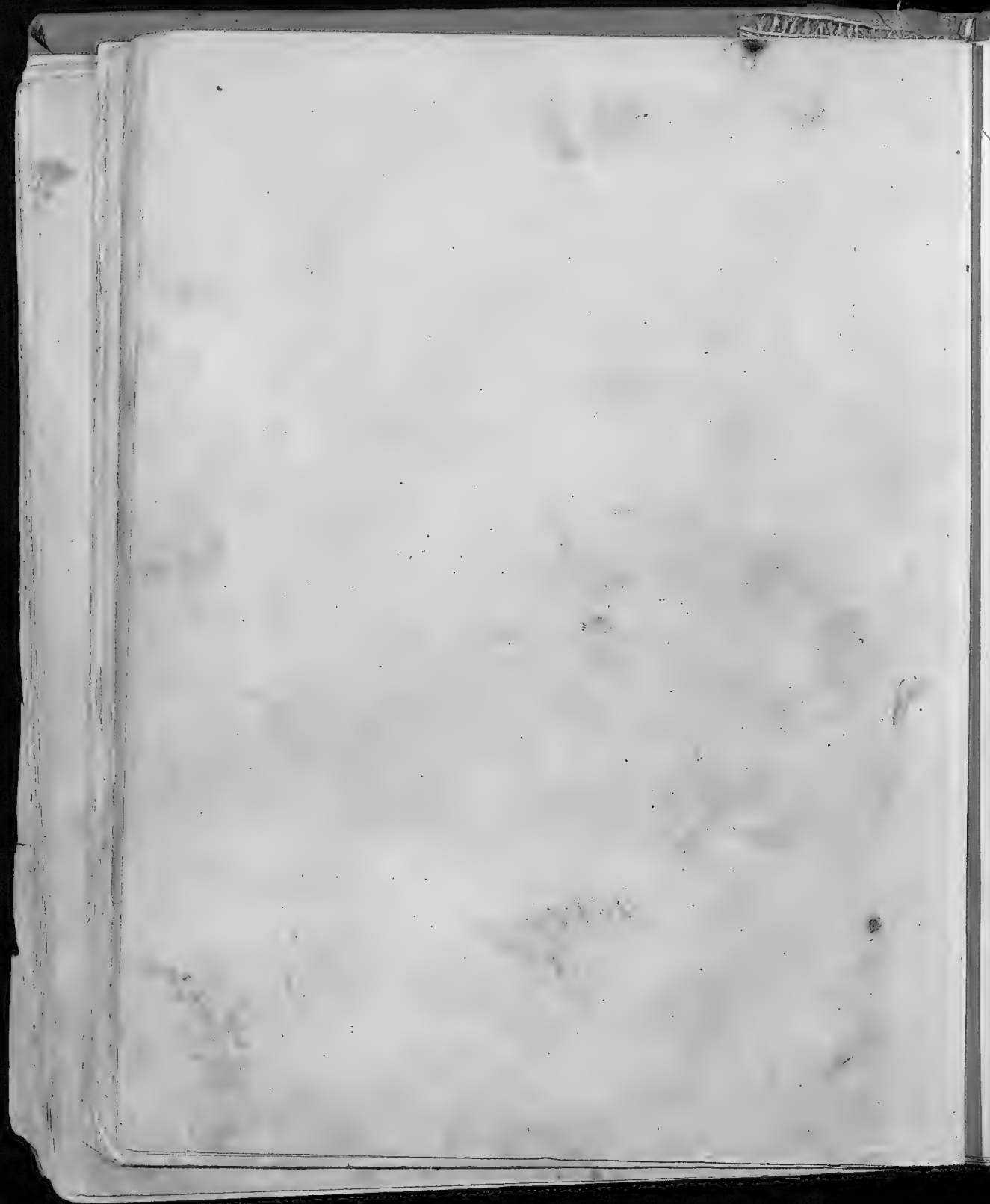
Царевичи рѣзко отличались другъ отъ друга.

Іоаннъ сидѣлъ тихо, съ блѣднымъ лицомъ, опущенными и полузакрытыми глазами и, казалось, ни на кого не обращалъ вниманія. Его рука, которую почтительно цѣловали, лежала на бархатной перекладинѣ кресла.

Не таковъ былъ младшій Царевичъ — красивый мальчикъ, съ русыми кудрями и темными огненными, заплаканными глазами; онъ зорко, но смущенно поглядывалъ кругомъ и все время находился въ движеніи. Иногда онъ взглядывалъ въ ту сторону, гдѣ стояли Царевны и Милославскіе и, замѣтивъ неласковый взглядъ, схватывалъ руку матери и прижимался къ ней. Поразительно красивое лицо Наталіи Кирилловны было серьезно и строго.

Въ соседней со-
спальной Госуда-
ря комнать ти-
хо разговаривали
Софья и напри-
архъ.

— Сиди, сынъ мой, смирно и не задавай, пожалуйста, мнѣ ненужныхъ вопросовъ,—говорила она тихо, наклоняясь къ сыну.

Мальчикъ замолкалъ и сидѣлъ смирно, но не долго: при живости его характера, это было ему очень трудно, и онъ снова начиналъ нашептывать матери свои впечатлѣнія.

Между тѣмъ на другой половинѣ дворца въ это время собралась Государственная Дума для рѣшенія вопроса, кому быть Царемъ.

Когда всѣ собрались, патріархъ, вставъ съ своего мѣста, сказалъ:

— Бояре, вамъ извѣстно, Государь скончался?!... По праву престолъ принадлежитъ Царевичу Іоанну Алексѣвичу, но, несмотря на наши просьбы, онъ отказался отъ престола въ пользу своего брата Петра Алексѣвича. Поэтому, по приказанію Государыни, Царицы Наталіи Кирилловны, мы и собрали Государственную Думу, чтобы рѣшить, кому царствовать.

Патріархъ сѣлъ.

Нѣкоторое время въ палатѣ царствовало молчаніе, которое первый рѣшился прервать бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій.

— Меня очень удивляетъ, что мы собрались для рѣшенія этого вопроса, когда Царевичъ Іоаннъ, который, какъ старшій, долженъ быть Царемъ, по милости Божіей, еще живъ.

— Ты правъ, бояринъ Иванъ Михайловичъ,—отвѣчалъ одинъ изъ Нарышкиныхъ;—но вѣдь святѣйшій патріархъ объяснилъ намъ причину: Царевича Іоанна

просили, но онъ самъ отказался въ пользу младшаго своего брата, Царевича Петра Алексѣевича.

— Просилъ святѣйшій одинъ,—возразилъ Милославскій,—а если мы всѣ его попросимъ, отъ всего Государства, тогда—почемъ знать?—можетъ и согласится.

— Да вѣдь намъ всѣмъ извѣстно, какое плохое здоровье у Царевича,—отвѣчалъ сердито Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ.—Развѣ ему справиться? Я не понимаю, къ чему беспокоить его снова просьбами, когда онъ добровольно...

— Такъ ли... добровольно ли?—съ улыбкой перебилъ его Милославскій.—Мало ли по Москвѣ ходитъ слуховъ-то.

— Какихъ слуховъ?—крикнулъ, задыхаясь отъ гнѣва, Иванъ Кирилловичъ.

— А ты, вотъ что, бояринъ, ужъ если заговорилъ о какихъ-то слухахъ, такъ говори прямо, что это за слухи.

— Не мое дѣло все передавать, что слышу, мало ли что говорятъ; не тебѣ, Иванъ Кирилловичъ, учить людей постарше себя, молодъ, молодъ еще слишкомъ.

Начался споръ.

— Послушайте,—воскликнулъ патріархъ, чтобы прекратить споръ, который могъ дурно окончиться,—давайте спросимъ у народа, который собрался подлѣ дворца.

— Да, святитель правду говорить. Мы не можемъ сами это рѣшить, пусть рѣшаютъ люди всѣхъ чиновъ Московскаго государства!—послышались голоса.

Патріархъ тотчасъ всталъ и, въ сопровожденіи архіереевъ, вышелъ на крыльцо. При появленіи патріарха наступила тишина.

Святитель, окинувъ взоромъ толпу, громко сказалъ:

— Православные, Государь скончался, какъ вамъ извѣстно, а Царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ отказался въ пользу младшаго брата Петра Алексѣевича. Что скажете вы? Кому изъ двоихъ царевичей царствовать?!...

— „Быть царемъ Петру Алексѣвичу! Да здравствуетъ Царь Петръ Алексѣевичъ!...“

Имя Петра загремѣло по Кремлю. Только въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздалось имя Іоанна.

— Петру Алексѣвичу!— снова крикнула толпа.

— Ивану Алексѣвичу! — слышалось нѣсколько голосовъ, которые тотчасъ были заглушены криками: „Петру Алексѣвичу! Да здравствуетъ Петръ Алексѣевичъ!“...

Патріархъ поклонился народу и ушелъ во дворецъ *).

Войдя въ палату, гдѣ были Царевичи, патріархъ сказалъ:

— По желанію народа избирается на царство юный Царевичъ Петръ Алексѣевичъ, а Государыня Наталія Кирилловна назначается правительницей государства на все время несовершеннолѣтія сына.

Затѣмъ, подойдя къ смущенному и взволнованному ребенку, благословилъ его на царство.

Царевичъ Иванъ не обратилъ на это никакого вниманія и такъ же спокойно продолжалъ сидѣть въ своемъ креслѣ; но Царевны и Милославскіе, съ замираніемъ сердца ожидавшіе этой минуты, были какъ громомъ поражены.

*) Истор. Соловьева. XIII т.

Прежде всѣхъ пришла въ себя Царевна Софья и едва слышно шепнула сестрамъ:

— Мужайтесь! Хотя Царевичъ Петръ и неправильно избранъ царемъ — онъ еще слишкомъ юнъ для этого, слѣдовало бы избрать Іоанна, который уже совершеннолѣтній; но дѣлать нечего. Петръ избранъ и мы должны пойти поздравить его; идемъ!

И собравъ послѣднія силы, она подошла къ юному Петру и насколько могла, сдѣлавъ веселое и спокойное лицо, поздравила его.

Ея примѣру послѣдовали сестры и всѣ Милославскіе.

Послѣ поздравленій, взявъ подъ руку Іоанна, они всѣ ушли изъ палаты. Софья вышла послѣдняя, попросивъ патріарха, когда онъ освободится, придти въ комнату, находившуюся радомъ со спальней покойнаго Государя.

Черезъ нѣсколько минутъ патріархъ, войдя въ комнату, гдѣ его дожидалась Софья, сказалъ:

— Я здѣсь, Царевна, что тебѣ нужно?

Софья, стоявшая подлѣ окна, при звукѣ его голоса, вздрогнула и быстро обернулась.

— Садись, св. отецъ! — сказала она съ едва замѣтнымъ волненіемъ. — Я просила придти тебя сюда, чтобы поговорить съ тобой. Мнѣ кажется, вы очень обидѣли Царевича Іоанна, назначивъ царемъ юнаго Петра.

— Іоаннъ Алексѣевичъ добровольно отрекся.

— Вы избрали Петра самовольно, не спросивъ народа.

— Неправда, народъ согласился.

— Нѣтъ, это не хорошо! Непремѣнно слѣдуетъ отдать престолъ Іоанну. Вы воспользовались тѣмъ, что онъ

больной и не можетъ постоять за себя, такъ я... я не допущу этого, слышишь, владыка, я вступлюсь за него,— добавила Софья, все болѣе и болѣе горячась.

— Теперь поздно объ этомъ говорить, Царевна. Пётръ избранъ и никто не можетъ свергнуть его съ престола,—спокойно отвѣчалъ патріархъ.

— Избраніе незаконно,—горячилась Софья.—Если Петра не имѣютъ права свергнуть съ престола, то кто же имѣетъ право лишать престола Іоанна? Пусть оба царствуютъ, когда такъ!..

— Многоначаліе неудобно,—отвѣчалъ патріархъ.— Пусть одинъ царствуетъ, значить, такова на то воля Божія.

— А развѣ лучше власть вельможъ, которые будутъ править государствомъ отъ имени Царя-отрока?

— Это невозможно, Царевна,—рѣшительно сказала патріархъ — и, поклонившись, ушелъ.

По удаленіи патріарха, Софья нѣкоторое время стояла, какъ статуя; затѣмъ проведя рукой по лбу, съ тяжелымъ вздохомъ, пошла, шатаясь, въ свои покои.

На нее страшно было смотрѣть: мертвенно блѣдное лицо исказилось отъ безсильной злобы и отчаянія, губы судорожно вздрагивали, глаза останавливались. Никому не говоря ни слова и не отвѣчая на вопросы, она только махнула рукой и заперлась въ своей спальнѣ. Отъ сильнаго волненія она не замѣтила свою спальницу, которая готовила ей постель.

Старуха, взглянувъ на Царевну, сразу поняла, что съ ней случилось что-то ужасное. Послѣ напрасныхъ стараній дать знать Царевнѣ о своемъ присутствіи, наконецъ, рѣшилась заговорить.

Тихо подойдя къ Софьѣ, она сказала, съ нѣжностью заглядывая ей въ глаза:

— Что съ тобою, Государыня? Ты больна?... Господи, да скажи хотя слово!

Но Софья смотрѣла куда-то вдаль и, казалось, ничего не видала и не слышала.

— Государыня! Царевна! выпей воды... Господи, Царица Небесная! что это съ ней! сглазиль что ль ее кто или ужъ не испортили ли. О, Боже! что мнѣ съ ней дѣлать? водой что ли спрыснуть,—говорила старуха, суется и беря за руку свою любимицу.

Вотъ послышался глухой стонъ, и наконецъ Царевна очнулась.

— Что тебѣ?—сказала она строгимъ хриплымъ голосомъ.—Ну, что тебѣ... что... что нужно? зачѣмъ ты здѣсь? и безъ тебя тяжело... душно... уходи... оставь меня... слышишь... оставь... мнѣ никого... и... ничего не нужно... слышишь, не нужно... что такъ смотришь на меня... не понимаешь?... не нужно... не нужно! ступай...

Но старуха не двигалась съ мѣста; ея дрожащія губы шептали молитву.

— Ахъ, да это ты, Федора?—сказала Софья, проводя рукой по лицу, какъ бы вспоминая что.—Да... да... что это я хотѣла сказать... погоди! слушай... бѣги, да смотри, скорѣе бѣги,—позови ко мнѣ боярина Ивана Михайловича и... и... ну... и всѣхъ сестеръ... слышишь, скорѣе!.. Впрочемъ, нѣтъ, погоди... погоди... не нужно... Ступай спать.

— Лягъ и ты, Царевна моя дорогая, отдохни, измучили тебя, бѣдная ты моя, давай, помогу раздѣться-то!

— Нѣтъ,—вдругъ перебила ее Софья, отстраняя нетерпѣливымъ жестомъ руки,—нѣтъ, ступай, я не хочу спать... ступай... мнѣ лучше... успокоилась.

Старуха, покачавъ головой, ушла, а Софья, заперевъ дверь, бросилась въ кресло и нѣсколько минутъ сидѣла, не шевелясь, съ закрытыми глазами, затѣмъ вдругъ вскочила и, поднявъ голову, съ страшнымъ блескомъ глазъ крикнула:

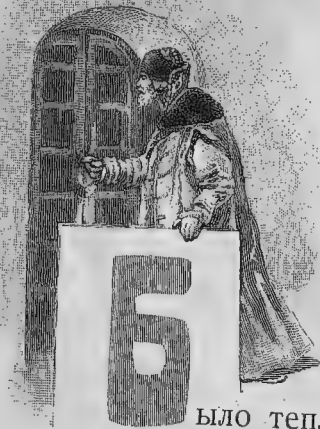
— Нѣтъ! этого не будетъ! Я не хочу умирать! не хочу гибнуть... нѣтъ... я жить... жить хочу... должна жить... и... буду... буду жить! буду бороться до послѣдней капли крови; пока... пока силъ хватить! А у меня ихъ не мало. Да... погодите, я дамъ вамъ знать себя... вѣкъ не забудете! Если понадобится, я пройду черезъ ваши окровавленные тѣла, а... ужъ достигну своего! Затѣмъ подошла къ окну и, распахнувъ его, съ жадностью стала вдыхать свѣжій вечерній воздухъ.

Кругомъ дворца царила мертвая тишина... Народъ расходился...

Со всѣхъ концовъ Москвы раздавался печальный гулъ колоколовъ, извѣщавшихъ о кончинѣ Государя.

Долго простояла Царевна подлѣ окна, наконецъ, почувствовавъ дрожь, закрыла его и легла. Въ эту ночь страшные сны ей снились, и она въ страхѣ часто просыпалась.

ГЛАВА VI.

Было теплое ясное утро. На востокъ показалось солнце и залило своими весенними лучами весь Кремль; въ дворцовыхъ садахъ распускавшіяся почки разливали благоуханіе. Врывавшіеся въ комнату царя лучи играли на его блѣдномъ, но спокойномъ лицѣ. Это былъ день похоронъ Государя.

Едва показалось солнце, какъ во дворецъ начали съѣзжаться духовенство и бояре. Народъ стоялъ по обѣ стороны между соборами. Взоры всѣхъ были обращены ко дворцу. Раздался благовѣстъ и чрезъ нѣсколько времени вдали послышалось стройное пѣніе.

— Несутъ, несутъ!... — шептали со всѣхъ сторонъ. Всѣ стихли и сняли шапки.

Пѣніе становилось все слышнѣе и слышнѣе и наконецъ показалась торжественная процессія: патріархъ съ духовенствомъ, бояре, затѣмъ и гробъ, покрытый золотымъ бархатомъ; подлѣ гроба шли Царица Марѳа, блѣдная, едва передвигая ноги; за гробомъ шли Правительница Государыня Наталія Кирилловна и юный Царь Петръ Алексѣевичъ, сопровождаемые синклитомъ и царедворцами.

По обычаю, принятому во дворцѣ, царскій гробъ сопровождали только вдовствующая Царица и Государь-наслѣдникъ. Остальные члены свиты прощались во дворцѣ.

Но на этотъ разъ рядомъ съ избраннымъ царемъ, также церемоніально, по-царски вышла провожать гробъ и Царевна Софья Алексѣевна. Поступокъ былъ очень смѣлый и дерзкій, уничтожавшій старые обычаи и позорившій благочестивый чинъ жизни царскаго дворца. Но это было необходимо; по мнѣнію Софьи, нужно было отвоевать свободу во что бы то ни стало. И вотъ она, всегда смѣлая и энергичная, рѣшилась сдѣлать этотъ смѣлый шагъ.

Увидя свою падчерицу, Наталія Кирилловна ужаснулась этой смѣлой выходкѣ и вмѣстѣ оскорбилась, видя въ этомъ издѣвательство надъ достоинствомъ ея особы и малолѣтняго Царя. Кромѣ того, поступокъ Царевны доказывалъ, какъ твердо и неуклонно рѣшила она вести борьбу съ мачехой, идти къ своей властолюбивой цѣли. Наталія Кирилловна не въ силахъ была перенести это оскорбленіе, и когда гробъ поставили посреди храма, простившись съ покойнымъ Государемъ, она ушла, вмѣстѣ съ сыномъ къ себѣ и не была ни у обѣдни, ни на отпѣваніи.

Въ теремѣ узнавъ, что Царица ушла, сильно вознегодовали, и Анна и Татьяна Михайловны, какъ царскія тетки, считая себя оскорбленными, тотчасъ послали монахинь съ выговоромъ къ Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. Теремъ, нарушая самъ старые обычаи и приличіе, зорко слѣдилъ за ихъ исполненіемъ на противной сторонѣ.

Долго длилось отпѣваніе, но вотъ, наконецъ, снова раздалось пѣніе и показалась процессія; теперь подлѣ гроба несли въ саняхъ Царицу Марѳу, а за гробомъ шла только Царевна Софья, горько плача.

— Посмотрите, посмотрите, — раздался шопотъ въ толпѣ. — Никакъ Царевна Софья Алексѣевна.

— Да, да, она и есть.

Это такъ всѣхъ удивило, что никто не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— А посмотрите, какъ убивается-то бѣдная Царевна!

Софья, услыша это, горько плача, обратилась къ народу съ слѣдующими словами:

— Видите, какъ дорогой братъ нашъ, Царь Ѳеодоръ, неожиданно скончался! Отравили его враги зложелательные!

Въ толпѣ слышался ропотъ.

Царевна, еще сильнѣе зарыдавъ, продолжала:

— Умилосердитесь надъ нами, сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство; а если мы предъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ...

Гуль въ народѣ усилился—слова Царевны, ея видъ, горькія слезы произвели жалостное впечатлѣніе. Но народъ въ недоумѣніи не зналъ, что и подумать.

— Если Царевна говоритъ, что Царь отравленъ, значитъ правда, — говорили другъ другу въ народѣ, расходясь по домамъ.

— Что у насъ только дѣлается, — сказала одна изъ старшихъ Царевенъ, Анна Михайловна. — Царица На-

талья, которая должна бы была присутствовать во время всей процессии, ушла изъ церкви, а Софья все время тамъ была.

— Да, вѣдь это позоръ всему терему,—согласилась Татьяна Михайловна.—И что только дѣлать съ Софьей; при ея характерѣ и умѣ не дѣвицей бы ей быть.

— Тише! идетъ!—перебила ее царевна Анна.

Дѣйствительно въ комнату вошла Софья и въ изнеможеніи опустила въ кресло, глаза ея сильно опухли отъ слезъ, а лицо было блѣдно и измучено.

— Что это ты, матушка, сдѣлала, стыдись, вѣдь ты дѣвица,—заговорили наперерывъ тетки,—ты насъ срамишь своимъ поведеніемъ...

— Что сдѣлала? Чѣмъ срамлю?—перебила ихъ Софья.

— Да какъ же, слыхано ли, чтобы царевна провожала гробъ?... Воля твоя, а не хорошо, не хорошо,—отвѣчали тетки, укоризненно качая головой.

— Молчите, полно ворчать-то, безъ васъ тяжко,—сказала Софья, нетерпѣливо махнувъ рукой.—Наладили: неприлично, неприлично! Развѣ теперь время объ этомъ разсуждать? Или не понимаете, въ какомъ ужасномъ состояніи мы находимся; нужно какъ-нибудь выйти изъ него... Можетъ быть, вамъ нравится такая жизнь,—такъ живите, а я не могу, душа рвется на свободу... воли жаждетъ... вѣдь я задыхаюсь въ этомъ душномъ теремѣ, въ который сквозь узкія окна едва свѣтъ проходитъ... А онѣ о приличіи толкуютъ... Да я не только за гробомъ пойти, а готова... готова Богъ знаетъ что сдѣлать, только бы убѣжать отсюда... Для меня лучше смерть, чѣмъ такая жизнь... Я по крайней мѣрѣ намек-

нула народу,—продолжала она, понизивъ до шопота голосъ,—что мы окружены врагами, которые и насъ хотятъ извести, какъ извели Ѳеодора... Или, по-вашему, лучше, приличнѣе было бы уйти, какъ ушла Царица Наталія Кирилловна и Царь Петръ? Вотъ это дѣйстви-тельно неприлично... Такъ вѣдь имъ-то что жъ радѣть—Царь умеръ... торжествуютъ... веселы... О, если бы вы знали, какъ я ненавижу ихъ всѣхъ!.. Какъ проклиная!.. Съ какимъ бы удовольствіемъ собственными руками... задушила ихъ... О... о!... —добавила Царевна и въ ея глазахъ выразилась такая страшная ненависть, что тетки вздрогнули.

— Что ты, что ты, — со страхомъ заговорили онѣ, озираясь кругомъ.—Помилуй Богъ, еще кто услышитъ!.. Конечно, да, да, ахъ, Господи,—заохали онѣ,—и что это она сдѣлала?... Мы послали къ ней монахинь съ выговоромъ... да вонъ онѣ идутъ.

— Ну, что, что вамъ отвѣтила Царица?—заговорили онѣ наперерывъ, обращаясь къ монахинямъ.

— Да что,—отвѣчала одна изъ нихъ, махнувъ рукой,—говорить: „ничего тутъ нѣтъ неприличнаго, вамъ извѣстно, что Петръ ребенокъ и ему не по силамъ отстоять службу, не вѣвши“.

— А братъ Царицы, Иванъ Кирилловичъ, какъ крикнетъ на насъ: „кто умеръ, тотъ пусть и лежитъ, а царское величество не умиралъ, живъ!“ Вотъ какія дѣла-то Государыни-Царевны, о, Господи, знать скоро конецъ свѣта,—закончила свою рѣчь монахиня и, набожно крестясь и вздыхая, сѣла въ уголокъ.

Залепетали Царевны, начались пересуды, да брань.

Только Софья ничего не сказала, только поблѣднѣвъ еще болѣе и сжавъ кулаки, ушла въ свою опочивальню. Ей было не до брани, теперь нужно было не браниться, а дѣйствовать, и она немедленно принялась за дѣло.

Запершись въ своей комнатѣ, Софья, ломая руки, воскликнула:

— Что дѣлать? Нарышкины подняли головы, мои родственники удалены... скоро пріѣдетъ Матвѣевъ, тогда все пропахло... надо, не теряя времени, дѣйствовать.

— Оедора!—крикнула она, отворивъ дверь.

— Иду... иду, что прикажешь?—отвѣчала старуха, быстро входя въ комнату Царевны и съ любовью глядя на нее.

— Видишь ли что... Сходи сейчасъ къ боярину Ивану Михайловичу Милославскому и попроси его сегодня попозднѣе придти ко мнѣ... поняла?

— Какъ не понять!

— Ну, ступай!

Вотъ наступила теплая безлунная ночь и весь городъ погрузился въ мирный сонъ; пробила полночь и въ теремѣ Софьи замелькалъ слабый свѣтъ. Едва раздался послѣдній ударъ часовъ, какъ подлѣ дворца появилась темная фигура, которая, быстро обогнувъ дворецъ, подойдя къ двери, два раза тихо стукнула; вскорѣ послышался легкій скрипъ отворяемой двери и шопотъ: „милости просимъ, бояринъ!“

— Здравствуй, бояринъ,—сказала Софья, вставая навстрѣчу входившему боярину.—Насилу дождалась тебя, садись.

— Или что случилось?—спросилъ Милославскій, съ безпокойствомъ смотря на племянницу.

— Вотъ тебѣ разъ! спрашиваетъ, что случилось? Развѣ не знаешь, что Нарышкины возвращаются изъ ссылки, а наши родные находятся подъ опалой и скоро вернется Матвѣевъ? Развѣ этого мало?... Вотъ я и призвала тебя посоветоваться, что дѣлать, какъ устранить надвигающуюся на наши голову страшную грозу.

— Что дѣлать? Стрѣльцы—вотъ наши единственные помощники, — отвѣчалъ Милославскій. — Бунтъ — вотъ средство для нашего спасенія.

— Такъ начинай дѣйствовать, пока не поздно, я также не буду бездѣйствовать.

— А чтобы избѣгнуть подозрѣнія, я лягу въ постель и притворюсь больнымъ.

— Прекрасно! Итакъ, за дѣло!—сказала Софья, прощаясь съ бояриномъ.

Между тѣмъ какъ одна партія, не теряя времени, дѣйствовала, другая, чтобы постараться уничтожить разные слухи, бездѣйствовала. Петръ царствовалъ. Города Россіи, Сибири, Малороссіи и Донъ присягнули въ вѣрности Царю. Такъ какъ десятилѣтній Петръ самъ править государствомъ не могъ, то Царица Наталія Кирилловна и рѣшила управленіе поручить своему благодѣтелю Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, котораго скоро ожидали въ Москву. Новому правительству много было хлопотъ: нужно было успокоить страсти, дѣйствовать съ умѣренностью и безпристрастіемъ, обрадовать народъ правосудіемъ.

Но, къ несчастію, не объ этомъ думали сановники, окружавшіе Царицу. Имъ достаточно было, что Милославскіе и другіе свергнуты, они думали только о прі-

обрѣтеніи почетныхъ мѣстъ и власти и съ перваго же раза, когда дѣло коснулось серьезнаго, выказали робость и слабость.

Стрѣльцы, много терпѣвшіе отъ своихъ полковниковъ, еще при жизни Феодора жаловались на нихъ. Начальникомъ Приказа былъ князь Михаилъ Долгорукій.

Не желая обидѣть князя, было велѣно безъ всякихъ разбирательствъ челобитчиковъ наказать, чтобы они не смѣли впередъ жаловаться на своихъ полковниковъ; ихъ били кнутомъ и сослали; полковники подняли головы и еще хуже стали обращаться со стрѣльцами.

Стрѣльцы, успокоившіеся на время, вскорѣ, выведенные изъ терпѣнія полковникомъ Грибоѣдовымъ, снова подали жалобу; но на этотъ разъ, боясь, что опять не захотятъ обидѣть князя Долгорукаго, подали челобитную въ Стрѣлецкомъ Приказѣ чрезъ одного выборнаго.

Когда князю объ этомъ доложили, онъ съ гнѣвомъ спросилъ:

— Кто еще подалъ просьбу?

— Какой-то пьяный стрѣлецъ и притомъ наговорилъ много непристойныхъ словъ про тебя, бояринъ, и про другихъ,—отвѣчалъ князю дьякъ, которому была подана челобитная.

— Когда онъ придетъ за отвѣтомъ, схвати его и вели за дерзкое прошеніе высѣчь кнутомъ предъ Приказомъ,—сказалъ князь.

Но когда на другой день стрѣльца вывели на площадь и прочли приговоръ, онъ крикнулъ товарищамъ:

— Братцы, не за всѣхъ ли васъ, не съ общаго ли

согласія подавалъ я просьбу? Что же вы теперь-то меня выдаете.

Стрѣльцы заволновались, бросились и отняли товарища. Это былъ сигналъ къ волненію почти во всѣхъ стрѣleckихъ полкахъ.

Ночью наканунѣ кончины Государя стрѣльцы много шумѣли и толковали, рѣшивъ утромъ идти въ Кремль требовать наказанія полковниковъ, но, узнавъ о кончинѣ Государя, отложили это и присягнули Петру; бояре же, хотя и слышали о ихъ волненіи, мало обратили на это вниманія, надѣясь, что все обойдется благополучно. Но плохо они знали стрѣльцовъ, если такъ думали.

На третій день послѣ похоронъ Государя къ дворцу явилась толпа.

Когда испуганная Царица Наталія выслала спросить о причинѣ ихъ прихода, они потребовали, чтобы полковниковъ заставили выплатить имъ деньги, взятые у нихъ, грозя, если не исполнять ихъ просьбу, сами съ ними расправиться.

— Да и другимъ измѣнникамъ достанется,—кричали стрѣльцы.—Будетъ намъ терпѣть мученіе отъ полковниковъ и смотрѣть, какъ измѣнники обманываютъ царское величество.

Подлѣ Наталіи не было ни одного смѣлаго и находчиваго человѣка. Бояре перепугались и велѣли схватить полковниковъ. Это ободрило бунтовщиковъ и теперь они потребовали, чтобы имъ выдали полковниковъ. Сначала правительство было не соглашалось, но затѣмъ, надѣясь этимъ усмирить стрѣльцовъ, рѣшило исполнить ихъ просьбу.

ГЛАВА УІІ.

30 апрѣля несчастныхъ полковниковъ вывели предъ Стрѣлецкій Приказъ и каждому прочли слѣдующій царскій указъ; „Били на тебя челомъ рядовые, служилые люди, что ты ихъ обижаешь и притѣсняешь, берешь взятки, отнимаешь имѣніе, заставляешь на себя работать, за деньги освобождаешь отъ службы, и вотъ за это Царь указаль и бояре приговорили: отнять у тебя чинъ, имѣніе, взять съ тебя за убытки, принесенные имъ и кромѣ того бить тебя батогами“.

Этотъ успѣхъ несказанно обрадовалъ стрѣльцовъ: на радости началось пьянство и буйство.

Правительство не обращало на это вниманія, надѣясь, что съ пріѣздомъ умнаго и энергичнаго Матвѣева все успокоится, и ждали съ нетерпѣніемъ его пріѣзда. И конечно, Матвѣевъ усмирить бы ихъ, если бы не поспѣшили воспользоваться неудовольствіемъ стрѣльцовъ, какъ мы видѣли, Милославскій и Софья, которые начали тайно возмущать ихъ. По городу начали ходить слухи одни другихъ возмутительнѣе.

— Знаете ли, братцы, что говорятъ въ Москвѣ?—
сказалъ одинъ стрѣлецъ, только что возвратившійся изъ
города, подойдя къ сидѣвшимъ товарищамъ и мирно
разговаривавшимъ.

— Что, что, Расскажи? — подхватило нѣсколько го-
лосовъ.

— Ну, слушайте,—сказалъ пришедшій, присаживаясь.

— Не добрые слухи ходятъ: говорятъ, что братъ
Царицы Наталіи Кирилловны, Иванъ Кирилловичъ На-
рышкинъ, который только что вернулся изъ ссылки,
будто бы надѣлъ царскую порфиру и вѣнецъ, сѣлъ на
тронъ и сказалъ:—„никому такъ не пристанетъ корона,
какъ мнѣ“.

Когда Царица Марѳа Матвѣевна и Царевна Софья
Алексѣевна, заставъ Нарышкина въ этомъ видѣ, начали
въ присутствіи Царевича Іоанна Алексѣевича усовѣще-
вать и бранить его за это, то онъ, придя въ сильный
гнѣвъ, вскочилъ съ трона, кинулся на Царевича, схва-
тилъ его за горло и чуть не задушилъ. Царевны громко
закричали, прибѣжали служители и отняли несчастнаго,
полумертваго отъ страха Царевича. Помните, Царевна
Софья Алексѣевна, плача, говорила, что Царя Ѳеодора
Алексѣевича отравили, пожалуй, и этихъ убьютъ злодѣи.

Стрѣльцы заволновались и воскликнули:

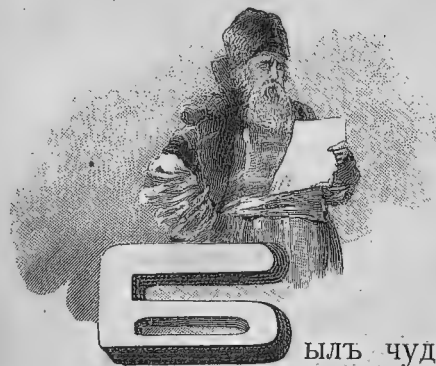
— Какъ смѣетъ Нарышкинъ потѣшаться государ-
скимъ вѣнцомъ и хвастаться въ царскихъ чертогахъ на
святомъ и старинномъ мѣстѣ! Надо оборонить царей!
не дадимъ хозяйничать измѣнникамъ! Смерть Нарышки-
нымъ! смерть Матвѣеву! Бояре въ угоду Нарышкинымъ
обошли Царевича Іоанна Алексѣевича—перебьемъ бояръ!

Въ минуту неудовольствія и ненависти всякій слухъ, всякая сплетня имѣють значеніе. Когда человѣкъ раздраженъ, тутъ ужъ не до того, чтобы обдумать все хорошенько: тутъ каждый мимолетный слухъ, соотвѣтствующій общему настроенію и желанію, имѣетъ неотразимую силу доказательства и часто чѣмъ нелѣпѣе, тѣмъ скорѣе принимается за правду. Какъ иногда бываетъ достаточно одной едва замѣтной искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ, такъ и тутъ достаточно было нелѣпой сплетни, чтобы вспыхнулъ страшный бунтъ, погубившій столько честныхъ и полезныхъ людей.

Итакъ, мрачная туча мятежа висѣла надъ Москвою и съ часу на часъ гроза готова была разразиться.

Правительство хотя и знало все это, но не принимало никакихъ предохранительныхъ мѣръ: ждали Матвѣева, а безъ него какъ будто потеряли умъ.

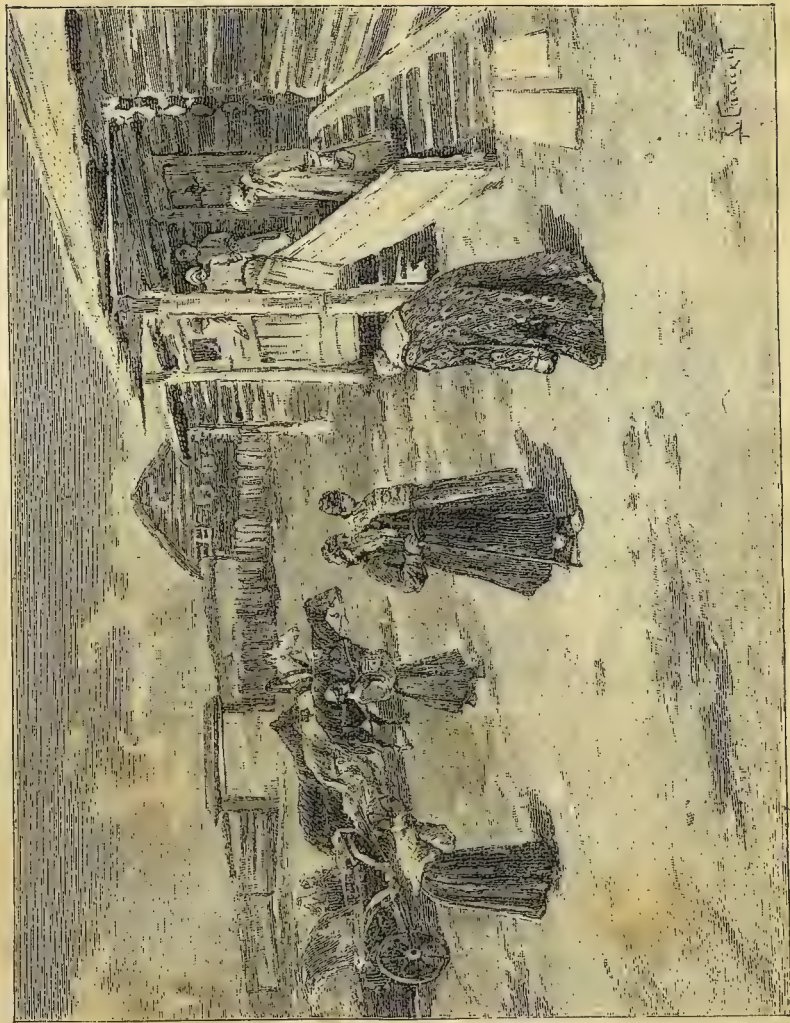

ГЛАВА VIII.

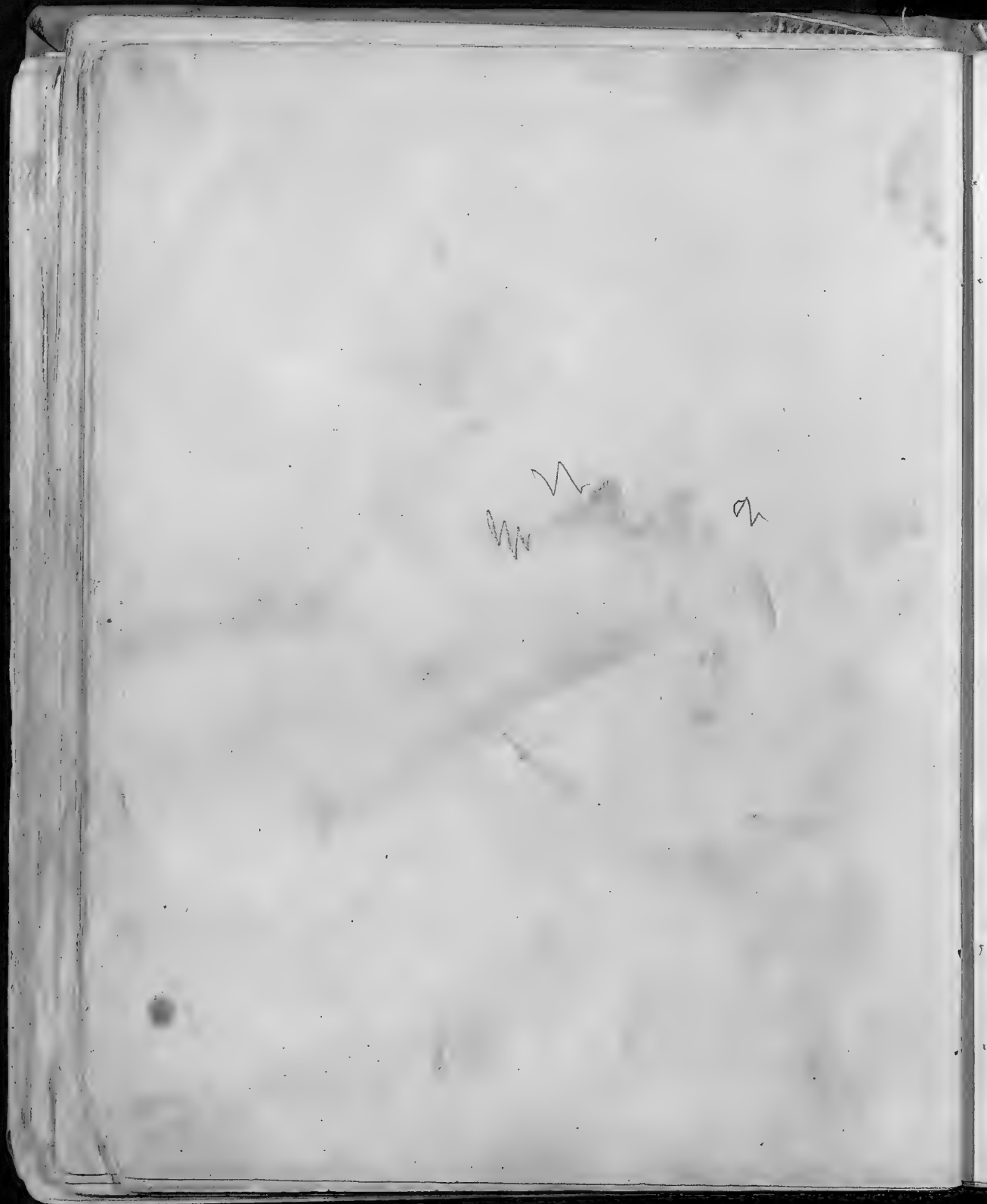
Былъ чудный майскій день. Вечерѣло. Въ густомъ лѣсу, среди котораго извивалась широкой лентой дорога, ведущая къ Москвѣ, темнѣло. Кругомъ такъ тихо-тихо, ни звука, ни одной живой души! Только кое-гдѣ прошебечетъ какая-нибудь птичка или раздастся, подобно серебряному колокольчику, нѣжный голосокъ жаворонка, прокукуетъ кукушка и— снова тишина.

Вдругъ вдали послышался звонъ бубенчиковъ, становился все слышнѣе и слышнѣе и наконецъ показалась кибитка, запряженная тройкой и, быстро проѣхавъ лѣсъ, подкатила къ гостиницѣ.

Изъ кибитки вышелъ сѣдой, какъ лунь, старикъ съ красивымъ энергичнымъ лицомъ, на которомъ были слѣды многихъ тяжелыхъ мукъ и горя, что особенно ясно выражалось въ прекрасныхъ, полныхъ грусти, черныхъ глазахъ. За нимъ выпрыгнулъ молодой человѣкъ, съ прекраснаго лица котораго хотя и не сходила улыбка, но чудные, глубокіе, голубые глаза, казавшіеся почти черными изъ-за густыхъ длинныхъ рѣсницъ, также говорили о многихъ, многихъ тяжелыхъ испытаніяхъ и мукахъ. Старика, казалось, уже ждали въ гостиницѣ и, едва подкатила тройка, всѣ засуетились и забѣгали.

Это былъ никто
иной какъ бояринъ
Артамонъ Сергѣе-
вичъ Матяевъ со
своимъ сыномъ Ан-
дреемъ.

Это былъ никто иной, какъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, возвращавшійся изъ ссылки со своимъ единственнымъ сыномъ Андреемъ. Гостиница, куда они прѣхали, находилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы.

— Скоро снова увижу я златоглавую Москву,—сказалъ бояринъ съ тяжелымъ вздохомъ, опускаясь въ кресло.—Что-то насъ тамъ ждетъ съ тобою, Андрюша... Можетъ быть, и много горя меня ждетъ, а все же я радъ еще разъ увидѣть Москву.

— Зачѣмъ, батюшка, такія мрачныя мысли,—сказалъ Андрей, съ нѣжностью взявъ руку отца.—Теперь все переѣнилось къ лучшему. Царемъ избранъ Петръ Алексѣевичъ, теперь ты снова будешь въ почетѣ, хотя... конечно, прежнее не вернешь... слѣды остались и... раны слишкомъ глубоки, чтобы могли совсѣмъ когда-нибудь зажить... Мы съ тобой только двое остались, матушка не пережила постигшее насъ горе, но все же, я надѣюсь, намъ хотя немного легче будетъ жить.

— Все зависитъ отъ воли Божіей,—отвѣчалъ отецъ.—Ужъ если... Что это? слышишь? Какъ будто меня спрашиваютъ,—продолжалъ онъ, прислушиваясь къ голосамъ въ сосѣдней комнатѣ.

Черезъ нѣсколько времени дѣйствительно въ ихъ дверь раздался стукъ.

— Кто тамъ, войдите!—сказалъ Андрей.

Дверь отворилась и на порогъ появился курьеръ, который отъ быстрой ѣзды былъ весь въ пыли.

— Изъ Москвы? Что новаго привезъ?—спросилъ съ беспокойствомъ бояринъ.

— Да, бояринъ, изъ Москвы, отъ Государыни, вотъ прочти,—отвѣчалъ курьеръ, подавая Матвѣеву съ низкимъ поклономъ письмо отъ Государыни.

Бояринъ прочиталъ письмо, и его безъ того блѣдное лицо еще сильнѣе поблѣднѣло, однако не дрогнулъ ни одинъ мускулъ и онъ твердымъ голосомъ сказалъ:

— Хорошо, приказаніе Государыни будетъ исполнено! Курьеръ поклонился и вышелъ.

Когда дверь за нимъ затворилась, Матвѣевъ, подавая сыну письмо, сказалъ:

— Прочти; не сегодня,—завтра вспыхнетъ страшный бунтъ.

Андрей дрожащими руками взялъ письмо.

— Впрочемъ, что жъ, вѣдь я еще живъ!—вдругъ воскликнулъ Матвѣевъ, порывисто вскочивъ съ кресла.— Нечего медлить!... скорѣе лошадей! Уничтожу бунтъ или погибну за Государя, чтобъ глаза мои на старости лѣтъ не увидали еще большой бѣды!—добавилъ онъ съ страшнымъ блескомъ глазъ и, отворивъ дверь, громко крикнулъ:

— Эй, кто тамъ?

— Что прикажешь, бояринъ?

— Скорѣй лошадей! Мнѣ нужно немедленно ѣхать!

— Отецъ, отецъ, хотя бы немного отдохнулъ,—попробовалъ было остановить его Андрей.—Вспомни, сколько верстъ мы ѣхали, не останавливаясь, вѣдь ты можешь заболѣть.

— Молчи! Когда грозитъ опасность Государю, не время... грѣшно... слышишь, грѣшно думать о себѣ! Каждая минута дорога!

Андрей замолчалъ; черезъ нѣсколько минутъ подали лошадей и наши путники снова поскакали. Далеко за полночь подъѣхали они къ своему разоренному дому. Глотая слезы, вошли отецъ съ сыномъ въ свое родное гнѣздышко, гдѣ жили столько лѣтъ счастливо.

— Здравствуй, старый дружище, свидѣтель радостей и столькохъ горькихъ слезъ!—прошепталъ Матвѣевъ, входя.

На другой день рано утромъ бояринъ пріѣхалъ въ Кремль.

Царица Наталія бросилась къ нему на шею и отъ радости не могла сказать ни слова; по ея прекрасному, блѣдному, исхудалому отъ горя лицу катились крупныя слезы.

— Успокойся, успокойся, Государыня,—дрожащимъ голосомъ говорилъ бояринъ, обнимая и цѣлуя Государыню.—Богъ милостливъ, все обойдется! Не плачь!...

— Дѣдушка, дѣдушка, — съ радостнымъ крикомъ бросился къ нему Петръ и крѣпко поцѣловалъ.—Слава Богу, наконецъ-то ты пріѣхалъ, а то безъ тебя было очень страшно! Матушка плачетъ, дяди не знаютъ, что дѣлать, стрѣльцы приходятъ, буянятъ. Вчера матушка, укладывая меня и горько плача, сказала, что меня хотятъ убить, но она не даетъ! Да развѣ ей защититъ меня? Скорѣе я ее защищу; вотъ ты—другое дѣло, еще можешь защититъ... Посмотри—матушка улыбается. Наконецъ-то увидѣлъ я ее улыбающейся, давно не видѣлъ, все плачетъ, да плачетъ; глядя на нее и мнѣ хотѣлось плакать... Теперь не будемъ плакать... Мы съ тобой, дѣдушка, усмиримъ стрѣльцовъ, вѣдь да, усмиримъ ихъ?—лепеталъ ребенокъ, и какъ онъ былъ хорошъ, когда говорилъ это! На щекахъ игралъ яркій румянецъ, боль-

шіе, черные, горѣвшіе, подобно двумъ звѣздочкамъ, глаза были полны отваги и энергіи.

— Усмиримъ, Государь, усмиримъ, солнышко мое ясное!—отвѣчалъ Матвѣевъ, наклоняясь къ ребенку, цѣлуя его руки и глядя съ нѣжностью и любовью на престольнаго мальчика.

— Какъ выросъ-то! А какой красавецъ! Ну, Государыня, помани мое слово: великій Государь будетъ твой сынъ Петръ Алексѣвичъ!—добавилъ онъ.— Ну, прощай, Государыня,—сказалъ Матвѣевъ, немного потолковавъ съ Царицей и Царемъ.—Поѣду, разузнаю хорошенько, что это у васъ тутъ дѣлается.

— На тебя, батюшка, одна надежда,—отвѣчала Царица, прощаясь.

— Не безпокойся, мы живо съ дѣдушкой ихъ усмиримъ!

Матвѣевъ съ грустной улыбкой посмотрѣлъ на ребенка, стоявшаго съ гордо поднятой головкой и рукой схватившагося за саблю, привѣшенную у пояса...

Отъ Государыни Матвѣевъ поѣхалъ къ патриарху и долго разговаривалъ съ нимъ во внутренней келліи; отъ него проѣхалъ къ своему старому пріятелю, князю Юрію Алексѣвичу Долгорукому, который лежалъ больной, и съ нимъ также долго говорилъ.

— Я знаю ихъ нравъ,—сказалъ Матвѣевъ, внимательно выслушавъ Долгорукова.—Имъ нуженъ былъ правый судъ, а не потворство. А чуть сдѣлай имъ потачку, они дальше пойдутъ, какъ и случилось. Напрасно... напрасно такъ сдѣлали!... Попытаюсь поговорить съ ними, можетъ быть еще и не поздно,—добавилъ онъ, съ грустью качая головой.

Вернувшись домой, онъ, къ своему удивленію и радости, узналъ, что стрѣльцы ждутъ его съ хлѣбомъ-солью.

— Здравствуйте, дѣтки!—сказалъ онъ ласково, выйдя къ стрѣльцамъ.

Стрѣльцы съ поклономъ поднесли ему хлѣбъ-соль.

— Спасибо, спасибо, дѣтки. Отъ души радъ и отъ всего сердца благодарю за память.

— Да развѣ тебя можно забыть? мы хорошо помнимъ твои милости и ласку. Мы отъ радости себя не помнили, что ты наконецъ-то вернулся въ Москву. Вотъ и пришли поглядѣть на тебя да поклониться. Ужъ не оставь, батюшка Артамонъ Сергѣевичъ, заступись за насъ!

И всѣ разомъ, какъ одинъ человѣкъ, упали въ ноги.

— Что вы, что вы? встаньте,—засуетился старикъ,—встаньте... кланяйтесь Царю... Что такое, говорите.

— Да ужъ больно тѣснить насъ... Будь отецъ родной, заступись! Вѣдь тебѣ болѣе всѣхъ извѣстны наши заслуги... на тебя вся наша надежда! Батюшка, Артамонъ Сергѣевичъ, не оставь, защити! Вѣдь силъ нашихъ нѣтъ болѣе терпѣть!—говорили стрѣльцы, низко кланаясь.

— Успокойтесь, дѣтки, все, что могу, съ радостію сдѣлаю для васъ. Надѣюсь, и вы въ свою очередь не будете буйствовать и производить безпорядки,—сказалъ ласково Матвѣевъ.

— А тебѣ, должно быть, на насъ Богъ знаетъ что наговорили,—отвѣчали стрѣльцы.—Но мы не бунтовщики, мы только справедливости требуемъ, а съ такими полковниками, которые обируютъ насъ, мы, воля твоя, жить не будемъ.

И стрѣльцы ушли.

ГЛАВА IX.

Послѣ напрасныхъ попытокъ убѣдить патріарха, что слѣдуетъ избрать Царемъ Ивана Алексѣевича, Софья рѣшила переговорить объ этомъ съ Царицей. И вотъ 14-го мая, едва успѣвъ уѣхать отъ Царицы Матвѣевъ, какъ ей доложили о приходѣ Царевны Софьи Алексѣевны.

Болѣзненно сжалось сердце бѣдной Царицы.

— „И что это ей нужно?“ — подумала она и, чрезъ нѣсколько минутъ войдя въ большую, богато убранную пріемную, ласково сказала:

— Спасибо, Царевна, что пришла навѣстить меня. Садись.

И онѣ усѣлись другъ противъ друга подлѣ стола, украшеннаго золотой рѣзбой.

— Какъ твое здоровье, Царевна? — продолжала Царица Наталія.

— Благодарю, матушка. Не могу похвалиться, никакъ не поправлюсь послѣ смерти брата: голова, грудь болятъ, всю ломить, какая-то разбитая... Ничего не могу

дѣлать, а ужъ тоска, тоска такая, повѣришь ли, мѣста нигдѣ не найду...

— Вѣрю, вѣрю, Царевна, легкое ли дѣло брата схоронить, отъ души сочувствую тебѣ.

— А какъ твоѣ здоровье и Государя, брата Петра Алексѣевича?

— Мы ничего, слава Богу, здоровы; Петруша учится хорошо, только ужъ больно рѣзвъ, боюсь я за него, Царевна...

— А вѣдь я къ тебѣ по дѣлу пришла, Государыня,— вдругъ перебила ее Софья.—Вчера у меня были митрополитъ, епископы, выборные отъ народа и просили о воцареніи законнаго наслѣдника, Царевича Ивана Алексѣевича...

— Какъ же это такъ, Царевна?—съ удивленіемъ воскликнула Царица.—Вѣдь они сами же избрали моего Петра.

— Вѣроятно, одумались, матушка,—съ насмѣшливой улыбкой отвѣчала Царевна.

— Но вѣдь это невозможно, Софья Алексѣевна, Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ добровольно отказался отъ престола.

— Знаю, что отказался, но это ничего не значитъ. Когда его будетъ просить весь народъ, можетъ быть, и согласится.

— Но какой же онъ Царь, когда постоянно боленъ?

— О, это-то пустяки, развѣ всѣ цари—голіаѳы? А совѣтники, а государева дума на что? Вѣдь и Петръ самъ не можетъ управлять.

Но Наталія, такъ какъ это касалось ея дорогого сына, рѣшила во что бы то ни стало защищать его права.

— Нѣтъ, Царевна, — сказала она вдругъ рѣшительно, — кого избралъ народъ и кто получилъ Божіе благословеніе, тотъ не имѣетъ права отрекаться. Объ этомъ ужъ раньше бы думали.

— Какъ хочешь, матушка. Смотри только, какъ бы хуже не было... народъ волнуется... не полилась бы невинная кровь.

— А ужъ это, какъ будетъ угодно Господу. Вполнѣ полагаюсь на Его милосердіе и готова на все...

Царевна ушла.

— Пошли скорѣе къ Артамону Сергѣевичу и брату Ивану Кирилловичу, — сказала Царица Наталія дежурному, едва ушла Софья, — и скажи, чтобы сейчасъ же пріѣхали ко мнѣ.

— Что случилось, сестра? — сказалъ, войдя къ Государынѣ чрезъ нѣсколько времени, Иванъ Кирилловичъ, глядя съ испугомъ на сестру.

— Что съ тобою, Государыня? На тебѣ лица нѣтъ! — спросилъ и Матвѣевъ, войдя вслѣдъ за Нарышкинымъ.

— Я сильно взволнована, потому и послала за вами, Артамонъ Сергѣевичъ и братъ Иванъ... Сейчасъ у меня была Царевна Софья Алексѣевна, садитесь!

И опустившись въ кресло, передала имъ свой разговоръ.

— Да, Государыня, есть изъ-за чего волноваться и призадуматься, дѣло опасное, — сказалъ Матвѣевъ. — Я знаю Царевну, она зря говорить не будетъ, значить у нея ужъ все готово...

— Такъ думаешь, что это дѣло ея рукъ? Съ какою же цѣлью она это дѣлаетъ?

— Мало того, я увѣренъ въ этомъ. Она хочетъ такъ же властвовать, какъ при Царѣ Θεодорѣ Алексѣвичѣ. А можетъ быть и дальше пойдетъ... Это ясно, какъ Божій день... Но не въ этомъ дѣло; интересно, какія средства она для этого избрала... Я-то еще не осмотрѣлся и не знаю, на кого изъ бояръ можно положиться...

— Да вѣдь они, кажется, всѣ преданы.

— Не знаешь ты ничего, родная,—сказалъ съ улыбкой бояринъ.

— Скажи мнѣ, кто говорилъ за Ивана Алексѣвича?

— Иванъ Михайловичъ Милославскій, Хованскій, Василий Васильевичъ Голицынъ и еще кто-то...

— Василий Васильевичъ? Нѣтъ, этотъ явно не пойдетъ въ мятежники—человѣкъ осторожный... Хованскій? ну, этотъ кнутъ для жоака... Милославскій? Да, этотъ человѣкъ умный и мѣткій.

— Да онъ ужъ двѣ недѣли, какъ больной лежитъ и, говорятъ, сильно боленъ. Что ты, до того ли ему?

— Э, да это-то ничего не значитъ и, не выходя, можно обдѣлывать дѣла... да, кромѣ того, вѣрно ли, что боленъ... Странно,—продолжалъ онъ какъ бы про себя,—народъ волнуется. Какой народъ? Давно ли самъ же онъ избралъ Петра Алексѣвича? Странно, очень странно!.. И по улицамъ-то не видно волненія... Слышалъ, стрѣльцы бунтуютъ, да и они только что были у меня съ хлѣбомъ и солью... ничего, хотъ убей, не понимаю...

— Изъ-за чего бы, кажется, волноваться стрѣльцамъ? они были недовольны начальниками, такъ ихъ просьбу исполнили, стрѣльцовъ-то я не боюсь,—сказала Царица.

— Исполнили, говоришь, ихъ просьбу, да какъ? безъ разбора, безъ розыска, какъ я слышалъ. Это еще хуже можетъ повредить. Говорятъ, у нихъ по ночамъ пьянство да крики.

— Вотъ что, Иванъ Кирилловичъ, извѣсти-ка патриарха и всѣхъ бояръ, чтобы завтра пораньше собрались къ Царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, тогда и потолкуемъ, что дѣлать. Можетъ, Богъ дастъ, все и обойдется.

И простившись съ Царицей, оба ушли.

— А вѣдь большой будетъ бунтъ, — сказалъ Иванъ Кирилловичъ, идя рядомъ съ бояриномъ. — Погубить меня и всѣхъ насъ Царевна Софья, — чуется мое сердце.

— Да, конечно, едва ли это пройдетъ даромъ. Одному Господу извѣстно, что будетъ... Много прольется невинной крови... во многомъ отдастъ Богу отчетъ Царевна на страшномъ судѣ.

И бояре разстались.

Приѣхавъ домой, Матвѣевъ былъ самъ не свой, съ грустью смотрѣлъ на своего единственного сына, Андрея, и утромъ, прощаясь съ нимъ, крѣпко поцѣловалъ и съ особенной нѣжностью благословилъ его, — чувствовало его сердце, что послѣдній разъ цѣлуетъ онъ своего сына.

Между тѣмъ какъ Матвѣевъ разговаривалъ съ Царицей Наталіей Кирилловной, въ покояхъ Царевны шелъ оживленный разговоръ между Софьей и Милославскимъ, который разомъ выздоровѣлъ.

— Что, не моя ли правда, говорила: скоро приѣдетъ этотъ ужасный старикашка, — такими словами встрѣтила Софья Милославскаго. — Все ли у тебя готово? Теперь

нельзя терять времени. Только что сейчас говорила съ Царицей Наталіей, она слышать не хочетъ уступить престолъ Ивану. Думала было я миромъ кончить, не хочетъ, такъ пусть и пеняетъ на себя послѣ.

— Не безпокойся, все готово, стрѣльцы только ждутъ сигнала. А поторопиться, конечно, нужно, пока старая лиса не успѣла забрать въ руки управленіе... Однако, прощай, Царевна, до завтра, — сказалъ бояринъ, вставая, — надо идти.

— Такъ, значитъ, такъ, какъ рѣшили? — спросила Софья, провожая Милославскаго.

— Да, завтра чѣмъ свѣтъ, пошлю къ стрѣльцамъ.

— Да, да! — сказала Софья. — Да пусть какъ можно раньше ѣдутъ... да пусть громче кричать, что Нарышкины задушили Царевича Іоанна.

— Хорошо! хорошо! будь спокойна! — отвѣчалъ Милославскій и быстро ушелъ.

А Царевна, вернувшись въ свою комнату, съ злобынымъ хохотомъ сказала:

— Погодите радоваться. Можетъ быть, еще на нашей сторонѣ будетъ торжество!

ГЛАВА X.

аступила темная, безлунная ночь; небо было покрыто темными тучами; было что-то величественное и вмѣстѣ грозное; деревья, мрачно качая верхушками, казалось, шепчуть другъ другу что-то страшное, таинственное и съ глухимъ стономъ еще сильнѣе закачаютъ верхушками; вотъ среди ночной тишины гдѣ-то невдалекѣ завyla собака, ей откликнулась другая, третья, и поднялся страшный вой.

— Господи, что это какъ развылись собаки, — сказалъ, крестясь, старикъ-сторожъ, выходя изъ сторожки, — быть бѣдѣ!... вишь какъ прямо уставились на дворецъ! пошли прочь, проклятыя, и безъ васъ не мало горя, что еще предвѣщаете... И ночь-то какая темная... ухъ!... страшно! быть бѣдѣ... Да пошли же вы, прочь!

Собаки разбѣжались, а сторожъ походилъ немного и снова ушелъ въ сторожку.

На востокъ показался слабый свѣтъ. Кругомъ все еще спало мирнымъ сномъ, нигдѣ не было видно огня; вдругъ въ палатахъ боярина Милославскаго мелькнулъ

слабый свѣтъ, затѣмъ отворилась дверь, и какая-то чело-
вѣческая фигура, озираясь кругомъ, быстро шмыгнула
въ конюшню, осторожно вывела лошадь и, сѣвъ, поска-
кала къ стрѣleckой слободѣ. Тамъ также еще всѣ спали,
когда прискакалъ всадникъ.

— Эй вы, ребята!—крикнулъ онъ, постучавъ въ пер-
вую дверь.—Будетъ спать-то! Во дворцѣ несчастіе: На-
рышкины задушили сегодня ночью Царевича Ивана!
Вставайте скорѣе! Бей тревогу!

Тотчасъ забили тревогу.

Стрѣльцы выскочили изъ домовъ и съ испугомъ
спрашивали другъ друга, что случилось.

— Царевича задушили! Къ оружію! къ оружію!—
раздались грозные крики.—Въ Кремль! въ Кремль! ско-
рѣе! Пойдемъ, возьмемъ измѣнниковъ и губителей цар-
скаго рода! Смерть Нарышкинымъ! Смерть Матвѣеву!
Онъ собираетъ дѣтей боярскихъ, холопей и народъ—
хочетъ перебить насъ!

И стрѣльцы двинулись съ барабаннымъ боемъ, рас-
пустивъ знамена, съ оружіемъ, мушкетами, бердышами
и копьями.

Между тѣмъ Милославскій, пославъ гонца къ стрѣль-
цамъ, съ другимъ посломъ послалъ записку Софѣѣ.

Плохо спалось эту ночь Царевнѣ; и едва первый сол-
нечный лучъ ворвался сквозь узкое окно въ ея теремъ,
какъ она встала и, быстро одѣвшись, позвала Ѳедору.

— Здравствуй, Царевна, — сказала, низко кланяясь,
старуха, — какъ изволила почивать?

— Спасибо, здравствуй... Ну, что, нѣтъ ли чего но-
ваго?

— Какъ же есть, вотъ записочка тебѣ отъ боярина
Ивана Михайловича.

— Давай, давай скорѣе!—сказала Софья, быстро беря
записку и прочитавъ: „Все готово! распорядись въ на-
бать ударить... это лучше подѣйствуетъ на стрѣль-
цовъ!“—Оедорушка, ударь въ набать, сумѣешь?

— Еще бы не сумѣть!—отвѣчала съ улыбкой старуха.

— Ну, ступай скорѣе!

— Сейчасъ, сейчасъ, бѣгу!—и старуха быстро исчезла
за дверью.

Чрезъ нѣсколько времени вдругъ загудѣлъ набат-
ный колоколъ Ивана Великаго. Съ первымъ ударомъ
колокола всполошился весь дворецъ, теремъ и Кремль.

— Что такое случилось?—раздались крики, и народъ
бросился на колокольню.

Оедора, спрятавшись, начала кричать:

— Звоните въ колокола, сзывайте народъ! Къ Кремлю
войско идетъ, всѣхъ перерѣжутъ!

— Кто это кричить? — раздались голоса, и Оедора
быстро была окружена.

— Сама видѣла, ступайте въ городъ, все узнаете.

Между тѣмъ стрѣльцы быстро шли къ Кремлю.

Народъ, слыша барабанный бой и набать, выбѣгалъ
изъ домовъ, спрашивалъ:

— Зачѣмъ бьютъ въ набать? Что значитъ барабан-
ный бой?

— Идемъ бить измѣнниковъ бояръ и губителей цар-
скаго рода! Вы спите и не знаете, что дѣлается, вѣдь
Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ убитъ!—крикнули стрѣль-
цы, проходя мимо.

Въ это время Матвѣевъ выходилъ отъ Царицы, собираясь ѣхать домой по окончаніи совѣта.

Услыша набатъ, онъ думалъ, что случился пожаръ, но ему навстрѣчу попался князь Урусовъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Стрѣльцы взбунтовались и идутъ сюда, они уже въ Бѣломъ городѣ!

— Идемъ скорѣе къ Царицѣ! — отвѣчалъ Матвѣевъ и бросился наверхъ.

— Государыня, стрѣльцы бунтуютъ, — сказалъ онъ, входя.

— Господи, что намъ дѣлать! — воскликнула съ отчаяніемъ Царица. — И что это имъ нужно?...

— Успокойся, Государыня; я велѣлъ запереть ворота. Можетъ быть, все благополучно кончится...

— Ворота не успѣли запереть, — сказалъ вошедшій бояринъ. — Стрѣльцы уже въ Кремлѣ.

Услыша это, Матвѣевъ опустилъ голову и зарыдалъ.

Немного успокоившись, онъ осмотрѣлся и, увидя Софью, подумалъ: „Вотъ нашъ врагъ—это дѣло ея рукъ!“

— Успокойся, матушка, — говорила ласково Софья, — успокойся, вѣдь еще ничего неизвѣстно, зачѣмъ они пришли, вотъ сейчасъ узнаемъ.

Но Царица Наталія, при звукѣ ея голоса, казавшемся ей шипѣніемъ змѣи, слегка вздрогнула и продолжала громко плакать, прижимая къ себѣ юнаго Петра.

И не ошиблась Царица.

Царевна только казалась наружно тронутой ея слезами, въ душѣ же съ радостью думала, украдкой бросая на Царицу злобные взгляды: „плачь, плачь! твои слезы

великую радость доставляютъ мнѣ! Плачь, плачь! погоди, не такъ еще заплачешь! Ты, незванная и непрошенная, пришла къ намъ... захотѣла стать выше насъ, природныхъ царевенъ... Отца отняла, а теперь съ своимъ сыномъ все хочешь отнять! Нѣтъ, не знаешь еще ты меня, не дамъ тебѣ! Можетъ быть, я и погибну въ борьбѣ съ тобой, ну, да и ты не мало прольешь горькихъ слезъ... не мало мукъ перенесешь... Погоди, это еще цвѣточки, а ягодки потомъ... впереди“.

Затѣмъ, поборовъ снова свою злобу, Софья со вздохомъ сказала:

— Ну, какъ хочешь, плачь, если не хочешь слушать меня!—и пошла узнать, что дѣлается.

Въ это время вошелъ Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ и, подойдя къ Царицѣ, спросилъ:

— Что это опять у васъ случилось? война что ли? Мнѣ говорили, да я не понялъ.

— Не война, братецъ, — раздался звонкій голосокъ Петра, — а опять стрѣлы бунтуютъ, а что нужно, не знаю. Пойдемъ, спросимъ, что имъ нужно. Они намъ, навѣрно, скажутъ. Тогда и увидимъ, что дѣлать. Пойдемъ, братецъ, правда, пойдемъ...

— Что ты, что ты... куда, Богъ съ тобой, сынъ мой! Ради Бога, не уходи отъ меня!

— Эхъ, горе!—сказалъ съ вздохомъ Петръ,—снова сѣлъ подлѣ матери и задумался. Густыя брови его сдвинулись, черные глаза горѣли недобрымъ огнемъ.

„Ахъ, если бы я былъ большой!“ — думалъ онъ съ грустью.

Иванъ Алексѣевичъ пошелъ къ сестрамъ.

Между тѣмъ стрѣльцы подошли къ дворцу и кричали:
— Кто задушилъ Царевича Ивана Алексѣевича?
Дайте намъ Нарышкина. Покажите Ивана Алексѣевича!
Пусть выйдетъ, если живъ!

— А такъ вотъ чѣмъ подняли ихъ! — прошепталъ Матвѣевъ и, подойдя къ Царицѣ, сказалъ:

— Мятежниковъ обманули, имъ сказали, что Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ задушенъ. Чтобы усмирить ихъ, необходимо показать Царевича, а то дѣло можетъ очень дурно кончиться. Пойдемте на крыльцо, и ты, Государыня, выйди, не бойся.

Послѣ долгихъ просьбъ, наконецъ, Царица рѣшилась выйти.

Черезъ нѣсколько времени на Красномъ крыльцѣ появились патриархъ, бояринъ Матвѣевъ и другіе бояре; ихъ привѣтствовали проклятіями.

Но вотъ послышался легкій шорохъ, и на крыльцо вышла красавица Царица Наталія Кирилловна, ведя за руку Царевичей. Ея прекрасное лицо было страшно блѣдно, хотя она и шла твердой, величественной походкой.

При ея появленіи наступила мертвая тишина.

— Вотъ Царевичъ Іоаннъ, — сказала дрожащимъ голосомъ Государыня, — васъ обманули, добрые люди; онъ живъ!

— Успокойтесь, добрые люди, я живъ, — раздался слабый голосъ Царевича Іоанна.

Стрѣльцы съ недоумѣніемъ посматривали то на царственныхъ братьевъ, то другъ на друга.

— Какъ же это такъ? — слышалось въ толпѣ. — Или

прежде насъ обманули, или теперь обманываютъ и вывели не настоящаго Царевича?... Надо узнать навѣрно, гдѣ обманъ.

Нѣсколько стрѣльцовъ подставили лѣстницу, влѣзли на крыльцо и, внимательно осмотрѣвъ Царевича, сказали:

— Ты ли это Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ?

— Я!... а то кто же?

— Такъ стало живъ?

— А то умеръ? Видите, живъ!

— А кто же тебя изводитъ? Кто твой врагъ? Кто изъ бояръ измѣнники?

Это была ужасная минута; всѣ бояре, затаивъ дыханіе, ожидали отвѣта Царевича.

Послѣ минутнаго молчанія, Царевичъ съ улыбкой отвѣчалъ:

— Ничего не понимаю, что спрашиваете у меня... Нѣтъ у меня враговъ... никто меня не изводитъ и не на кого мнѣ жаловаться.

— Братцы, а вѣдь правду онъ говорить, никто его не изводитъ, стало, насъ обманули!—крикнули стрѣльцы сверху товарищамъ.

— Что жъ это?—раздались крики,—зачѣмъ же насъ подняли? смѣются что ли надъ нами? Измѣнники-то видно тѣ, кто насъ обмануль.

И стрѣльцы начали расходиться.

Когда Софья услышала это, на нее было страшно смотрѣть; она едва удержалась отъ крика и, шатаясь, ушла во дворецъ.

— Неужели все пропало,—шептала она,—попробую еще, велю попоить ихъ.

Вдругъ раздался крикъ:

— „Сегодня не убить, такъ завтра убьютъ!“ — „Нѣтъ, нѣтъ, подайте намъ измѣнника Матвѣева и Ивана Нарышкина, онъ надѣвалъ корону!“ Снова начали кричать стрѣльцы, подойдя ко дворцу.

Напрасно старались успокоить ихъ.

— Погодите, попробую я, — сказалъ Матвѣевъ; его было не пускали, но онъ сказавъ: — погибну или усмирю! — смѣло отворилъ рѣшетку и, громко крикнувъ: я не измѣнникъ! Смотрите, иду къ вамъ! — быстро сошелъ къ стрѣльцамъ.

Стрѣльцы, увидя любимого когда-то боярина, такъ смѣло идущаго къ нимъ, попятились и смолкли.

Наступила мертвая тишина.

Царица и бояре, оставшіеся на Красномъ крыльцѣ, съ замираніемъ сердца ожидали, что будетъ.

Матвѣевъ, окинувъ взоромъ толпу, тихо и ласково сказалъ:

— Что вамъ нужно? Одумайтесь, дѣти! Тяжело мнѣ васъ видѣть въ такомъ ужасномъ состояніи! Не хочется вѣрить глазамъ, что это вы... вы, которые, — вспомните давно минувшіе годы, — не только сами никогда не были зачинщиками бунта, но, подъ моимъ начальствомъ, были укротителями его. А теперь, что случилось съ вами! Живя много лѣтъ вдали отъ васъ, я часто вспоминалъ о васъ.... Если бы мнѣ кто сказалъ, что вы способны бунтовать, врываться въ Кремль, въ царскіе чертоги — да я бы не только не повѣрилъ, но съ гнѣвомъ прогналъ бы отъ себя говорившаго это, назвавъ его за это низкимъ клеветникомъ и лжецомъ... Много вдали отъ

васъ... отъ дорогой сердцу Москвы перенесъ я тяжелыхъ испытаній, не весело жилось въ тѣснотѣ и обидахъ! Наконецъ наступилъ давно желанный день! Я почти безъ отдыха спѣшу въ Москву, съ нетерпѣніемъ жду свиданья съ вами и вернувшись, что... что нашелъ я здѣсь?... О, лучше бы умереть мнѣ тамъ... вдали, чѣмъ видѣть все это...—его голосъ обрывался отъ душившихъ слезъ.—Одумайтесь, дорогія дѣтки... Не вы ли три дня тому назадъ присылали ко мнѣ выборныхъ?... Я плакалъ отъ радости, что вы не забыли меня и встрѣтили такъ радушно... а теперь вамъ моя голова нужна? Что жъ, я предъ вами и безоруженъ... одинъ среди такой большой толпы... берите меня... Только смотрите, я-то пострадаю какія-нибудь нѣсколько минутъ, но не забывайте, что есть Господь, отъ Котораго не укроетесь... Отмститъ онъ за каждую каплю невинно пролитой крови... за каждую слезу!... Видите, какъ васъ обманули: сказали, что Царевичъ задушенъ, а онъ, благодареніе Богу, живъ и невредимъ. Также, повѣрьте мнѣ, васъ обманули и на счетъ Нарышкина!...

Эта рѣчь сильно подѣйствовала на стрѣльцовъ; напрасно Хованскій дѣлалъ имъ знаки схватить Матвѣева—стрѣльцы стояли тихо и неподвижно, иные даже плакали.

Матвѣевъ, окинувъ взоромъ толпу, послѣ минутнаго молчанія продолжалъ:

—Послушайтесь моего добраго совѣта, разойдитесь и не слушайте впередъ коварныхъ наговоровъ! Успокойтесь, докажите, что вы вѣрные слуги Государя. Царь милостивъ, онъ все вамъ проститъ!

— Заступись за насъ, бояринъ, предъ Царемъ!

— Да, заступись!—послышалось со всѣхъ сторонъ.— Мы что жъ—ничего... какъ предъ Богомъ! присягу помнимъ, и за него, батюшку, готовы жизнь отдать.

— Успокойтесь, ничего вамъ не будетъ, только расходитесь!

— Хорошо, бояринъ, уйдемъ!—раздались крики. Матвѣевъ ушелъ къ Царицѣ.

Но едва ушелъ Матвѣевъ, какъ выбѣжалъ Долгорукій и, желая показать свою власть, громко крикнулъ:

— Эй, живо по домамъ... Бунтовать вздумали, вотъ погодите! уже разберу, узнаете... Царя тревожить, бунтовщики проклятые!...

— А такъ вотъ какъ, это ты лаешься? ты кричишь? Погоди грозить, не испугались... Сейчасъ расправимся съ тобою по-своему за все... за все!—заревѣли не своимъ голосомъ стрѣльцы, бросились на Долгорукаго и изрубили бердышами.

Теперь все пропало, толпа, опьяненная кровью, какъ дикіе звѣри бросились во дворецъ съ криками:

— „Давайте Матвѣева!“ и одинъ изъ стрѣльцовъ схватилъ старика.

— Ступай прочь, не трогай!—сказалъ Петръ, взявъ Матвѣева за руку.

— Не мѣшай, Государь,—сказалъ мрачно стрѣлецъ и, отстранивъ его, утащилъ Матвѣева, который блѣдными, дрожащими губами, прошепталъ:

— Прощай, Государь, прощай, Государыня!

Царица съ раздирающимъ душу крикомъ повалилась на полъ, какъ подкошенный снопъ, а Петръ стоялъ подлѣ

нея, схватившись за саблю, и смотрѣя въ слѣдъ Матвѣву полными слезъ глазами.

Патріархъ хотѣлъ было остановить стрѣльцовъ, но они закричали:

— Не нужны намъ ничьи совѣты, пришла пора разобрать, кто намъ нуженъ!

Сбросивъ Матвѣва съ крыльца, они бросились всюду искать другихъ измѣнниковъ.

У нихъ былъ списокъ, кого нужно было убить, но они пришли въ такое бѣшенство, что много перебили, кого не слѣдовало.

Каждое новое убійство сопровождалось криками:

— „Любо! любо! любо!“ барабаннымъ боемъ и звуками набата.

Нарышкиныхъ не нашли. Ихъ спрятали въ одну изъ комнатъ въ пуховикахъ и дверь оставили полуотворенной.

Стрѣльцы подошли было къ ней, да, увидя отворенную дверь, не вошли, сказавъ:

— Тутъ ужъ были наши: здѣсь нечего искать.

Убитыхъ поволокли чрезъ Спасскія и Никольскія ворота на Красную площадь; какъ бы для почета, предъ тѣломъ cadaго шли стрѣльцы и съ злобнымъ хохотомъ кричали:

— Прочь! прочь съ дороги! Или не видишь? Вотъ ѣдетъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣвъ! вотъ бояринъ князь Ромодановскій, вотъ князь Долгорукій, вотъ думный ѣдетъ, эй, дорогу!

Увидя, что ошибкой убить сынъ Салтыкова, нѣкоторые пошли извиниться предъ отцомъ.

Придя къ Салтыкову, стрѣльцы, съ низкимъ поклономъ, сказали:

— Прости насъ, нечаянно, видитъ Богъ, убили твоего сына.

— Что жъ, знать Богу такъ угодно!—съ грустью сказалъ несчастный старикъ-отецъ и велѣлъ угостить ихъ.

— Пойдемте теперь къ старику князю Долгорукому и ему объяснимъ, за что убили его сына, — сказали стрѣльцы и пошли къ княжескимъ палатамъ.

— Здравствуйте, князь, — сказали они съ низкимъ поклономъ.

— Здравствуйте, зачѣмъ пришли? — спросилъ тихо старикъ, приподнявъ голову съ подушки: онъ уже нѣсколько времени лежалъ больной.

— Да вотъ пришли, — отвѣчали, переминаясь, стрѣльцы, — пришли доложить тебѣ, что и твой сынъ попалъ въ числѣ убитыхъ. Но мы не виноваты, онъ самъ виноватъ: выбѣжалъ къ намъ, да и давай ругаться; не стерпѣли мы, ужъ больно обидно стало — схватили да и убили!... Прости, батюшка, ужъ больно сердце взяло!

— Что жъ дѣлать, — отвѣчалъ съ тяжелымъ вздохомъ князь, едва сдерживая слезы. — Поправить нельзя, сына не воротишь!... И хотя слезы глоталъ, велѣлъ угостить ихъ.

Едва ушли убійцы, какъ въ комнату князя вошла жена его сына, горько плача.

— Не плачь! Щуку-то они съѣли, да зубы остались; не долго имъ побунтовать, скоро будутъ висѣть на зубцахъ по стѣнамъ Бѣлаго и Земляного города.

Холопъ, услыша это, тотчасъ побѣжалъ и передалъ слова князя стрѣльцамъ.

Черезъ нѣсколько времени съ яростными криками вбѣжали стрѣльцы и бросились къ больному старику.

— А! ты смѣешь грозить намъ висѣлицей, такъ умри же, умри прежде ты!

Вытащили его на дворъ, разсѣкли на части, выбросили за ворота и на трупъ положили соленую рыбу.

Цѣлый день 15 мая прохозяйничали стрѣльцы во дворцѣ и Кремлѣ. Когда совсѣмъ стемнѣло, они ушли изъ Кремля, оставивъ стражу. Во дворцѣ никто не могъ придти въ себя отъ страха.

На Наталію Кирилловну, приведенную въ чувство съ большимъ трудомъ, страшно было смотрѣть. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ, по осунувшемуся, блѣдному лицу катились крупныя слезы. Прислушиваясь и вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ, она дико озиралась кругомъ.

— Успокойся, Государыня, стрѣльцы ушли, можетъ быть, не придутъ болѣе!—говорили ей, стараясь успокоить.

Но Государыня качала головой и только твердила:

— Все, все пропало! Убить Артамонъ Сергѣевичъ... Господи, и зачѣмъ это я его вызвала, живъ бы былъ, голубчикъ мой... Не утѣшайте, давайте лучше помолимся предъ смертью.—Что жъ, что ушли, завтра опять придутъ и всѣхъ перебьютъ!

Петръ все время сидѣлъ молча, опустивъ голову. Его личико было страшно блѣдно, а въ глазахъ, устремленныхъ вдаль, вспыхивалъ огонь. Тогда онъ вскакивалъ, хватался за сабельку и, казалось, хотѣлъ куда-то бѣжать,—но затѣмъ снова садился и сидѣлъ неподвижно.

Изъ всего царскаго семейства одна Софья не падала духомъ и была спокойна—она добила своего: уничтожила Матвѣева, уничтожить и другихъ, кого нужно.

Бояре не знали, какъ усмирить стрѣльцовъ и на-

дѣялись, что на другой день, наконецъ, опомнятся стрѣльцы и тайные ихъ предводители скажутъ, чего хотятъ.

Но злоба тѣхъ, кто назначалъ жертвы убійцамъ, еще не насытилась и на другой день бунтъ сдѣлался еще опаснѣе, такъ какъ теперь уже не былъ бозотчетнымъ порывомъ слѣпого бѣшенства, но злодѣйствомъ обдуманнѣмъ, ожесточеннымъ и хладнокровнымъ *).

Какъ говорила Наталья Кирилловна, стрѣльцы снова пришли ко дворцу и требовали выдачи Ивана Кирилловича Нарышкина, а то грозили перебить боярѣ.

Несмотря на эти угрозы, правительство отказалось выдать Нарышкина; и стрѣльцы, простоявъ подлѣ дворца до часа пополудни, ушли, оставивъ стражу.

Въ третій разъ стрѣльцы собрались подлѣ дворца 17 мая, и когда имъ отвѣчали, что во дворцѣ нѣтъ Нарышкина, они крикнули:

— Неправда, мы знаемъ, что онъ у васъ спрятанъ; выдайте намъ его — и мы кончимъ убійства, оставимъ въ покоѣ и тѣхъ, которые означены въ списокѣ. Пусть съ ними самъ Государь справляется, а мы уйдемъ. Честью просимъ, выдайте намъ Ивана Кирилловича, а то мы сами примемся снова обыскивать дворецъ, тогда, пожалуй, кончится и хуже. Мы не требуемъ старика Нарышкина и его трехъ младшихъ сыновей. Иванъ же Кирилловичъ непремѣнно долженъ погибнуть.

Какъ видно, Софья и Милославскій не могли успокоиться, пока былъ живъ Нарышкинъ **).

Между тѣмъ какъ стрѣльцы кричали и грозили снова

*) Истор. Петръ Вел. Полевой.

**) Аристовъ. Московскія смуты.

ворваться во дворецъ, къ Царицѣ Наталіи подошла Софья и довольно рѣзко сказала:

— Вѣдь все равно твоему брату не спастись отъ стрѣльцовъ, не погибать же всѣмъ намъ изъ-за него!

Сильно перетрусившіе бояре также со слезами начали умолять ее отдать брата.

Ужасное положеніе было Государыни: любовь къ брату лишила ее силъ выдать его и вмѣстѣ съ тѣмъ она ясно сознавала, что это необходимо, иначе могли бы всѣ погибнуть. Отъ страшной боли въ сердцѣ она не могла произнести ни слова; на ея прекрасномъ лицѣ выражалось столько муки и отчаянія, черные глаза смотрѣли на всѣхъ съ такой мольбой, что даже Софья стало жаль ее и она, подходя къ ней, ласково сказала:

— Покорись волѣ Божіей, матушка, отдай брата стрѣльцамъ; мы постараемся уговорить ихъ не казнить его.

При звукѣ ея голоса Царица вздрогнула и, собравъ послѣднія силы, едва слышно прошептала:

— Берите!...

И горько зарыдала.

Тотчасъ привели Ивана Кирилловича въ церковь Спаса за Золотою рѣшеткою. Тутъ ему объявили о требованіи стрѣльцовъ.

— Ты непременно долженъ умереть,—сказала Софья. Всѣ плакали.

— Не думаешь ли ты, Софья Алексѣевна, что я боюсь смерти?—сказалъ Иванъ Кирилловичъ, выпрямившись и смѣло глядя на Софью.—Отдайте меня злодѣямъ, но пусть моею головою сохранятся головы другихъ!... Будеть, Царевна, опомнись, вѣдь не безсмертна и ты,

— Не думаешь ли ты, Софья Алексеевна, что я боюсь смерти? — сказал Иванъ Кирилловичъ, выпрямившись и смело глядя на Софью.

W
M 2

и тебѣ когда-нибудь придется явиться передъ Праведнымъ Судьею и отдать отвѣтъ въ своихъ дѣлахъ,—добавилъ онъ едва слышно и близко подойдя къ Софѣ.

— А ты, сестра,—продолжалъ онъ громче, обращаясь къ Царицѣ,—не плачь обо мнѣ! рано или поздно нужно умирать, дѣлать нечего! Господь отомститъ злодѣямъ за пролитую невинную кровь и за каждую слезу твою взыщетъ! Прощай!

Царевна сильно поблѣднѣла и вздрогнула. Послышались нетерпѣливые крики убійцы.

— Что же медлишь, Иванъ!—сказалъ князь Одоевскій.—Иди скорѣе, спасай всѣхъ насъ, а тебѣ, Государыня, сколько ни держать брата, а выдать нужно!

Наталія, крѣпко поцѣловавъ брата, взяла его за руку и вывела на площадку. Попробовала было она попросить за брата, но ее не послушали и бросились на Нарышкина, какъ лютые звѣри. Потемнѣло въ глазахъ у несчастной Царицы и, не успѣвъ вскрикнуть, она упала въ руки бояръ.

Когда покончили съ Нарышкинымъ, Софья вышла къ стрѣльцамъ, ласково просила прекратить ихъ бунтъ, благодарила за ихъ любовь къ царскому дому, объявила имъ, что теперь ихъ начальникомъ будетъ любимецъ ихъ Хованскій, велѣла раздать имъ по 10 р., угощала ихъ водкой, давала цѣловать руку. Просила всегда быть наготовѣ, но за оружіе не братьяся.

И 17 мая вечеромъ умолкли барабанный бой, набатъ и крики бунтовщиковъ.

ГЛАВА XI.

стрѣльцы перестали бунтовать; въ церквахъ поминали Великаго Государя Петра Алексѣевича; но не до того было его матери, чтобы думать о правительствѣ.

Обезсиленная, оставленная своими совѣтниками и боярскою думою, столько дней проведенная въ страхъ за жизнь всѣхъ, кто для нея былъ милъ и дорогъ на свѣтѣ, она видѣла себя уже не Царицею, но слабою, беззащитною вдовою, матерью царя-сироты, жизнь котораго также не была въ безопасности. Болѣе она была не въ силахъ бороться съ Софьею и съ покорностью покорилась своей судьбѣ.

И вотъ Софья смѣло выступила впередъ и начала управлять Государствомъ; но это управленіе нужно было освятить правомъ, такъ какъ Софья управляла во дворцѣ, а въ церквахъ поминали Великаго Государя Петра Алексѣевича.

Начали ходить толки, что Царевичъ Иванъ неправомерно обойденъ и, наконецъ, 23 мая Хованскій донесъ Царевнѣ Софѣ Алексѣевнѣ, что стрѣльцы и многіе чины Московскаго государства хотятъ, чтобы царство-

вали оба брата, а въ противномъ случаѣ грозятъ снова взяться за оружіе.

Царевны послали за боярами, но тѣ отказались рѣшить это дѣло сами и былъ созванъ соборъ; много было шуму и споровъ, которые продолжались три дня.

Наконецъ Софья посовѣтовала своимъ сообщникамъ напомнить безразсуднымъ ревнителямъ правды о кровавой грозѣ, едва пролетѣвшей надъ ихъ головами: „теперь время не совѣтоваться, а непрекословно исполнять приказъ“, — добавила она.

Послѣ этого было рѣшено избрать Царемъ Іоанна.

Когда объ этомъ послали сказать стрѣльцамъ и спросили довольны ли они теперь, стрѣльцы, придя на другой день во дворецъ, сказали:

— Нѣтъ мы не довольны. Мы хотимъ, чтобы Іоаннъ Алексѣвичъ, какъ старшій братъ, былъ старшимъ царемъ, а Петръ Алексѣвичъ — младшій — вторымъ.

По этому случаю въ думѣ былъ новый споръ.

Мая 25-го стрѣльцы снова пришли и потребовали увидѣть самого Царевича. Князь Хованскій ввелъ ихъ во дворецъ, гдѣ собрались Царевичъ Іоаннъ, Царица Марѳа и Царевна Софья.

Стрѣльцы, поцѣловавъ у Софьи руку, повторили свое требованіе.

— Дай Богъ только смиреніе другимъ, — кротко сказала Софья, — а я съ вами согласна.

Когда сказали о желаніи стрѣльцовъ Царевичу Іоанну, онъ отвѣчалъ:

— Вѣдь я отказался уже отъ престола, пусть одинъ царствуетъ братъ.

— Если такъ угодно Богу и народу, — повелительно сказала Софья, — ты долженъ повиноваться волѣ Божіей. Развѣ они сами отъ себя говорятъ это? Богъ внушаетъ имъ рѣчи ихъ!

Іоаннъ замолчалъ.

На другой день это рѣшеніе было объявлено всему городу; велѣно было присягать и Царевичу Іоанну.

Мая 29-го во дворецъ собралось большое собраніе чиновъ и выборныхъ народа.

Патріархъ объявилъ, что Цари Іоаннъ и Петръ, чувствуя себя не въ состояніи еще управлять государствомъ, изволили вручить правленіе своей сестрѣ, Царевнѣ Софѣ Алексѣевнѣ, и просили ее, но она не согласилась, а потому и рѣшили просить Царевну всѣмъ боярскимъ и святительскимъ синклитомъ.

Всѣ согласились со святителемъ и отправились въ теремъ Царевны.

Ставъ передъ нею на колѣни, долго напрасно умоляли они ее принять управленіе; но все же наконецъ она согласилась, только велѣла означать свое имя въ приговорахъ послѣ имени Царей.

Начались поздравленія.

Наконецъ-то Москва отдохнула, дѣла пошли своимъ порядкомъ.

Вскорѣ послѣ присяги Іоанну было назначено коронованіе Царевичей.

Начались приготовленія и 25 іюня было совершено торжественное коронованіе.

Когда Наталія Кирилловна узнала о назначеніи Софьи правительницей, сказала:

— А такъ воть кто былъ причиною смерти Матвѣева, моего брата, ссылки моихъ родныхъ, воть изъ-за кого постригли моего отца. Значить, это она съ Мило-славскимъ подняла стрѣльцовъ; правду сказалъ мнѣ тогда Артамонъ Сергѣевичъ!

Воть наступилъ и день коронованія 25 іюня.

Посреди Успенскаго собора устроили царское мѣсто о двѣнадцати ступеняхъ и устлали его алымъ багрецовымъ сукномъ и лазоревыми и рудожелтыми бархатами; по сторонамъ его поставили лавки, покрытыя золотыми коврами для духовныхъ властей; на царскомъ мѣстѣ стояли два трона и мѣсто патріарха; впереди стояли шесть аналоевъ, покрытыхъ золотыми обьярями и турскимъ атласомъ съ жемчужными покровами; на нихъ лежали кресты, вѣнцы, бармы, скипетры и державы на золотыхъ блюдахъ.

Когда все было готово, въ соборъ пришелъ патріархъ съ 8 митрополитами, 4 архіереями и другимъ духовенствомъ и облекся въ жемчужный греческій саккосъ Митрополита Фотія.

Въ это время Цари молились у Спаса за золотой рѣшеткою и послѣ молитвы велѣли нести въ соборъ кресты и регалии, а затѣмъ и сами пошли въ соборъ, сопровождаемые синклитомъ и войскомъ, при глубокомъ безмолвіи безчисленной толпы народа.

Послѣ встрѣчи, многолѣтія, цѣлованія иконъ и мощей Цари, подойдя къ патріарху, попросили его благословить и вѣнчать ихъ на царство дѣда, отца и брата. Послѣ благословенія патріарха, Цари съ молитвами при-

няли царскія регаліи; весь хоръ духовенства провозгласилъ имъ многолѣтіе. Затѣмъ началась обѣдня.

Цари снимали вѣнцы во время чтенія Евангелія и пѣнія Херувимской пѣсни и усердно молились.

Вотъ наступилъ таинственный чинъ Миропомазанія.

Въ это время въ соборѣ наступила глубокая тишина; никто не смѣлъ пошевелиться на мѣстѣ, всѣ притаили дыханіе. Юные цари благоговѣнно подошли къ царскимъ вратамъ, гдѣ надъ ними было совершено миропомазаніе. Затѣмъ царскими вратами ввели ихъ въ алтарь, затворили врата и тамъ пріобщили Св. Таинъ.

По выходѣ изъ собора, при громкихъ крикахъ народа, осыпали ихъ золотыми деньгами.

Затѣмъ былъ данъ торжественный обѣдъ.

ГЛАВА XII.

такъ, совершилось въ Россіи великое государственное событіе — на престолъ безъ власти сѣдѣли два Царя, а государствомъ управляла ихъ сестра — дѣвица. Теремъ восторжествовалъ.

Царемъ стала дѣвица. Дѣвица, вмѣсто монастыря, попала на тронъ, вмѣсто схимы, облеклась въ порфиру. Царь-дѣвица сдѣлалась государственнымъ, офиціальнымъ лицомъ; какъ царь засѣдала въ боярской думѣ, распоряжалась войскомъ и казною, являлась въ церемоніальныхъ выходахъ — почти единственный примѣръ въ Россіи.

Прежде всего Софья наградила стрѣльцовъ.

На Красной площади, по ея приказанію, былъ поставленъ столбъ, на которомъ были написаны имена измѣнниковъ, убитыхъ стрѣльцами; не только не наказали ихъ за это, но даже хвалили и дали имъ почетное названіе Надворной пѣхоты; запретили безъ суда наказывать и пр., затѣмъ призвали въ Кремль и угостили.

Стрѣльцы торжествовали; народъ унывалъ, боясь торжества злодѣевъ, но и его порадовали милостями: на

поминовение души Царей Алексѣя Михайловича и Теодора Алексѣевича велѣно было сложить недоимки.

Наградивъ стрѣльцовъ, Софья поспѣшила устроить свой дворъ и чинопочини.

Нарышкинымъ, жившимъ въ деревняхъ, запрещенъ былъ въѣздъ въ Москву и вообще всѣ, кого она находила опаснымъ, были удалены. Всѣ главныя должности были розданы Милославскому, Хованскому и вообще ея друзьямъ.

Но выше ихъ всѣхъ былъ ея любимецъ Василій Васильевичъ Голицынъ, который былъ ея ревностнымъ помощникомъ.

Устроивъ внѣшнія дѣла, Софья и Голицынъ рѣшили заняться устройствомъ внутреннихъ дѣлъ; но въ началѣ они дѣйствовали нерѣшительно, вѣроятно, видя опасности, окружавшія престолъ и страшившія народъ.

Народъ и правительство пугали стрѣльцы, которые, вмѣсто наказанія, награжденные за бунтъ, поняли свою силу и слабость правительства. Народъ ропталъ, считая Софью сообщницею злодѣевъ.

Стрѣльцы для Софьи послужили средствомъ для достиженія власти, но средствомъ гибельнымъ, такъ какъ и другіе увидѣли въ нихъ также орудіе своихъ промысловъ.

Среди стрѣльцовъ было много старовѣровъ и они съ жадностью слушали совѣты своихъ товарищей защитить гибнущее православіе.

Князь Хованскій, старикъ честолюбивый, вмѣстѣ слабый и робкій, кромѣ того, какъ говорятъ, самъ принадлежавшій къ раскольникамъ, не смѣлъ остановить толки и тайныя сборища, которыя все учащались и увеличивались. Дѣло наконецъ дошло до того, что раскольники,

поддерживаемые стрѣльцами, явились въ Кремль и требовали, чтобы патріархъ вступилъ съ ними въ разсужденіе о вѣрѣ.

Вначалѣ Софья соглашалась допустить разсужденіе о вѣрѣ въ Грановитой палатѣ, а не на площади, чего требовали раскольники, и сама пришла вмѣстѣ съ патріархомъ, Царицами, Царевнами и духовенствомъ. Но буйство и дерзость раскольниковъ и особенно Никиты-Пустосвята вынудили правительницу силою прогнать раскольниковъ и казнить Никиту.

Это удалось Софѣ, потому что среди стрѣльцовъ было у нея много приверженцевъ, съ которыми она постоянно сносилась.

Но хотя и удалось смирить раскольниковъ, все же было не безопасно, пока управленіе стрѣльцами находилось въ рукахъ Хованскаго, на котораго плоха была надежда, такъ какъ всѣмъ было извѣстно о его сношеніяхъ съ раскольниками. Тронуть же его боялись, потому что его любили стрѣльцы. Хованскій, чувствуя свою силу, ничего не боялся и даже осмѣлился подать Софѣ отъ стрѣльцовъ челобитную, въ которой они просили выдать имъ по 25 р.

Бояре и Царевна не согласились.

Тогда Хованскій, выйдя къ стрѣльцамъ, съ гнѣвомъ сказалъ:

— Дѣти! знайте, бояре и мнѣ грозятъ за то, что хочу вамъ добра; теперь мнѣ нечего болѣе дѣлать, какъ хотите, такъ и помышляйте!

Это тотчасъ было донесено Царевнѣ; кромѣ этого, начали ходить слухи, что Хованскій хочетъ перебить Ца-

рей и Царевну, а своего сына женить на младшей царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Милославскій, узнавъ объ этомъ, испугался бунта и уѣхалъ, прося Софью какъ-нибудь избавиться отъ Хованскаго.

Дѣйствительно своеволие стрѣльцовъ дѣлалось опасно.

Ихъ начальники стали своевольно являться во дворецъ, не уступали мѣста боярамъ, такъ что многіе изъ бояръ уѣхали изъ Москвы, и снова начались сборища, которыя предвѣщали новый бунтъ.

Царевна рѣшила также покинуть Москву.

19-го августа во время крестнаго хода изъ Успенскаго собора въ Донской монастырь Государи не пошли, такъ какъ разнесся слухъ, что этотъ день стрѣльцы назначили для избіенія царей; а на другой день, 20-го августа, все царское семейство уѣхало въ Коломенское.

Стрѣльцы сильно перетрусили и послали въ Коломенское выборныхъ съ челобитной, въ которой говорилось: „Великимъ Государямъ сказали, будто у насъ, у Надворной пѣхоты, учинилось смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полка въ полкъ идутъ тайныя пересылки, хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ попрежнему,—и для того они, Великіе Государи, изволили изъ Москвы выѣхать; но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла нѣтъ и впредь не будетъ; чтобъ Великіе Государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ“.

„Великимъ Государямъ про вашъ умыселъ невѣдомо, — былъ отвѣтъ. — Изволили Великіе Государи съ Москвы идти по своему государскому изволенію, да и

прежде въ село Коломенское ихъ государскіе походы бывали же“.

И выборныхъ отпустили стрѣльцы и успокоились, такъ какъ Цари не двигались изъ Коломенскаго.

Между тѣмъ Хованскій, чтобы напугать Софью и показать, насколько велика ея нужда въ стрѣльцахъ, а слѣдовательно и въ немъ, явился въ Коломенское и при боярахъ сказалъ:

— Приходили ко мнѣ новгородскіе дворяне и говорили, что ихъ братья хотятъ придти нынѣшнимъ лѣтомъ въ Москву бить челомъ о заслуженномъ жалованьи и по Москвѣ сѣчь всѣхъ безъ выбора и безъ остатка.

— Такъ надобно сказать объ этомъ въ Москвѣ на Постельномъ крыльцѣ всякихъ чиновъ людямъ, а въ Новгородъ для подлиннаго свидѣтельства послать Великихъ Государей грамоту, — отвѣчала Софья спокойно.

Хованскій перепугался и началъ просить этого не дѣлать.

Между тѣмъ отъ Милославскаго приходили просьбы за просьбами поскорѣе казнить Хованскаго, и вотъ, наконецъ, Царевна рѣшила исполнить просьбу дяди. Переѣхавъ въ Воздвиженское, она послала гонца къ Хованскому просить пріѣхать его къ ея именинамъ 17-го сентября на пиръ и совѣтъ.

Хованскій хотя и зналъ о сборѣ войскъ и царскихъ грамотахъ, осуждавшихъ его, или нечувствуя себя виновнымъ, или надѣясь оправдаться, тотчасъ поѣхалъ съ сыномъ Андреемъ и нѣсколькими стрѣльцами.

Едва Софья узнала, что онъ ѣдетъ, какъ выслала навстрѣчу ему сильный отрядъ подъ начальствомъ князя Лыкова, приказавъ схватить его и казнить.

ГЛАВА XIII.

Вечерѣло; солнце закатилось за лѣсъ; надъ рѣкой клубами поднимался туманъ. По троицкой дорогѣ показался княжескій обозъ и за нимъ богатая роскошная колымага князей Хованскихъ, окруженная полсотнею стрѣльцовъ. Доѣхавъ до Пушкина, они расположились станомъ на берегу рѣки. Для князей тотчасъ были раскинуты шатры изъ дорогихъ персидскихъ ковровъ. Стрѣльцы расположились кругомъ. Всѣ, сильно утомленные, скоро заснули мирнымъ сномъ. Оба князя также крѣпко заснули. Вдругъ среди ночи князь Андрей былъ разбуженъ какимъ-то страннымъ звукомъ.

— Что это такое? — воскликнулъ онъ, вскочивъ. — Я слышу шумъ: не то плескъ воды это, не то конскій топотъ... звонъ оружій... Неужели еще не спятъ, но откуда же топотъ?... Чу! кричатъ!

— Гайда, гайда! Окружай! Хватай злодѣевъ! — ясно раздались крики невадѣлкѣ отъ его шатра.

Андрей схватилъ саблю.

Нападеніе было неожиданное, и испуганные стрѣльцы,

просыпаясь, полуодѣтые и безъ оружія выскакивали изъ шатровъ; кого тотчасъ убивали, а кто спасся бѣгствомъ.

— Берите отца,—раздался звучный голосъ князя Михаила Лыкова,—а съ сыномъ я справлюсь.

Андрей бросилъ саблю и закрылъ лицо руками.

— Что это значитъ? за что?—спросилъ едва слышно старикъ Хованскій.

— А ужъ это тебѣ лучше знать,—отвѣчалъ князь.— Ну, идемъ скорѣе! А сынъ гдѣ?

— Тамъ,—отвѣчалъ убитый горемъ старикъ—и, вставъ, съ тяжелымъ вздохомъ пошелъ за княземъ Лыковымъ.

Связанныхъ, какъ преступниковъ, привезли князей Хованскихъ въ Воздвиженское и тутъ прочли имъ приговоръ.

— Господа бояре!—вдругъ раздался раздирающій душу крикъ старика Хованскаго, когда прочли приговоръ.

На него страшно было смотрѣть: широко открытые глаза неестественно горѣли, на мертвенномъ блѣдномъ лицѣ то выступали, то исчезали красныя пятна; щеки и подбородокъ передергивало.

— Господа бояре!—повторилъ онъ тише.—Мы невинны!—онъ остановился перевести духъ.

Отвѣтомъ было гробовое молчаніе.

Несчастный старикъ съ отчаяніемъ осмотрѣлся и продолжалъ:

— Поща-дите... по-ща-ди-те... выслушайте... допросите... и узнаете, что среди васъ есть злодѣи много виновнѣе насъ! Я вамъ перечислю всѣхъ зачинщиковъ бунта. Вѣдь не я его выдумалъ, не я затѣялъ! Разбе-

рите прежде... молю васъ ради Бога, не казните, не разобравъ дѣла и не выслушавъ насъ!...—и старикъ зарыдалъ.

— А мой сынъ-то при чемъ тутъ?... Докажите мнѣ его вину... я... я прокляну его...

Но въ это время Софья, получивъ новую просьбу отъ Милославскаго скорѣе казнить, выслала сказать, чтобы тотчасъ приступили къ казни.

Хованскихъ взяли и обоимъ отсѣкли головы.

Казнь была совершена, но послѣдствія смѣлаго поступка Софьи могли быть ужасны. Съ часу на часъ могли явиться стрѣльцы и отомстить. Всюду было разослано поспѣшить собрать войска, а въ Москву къ Надворной пѣхотѣ была послана грамота съ извѣстіемъ о казни ихъ начальника и его сына.

Въ день казни Хованскаго бѣжалъ его другой сынъ и, ночью прибѣжавъ въ Москву, объявилъ стрѣльцамъ о казни отца, сказавъ:

— Я слышалъ, что васъ бояре хотятъ перебить, послушайте моего совѣта, примите мѣры предосторожности.

Едва стрѣльцы объ этомъ узнали, какъ тотчасъ бросились въ Кремль, забрали порохъ и пушки, разставили всюду караулы и не впускали никого въ Москву. Снова начались сборища, загудѣлъ набатъ, раздался барабанный бой.

Напрасно патріархъ, бывший въ Москвѣ, уговаривалъ стрѣльцовъ не вѣрить ложнымъ слухамъ; отвѣтомъ на его слова были яростные крики:

— Смерть всѣмъ измѣнникамъ - боярамъ! Жестоко отомстимъ за смерть нашего любимаго начальника!—

Грозили ограбить боярскіе дома и убить патріарха, если узнають, что онъ заодно съ боярами. Начались приготовления.

Когда объ этомъ узнали въ Воздвиженскомъ, то все царское семейство тотчасъ уѣхало въ Троицкую Лавру, велѣвъ туда собираться войску. Подлѣ царей быстро собралось сильное войско; большого труда стоило его сдерживать: оно готово было перебить не только стрѣльцовъ, но и всѣхъ москвичей.

— Они молчали и не защищали Государей нашихъ, когда стрѣльцы угрожали жизни и престолу царей,— говорили воины съ гнѣвомъ.—Они не положили тогда своихъ головъ, а потому и всѣ виновны въ зломъ умыслѣ! Смерть стрѣльцамъ! Если Цари простятъ ихъ, они вскорѣ снова за то же примутся. Пойдемъ, истребимъ до конца злое сѣмя!

Войско раздѣлили на четыре отряда, велѣли окружить Москву, но битвы не начинать.

Узнавъ объ этомъ, перепуганные стрѣльцы, придя къ патріарху, со слезами просили вымолить имъ прощенье у Государей.

Патріархъ послалъ къ Государямъ, что стрѣльцы просятъ Государей возвратиться въ Москву. Вскорѣ стрѣльцамъ былъ присланъ царскій указъ, гдѣ говорилось, за что былъ казненъ Хованскій и что на нихъ нѣтъ царской опалы.

8-го октября патріархъ въ Успенскомъ соборѣ, прочитавъ царскую грамоту о прощеніи, сказалъ длинное поучение:

— Мы должны быть не дикими звѣрями, но ду-

ховными дѣтьми. Богъ живетъ въ насъ и Имъ мы движемся. Согреѣшая, мы сквернимъ жилище Божіе!—закончилъ свое поученіе патріархъ; затѣмъ благословилъ всѣхъ и велѣлъ въ знакъ радости звонить въ колокола.†

Вѣсть объ усмирении Москвы сильно обрадовала Софью, и 6-го ноября былъ назначенъ въѣздъ Государей въ Москву.

Былъ чудный солнечный день, хотя слегка и морозило. Отъ Алексѣевского села до Москвы по сторонамъ дороги стояли безоружные стрѣльцы, и едва показался царскій поѣздъ, всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, опустились на колѣни и, со слезами глядя на юныхъ царей, молили прощенія.

Цари ѣхали на коняхъ впереди войска. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ робко оглядывался кругомъ, а Царь Петръ Алексѣевичъ, величественно сидя на конѣ, смѣло смотрѣлъ на всѣхъ.

При въѣздѣ въ Москву Государей, воздухъ огласился радостнымъ трезвономъ. Встрепенулъ народъ; радостно забились сердца; взвились на воздухъ шапки, и раздались громкіе крики:

— Да здравствуетъ Царь Іоаннъ Алексѣевичъ! Да здравствуетъ Царь Петръ Алексѣевичъ!...

Послѣ этого бунта Софья лишила стрѣльцовъ почетнаго названія Надворной пѣхоты, и было объявлено, что будутъ наказаны смертною казнью зачинщики ссоръ и бунта; теперь они не только не осмѣлились воспротивиться этому, но даже и роптать.

Усмиривъ стрѣльцовъ и удаливъ всѣхъ людей, которыхъ считала опасными, Софья начала спокойно цар-

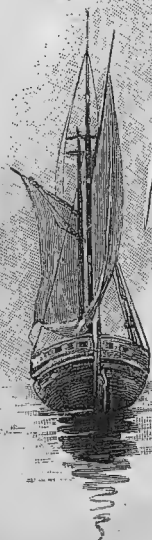
ствовать съ помощью своего любимца, князя Василя Васильевича Голицына, котораго осыпала милостями и наградами. И все умолкло предъ гордымъ временщикомъ, все затрепетало его взора—никто не смѣлъ высить голоса.

Не затрепеталъ только одинъ человѣкъ; не умолкъ только голосъ одного: этотъ звучный голосъ—былъ голосъ юнаго Царя Петра Алексѣевича, который незамѣтно подросъ и не по лѣтамъ былъ уменъ и мужественъ.

Неожиданно раздавшійся звучный голосъ юнаго Царя заставилъ задрожать смѣлую и энергичную его сестру, Царевну Софью Алексѣевну *).

*) Исторія Полевого.

ГЛАВА XIV.

Между тѣмъ какъ Софья правила государствомъ сначала внутри терема, затѣмъ среди лѣса, въ Преображенскомъ дворцѣ росъ и мужалъ красавецъ-Царевичъ Петръ Алексѣевичъ, подобно древнему Киру, чудесно спасшійся отъ семейной вражды и гоненія родственниковъ; набралъ себѣ сильную дружину изъ потѣшныхъ, храбро выступилъ противъ старшей сестры, заключилъ ее въ монастырь и сталъ основателемъ и преобразователемъ новаго общества, проводя всю жизнь въ борьбѣ и трудѣ, за что и получилъ справедливое названіе Великаго.

Петръ былъ счастливымъ младенцемъ до трехъ лѣтъ только, при жизни отца; съ кончиной же отца и восшествіемъ старшаго брата, онъ простился съ дѣтствомъ—началась печальная доля его младенчества; жизнь гоненія и бури способствовали его раннему развитію.

Видя постоянно печальной горячо любимую мать, только и слыша, что о горѣ и опасностяхъ со стороны враговъ, будучи свидѣтелемъ ужаснаго бунта, смерти дяди

Ивана Кирилловича и Матвѣева, любимаго своего дѣдушки и другихъ бояръ, пламенный, впечатлительный ребенокъ быстро понялъ намѣренія Софьи и ея отношенія къ матери и къ нему и возненавидѣлъ Софью и ея родныхъ.

По смерти Θεодора избрали Царемъ Петра Алексѣевича; но тотчасъ же за этимъ избраніемъ буйныя стрѣлы отняли эту власть и сдѣлали его свидѣтелемъ страшныхъ кровавыхъ сценъ, мучительной смерти родныхъ, отчаянія матери. Хотя десятилѣтній Петръ не въ состояніи былъ остановить бунтовщиковъ и защитить дорогихъ для него людей и хотя въ это ужасное время онъ сохранилъ удивительное спокойствіе и смѣлость, но тѣмъ сильнѣе, тѣмъ глубже запала въ сердце его ненависть къ главной виновницѣ всего этого—Софѣ и тѣмъ сильнѣе появилось въ немъ желаніе скорѣе быть взрослымъ и отомстить за все.

Мальчикъ ясно понималъ, что ему самому нужно заботиться о безопасности, и эти заботы заставляли его много думать, во многое вглядываться и многое понимать, что недоступно ребенку въ его возрастъ.

Дальнѣйшія событія—удаленіе его съ матерью изъ Кремлевскаго дворца и постоянныя опасенія за жизнь свою и матери, передъ глазами печальная, убитая горемъ мать, постоянныя жалобы, слезы и толки, что власть похищена и Богъ знаетъ, что дѣлается въ государствѣ—все больше и больше способствовали развитію Петра. Онъ такъ быстро развивался, что, будучи десятилѣтнимъ, казался пятнадцатилѣтнимъ.

Иностранцы, видѣвшіе его въ то время, говорили:

— Онъ прекрасенъ, какъ юная дѣвица!...

Его лицо было поразительной красоты, взоръ открытый, смѣлый, а когда онъ говорилъ, черные глаза горѣли, какъ звѣзды, и яркій румянецъ покрывалъ щеки; нерѣдко онъ смущалъ пословъ живостью движеній и неожиданною рѣчью. Сильныя впечатлѣнія вызывали въ немъ или гнѣвъ или радость, онъ часто даже плакалъ отъ досады и радости. Но насколько быстро и сильно воспламенялся онъ гнѣвомъ, настолько быстро и стихалъ, со слезами обнималъ оскорбленнаго имъ и искренно просилъ прощенія.

Къ счастью Петра, Софья и ея сторонники, упоенные своимъ торжествомъ, не замѣчали ничего особеннаго въ ребенкѣ и не обращали на него вниманія, хотя и удалили отъ него его любимаго учителя Зотова, назначивъ главнымъ приставникомъ родственника Василя Васильевича Голицына—Бориса Алексѣевича Голицына.

Князь Борисъ Алексѣевичъ, человекъ умный, прекрасно образованный, честно исполнялъ свои обязанности къ Петру, сильно привязался къ своему ученику и сдѣлался, сверхъ ожиданія Софьи и Голицына, его приверженцемъ. Петръ также скоро къ нему привязался и никогда не разставался потомъ.

Живя въ Преображенскомъ дворцѣ на берегахъ Яузы, невдалекѣ отъ Сокольничьяго поля, Нѣмецкой слободы и лѣсовъ, на полной свободѣ и вдали отъ недруговъ, юный царь вполне предавался своимъ любимымъ воинскимъ занятіямъ.

Его дѣтскія игры вскорѣ превратились въ настоящія воинскія упражненія; потѣшная рота, собранная изъ его ровесниковъ, подрастала; Петръ набралъ новыхъ това-

рищей; училъ ихъ стрѣльбѣ и строю, воздвигалъ земляные окопы, батареи, крѣпости и вскорѣ изъ толпы дѣтей образовалась рота удалыхъ, неутомимыхъ юношей, преданныхъ Петру, равныхъ между собою, потому что въ нее равно записывались дѣти бояръ и простолюдины, всѣ одинаково несли службу, ѣли одну пищу, равно несли труды, голодъ и холодъ. Петръ, какъ любознательный мальчикъ, вступалъ со всѣми въ разговоръ и всѣхъ разспрашивалъ.

Однажды князь Яковъ Долгорукій, предъ отъѣздомъ во Францію, разговорился съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и между прочимъ сказалъ:

— Былъ у меня, Государь, одинъ инструментъ, да жаль украли; этимъ инструментомъ было можно брать дистанціи, не доходя до того мѣста.

Искра упала въ порохъ; глаза мальчика заблестѣли, щеки разгорѣлись.

— Купи, князь, мнѣ этотъ инструментъ во Франціи.

— Хорошо, Государь,—отвѣчалъ Долгорукій, съ восхищеніемъ смотря на мальчика.

Черезъ нѣсколько времени астролябія была въ рукахъ Петра; но онъ не зналъ, что съ нею дѣлать.

„Что дѣлать? какъ взяться за нее? у кого спросить?—думалъ Петръ.—А, спрошу доктора нѣмца, не знаетъ ли онъ?“

И, прибѣжавъ къ доктору, передалъ ему о своемъ желаніи.

— Самъ-то я не знаю, Государь,—отвѣчалъ докторъ,—но отыщу голландца Франца Тиммермана. Онъ знаетъ.

— Найди скорѣе!—упрашивалъ нетерпѣливый мальчикъ.

Познакомившись съ Тиммерманомъ, Петръ началъ учиться у него геометріи и фортификаціи и не разставался съ нимъ, таскалъ его всюду съ собою и, при видѣ каждаго новаго предмета, засыпалъ своего учителя вопросами: что это такое? зачѣмъ? какъ устроено? и пр. Любопытный, безпокойный мальчикъ всюду пробирается и заглядываетъ, на все обращаетъ вниманіе, все хочетъ знать, все ему нужно, все отопри да покажи.

Однажды въ Измайловѣ, забравшись въ амбаръ, гдѣ лежали разныя старыя вещи дяди его Никиты Ивановича Романова, Петръ долго рылся тамъ и вдругъ, увидѣвъ иностранное судно, крикнулъ своему учителю:

— Поди сюда поскорѣе, посмотри, что это за судно?

— Это англійскій ботъ.

— Когда же его употребляютъ?

— При корабляхъ для фзды и перевозки.

— А чѣмъ же онъ лучше нашихъ?

— Онъ ходитъ на парусахъ, и ходитъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра.

— Противъ вѣтра!—воскликнулъ удивленный мальчикъ.—Какъ же это?... Нужно посмотреть... Не знаешь ли ты, кто бы могъ починить его и показать его ходъ?

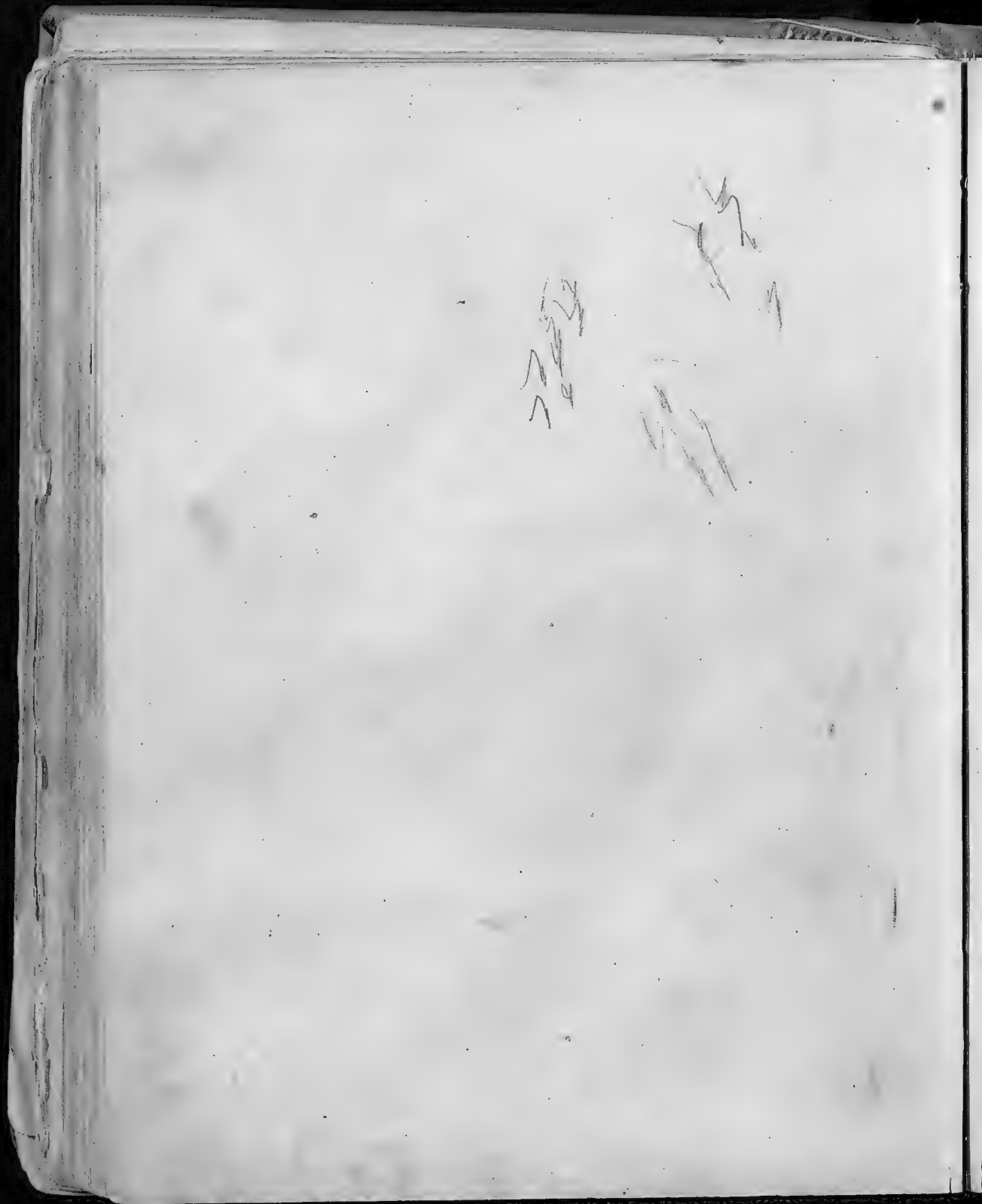
— Есть у меня знакомый голландецъ Брантъ; онъ, думаю, сдѣлаетъ это.

Тотчасъ же послалъ за Брантомъ. Онъ быстро исправилъ ботъ, устроилъ мачту, паруса и спустил его на рѣку Яузу.

Невозможно и описать радости Петра. Онъ сильно

За мной, Государь!—
крикнулъ князь; Петръ
вспыхнулъ и, прищипо-
ривъ коня, бросился въ
рѣку.

увлекся новой забавой и только и мечталъ о томъ, чтобы построить побольше кораблей. Но Яуза была слишкомъ мала для этого и мальчику хотѣлось выбратъся куда-либо на просторъ.

Еще не задолго до этого времени Петръ сильно боялся воды. Будучи еще въ младенчествѣ, Петръ, однажды съ матерью переѣзжая чрезъ рѣку во время разлива, сильно перепугался, когда вода залилась въ колымагу, и съ тѣхъ поръ даже и не подходилъ близко къ водѣ. Но не задолго до того времени, когда найденъ былъ ботикъ, благодаря находчивости князя Бориса Алексѣевича Голицына, Петръ пересталъ бояться воды.

Однажды, во время охоты, Голицынъ нарочно подѣхалъ къ рѣкѣ и, заранѣе условившись съ охотниками, со всѣми ими бросился на конѣ вплавъ на другой берегъ.

Петръ остановился въ недоумѣніи.

— За мной, Государь!—крикнулъ князь.

Петръ вспыхнулъ и, прищпоривъ коня, бросился въ рѣку. Съ тѣхъ поръ боязни къ водѣ какъ не бывало.

„Ботикъ... корабли... могутъ ходить и противъ вѣтра... Скоро, легко и дешево можно плыть куда хочешь“... Эти мысли ни днемъ ни ночью не давали покоя Петру.

— Нѣтъ ли гдѣ невадѣкъ побольше воды? нельзя ли построить корабль?—началъ онъ допытываться у Тиммермана.

— Есть Государь,—отвѣчалъ тотъ,—только далеко отсюда, верстъ сто двадцать—Переяславское озеро.

— Туда! туда!—воскликнулъ съ блестящими глазами Петръ. Но вдругъ на оживленное, прелестное лицо его набѣжала тѣнь и онъ задумался.

„Вотъ что только,—думалъ онъ,—матушка пожалуй не пустить... вѣдь она никуда далеко не пускаетъ меня. Какъ же быть?“...

Долго ломалъ онъ голову, придумывая, какъ бы устроить такъ, чтобы не огорчить мать и свое желаніе исполнить.

— Придумалъ!—наконецъ сказалъ онъ, и лицо его снова прояснилось.

— Дорогая матушка,—сказалъ онъ, быстро войдя въ комнату матери и цѣлуя ея руку,—пусти меня къ Троицѣ на богомолье!

Мать, пристально посмотрѣвъ на него, сказала:

— Ступай, только смотри, береги себя!

— Не беспокойся, дорогая,—отвѣчалъ обрадованный мальчикъ, поцѣловавъ мать и быстро выбѣжавъ изъ комнаты, онъ тотчасъ же ускакалъ на Переяславское озеро.

Тамъ работа закипѣла, и быстро былъ выстроенъ корабль и спущенъ на воду. Въ постройкѣ принималъ участіе и самъ Петръ. Но такъ какъ онъ прибылъ на озеро безъ позволенія, то нужно было поторопиться домой, хотя и грустно было ему разставаться съ озеромъ.

Возвратившись, Петръ снова принялся за науки и особенно военную.

Вскорѣ пришлось ему познакомиться съ швейцарцемъ Лефортомъ, у котораго была подъ командою лучшая нѣмецкая рота.

Однажды на смотру, замѣтивъ роту Лефорта, Петръ подозвалъ его, долго съ нимъ разговаривалъ, произвелъ его въ майоры и самъ сдѣлался его ученикомъ. Лефортъ убѣдилъ Петра въ необходимости изученія иностранныхъ языковъ и Петръ усердно сталъ изучать ихъ.

Благодаря такимъ наставникамъ, которые вмѣстѣ были и друзьями, юный Петръ получилъ богатые познанія. Лефортъ и Гордонъ, желая порадовать юнаго царя, тайно отъ него обучали его потѣшную роту и одѣли въ нѣмецкіе мундиры.

Однажды рано утромъ подѣ окнами Петра вдругъ раздался барабанный бой. Петръ вскочилъ съ постели и подбѣжалъ къ окну. Предѣ его окнами стояла потѣшная рота, одѣтая въ щегольскіе нѣмецкіе мундиры; впереди всѣхъ стоялъ Лефортъ. Едва въ окнѣ показался Государь, какъ грянуло дружное „ура“!

Восхищенный Петръ, внѣ себя отъ радости, выбѣжалъ полуодѣтый и, обнявъ Лефорта, поцѣловалъ его и тотчасъ самъ записался солдатомъ въ новую роту. Онъ исполнялъ всѣ солдатскія обязанности, учился барабанить, выкидывалъ артикулы ружьемъ, спалъ въ солдатской палаткѣ, стоялъ на караулѣ на ряду съ другими.

Число потѣшныхъ Петра быстро увеличивалось, и скоро у него образовалось два полка: Преображенскій и Семеновскій.

Видя быстрое развитіе юнаго Царя, многіе поняли, что скоро онъ заберетъ власть въ свои руки, и къ нему охотно стали приходить и записываться въ потѣшные: иностранцы, офицеры, художники, купцы и ремесленники. Юные царедворцы тоже охотно шли въ Преображенское и записывались въ потѣшные.

Софья не обращала вниманія на Петра и его занятія. „Пусть себѣ потѣшается!“—говорила она и вмѣстѣ съ тѣмъ старалась распространить въ народѣ ходившіе о Петрѣ дурные слухи, желая унижить его въ глазахъ всѣхъ.

Оба брата-царя ни въ чемъ не противорѣчили Софѣ; она управляла государствомъ совершенно самостоятельно и, пользуясь своимъ вліяніемъ на всѣхъ, рѣшила укрѣпить за собою власть навсегда. Вскорѣ во всѣхъ государственныхъ бумагахъ вмѣстѣ съ именами царей стали писать и имя Софіи, называя ее „самодержицею“.

Царица Наталія, узнавъ объ этомъ, сказала царевнамъ—теткамъ Софьи:

— Зачѣмъ царевна Софья стала писаться съ Государями вмѣстѣ? Вѣдь и у насъ есть люди, которые не допустятъ этого.

Слова царицы тотчасъ же были переданы Софѣ, но она, увѣренная въ своей силѣ, не обратила на нихъ вниманія и всюду являлась вмѣстѣ съ царями при всѣхъ торжествахъ.

Но вскорѣ эта самоувѣренность Софьи стала колебаться.

Въ послѣднее время Петръ сталъ рѣже являться на торжества, явно избѣгая сестры, что и заставило Софью вспомнить о словахъ Царицы Наталіи. Кромѣ того, начало смущать ее и быстрое увеличеніе у Петра потѣшнаго войска, готоваго на все для своего царя; да и Петръ самовольно сталъ являться на боярскіе совѣты, выражая тѣмъ желаніе участвовать въ правленіи государствомъ.

Вскорѣ затѣмъ попечитель Петра, князь Борисъ, явно поссорился съ своимъ родственникомъ княземъ В. В. Голицынымъ, и послѣ этой ссоры юный Петръ ни въ чемъ не сталъ уступать сестрѣ.

Открытая вражда между Петромъ и Софьей и рѣшимость Петра устранить сестру отъ власти въ первый разъ

обнаружились на церковномъ торжествѣ 8-го іюля. Въ этотъ день совершается крестный ходъ изъ кремля въ Казанскій соборъ, и въ этомъ торжествѣ обыкновенно участвовали цари. На торжество пріѣхалъ и Петръ.

Увидя, что и Софья намѣревается идти въ крестномъ ходу, Петръ, подойдя къ ней, сказалъ:

— Сестра, ты, кажется, хочешь идти?

— Да, конечно,—отвѣчала Софья.

— Нѣтъ, не ходи; ты не должна. Это не женское дѣло. Уходи, тебѣ не мѣсто здѣсь,—слышишь!—добавилъ онъ гнѣвно.

Софья невольно попятилась.

Петръ стоялъ предъ ней во всемъ величїи красоты и богатырскаго роста. Его голова была гордо поднята; черные глаза гнѣвно смотрѣли на нее.

Злоба исказило лицо Софьи.

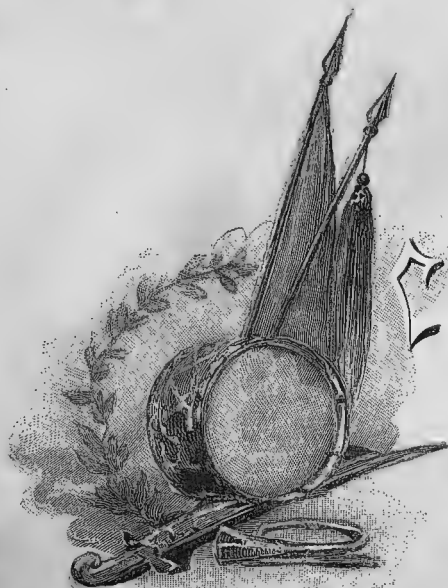
— Пусти прочь, я сама знаю, что мнѣ прилично,—гордо отвѣтила она и, взявъ икону, пошла за крестнымъ ходомъ.

Петръ тотчасъ же ускакалъ въ Преображенское.

Многіе видѣли эту сцену и кто-то въ толпѣ сказалъ:

— Орленокъ расправляетъ крылья.

Софья вздрогнула и, сильно поблѣднѣвъ, подумала: „да, орленокъ расправляетъ свой крылья! Или онъ, или я, а вмѣстѣ намъ тѣсно. И какъ это я упустила изъ виду,—продолжала думать она, идя за крестнымъ ходомъ,—Петръ все болѣе мужаетъ и наконецъ захочетъ отнять у меня власть, а меня въ монастырь. Ну, нѣтъ, подожди еще; лучше погибни ты, чѣмъ я“,—закончила она свои думы и рѣшилась дѣйствовать.

ГЛАВА XV.

ильно Софья призадумалась, вернувшись домой съ крестнаго хода.

— Нужно скорѣе короноваться; нечего терять время да дожидаться, когда запрутъ въ монастырь...

— Федорушка, а Федорушка! — крикнула она, приотворивъ дверь.

— Что тебѣ, Государыня?

— Позови ко мнѣ сейчасъ же Шакловитаго.

Черезъ нѣсколько минутъ съ низкимъ поклономъ въ комнату вошелъ Шакловитый.

— Что тебѣ угодно, Государыня?

— Видѣлъ, какъ сегодня Царь Петръ Алексѣевичъ дерзко обошелся со мною?

— Какъ же не видѣть, да навѣрно и не я одинъ это видѣлъ.

— Вотъ видишь, какъ онъ начинаетъ стѣснять меня, а Царица грозитъ своими людьми; сначала я не обратила было вниманія, а теперь, думаю, нужно принять мѣры.

— Лучше бы было, Государыня, для тебя извести Царевну, покойнѣе,—сказалъ Шакловитый.

— Да, и Василий Васильевичъ говоритъ, если бы уходили ее вмѣстѣ съ братьями въ стрѣлецкій бунтъ, ничего теперь не было бы.

— Вотъ что, Государыня, положиись на меня... только разрѣши, а людей найдемъ, подсыпятъ твоимъ врагамъ, чего нужно. Что жъ, вѣдь ты, говорятъ, нанимала убить князя Василя Васильевича, не сами ли указываютъ, какъ нужно дѣйствовать. Ну, какъ же разрѣшаешь?

Царевна вздрогнула и сильно поблѣднѣла. Наступило молчаніе.

— Что жъ молчишь, Государыня? Сама только что говорила, что время дорого и жаловалась на обиды.

— Ну, дѣлай, какъ хочешь!...—едва слышно сказала Софья, махнувъ рукой.

Шакловитый поклонился и ушелъ.

Созвавъ стрѣльцовъ, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью:

— Ребята! Много получили вы милостей, а отъ кого все это,—все благодаря Царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Какъ бы намъ написать челобитную, чтобы ей вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ? Только я попрошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, такъ какъ спрашиваю отъ себя, она ничего этого не знаетъ. Напишите челобитную, а я ее передамъ Царевнѣ, а затѣмъ подадимъ и Государямъ.

— Воля твоя, а мы не сумѣемъ написать челобитную,—отвѣчали стрѣльцы.

— О челобитной же не беспокойтесь, она напишется.

— А послушаетъ ли насъ Царь Петръ Алексѣевичъ?

— Если не послушаетъ, ступайте въ Верхъ, задержите боярина Льва Кирилловича и кравчаго Бориса Алексѣевича: тогда приметъ челобитье.

— А патриархъ? Согласится ли онъ вѣнчать Царевну на царство? А бояре?

— А что такое патриархъ? Ха-ха-ха! Не тотъ такъ другой будетъ; можно взять изъ властей, кто на нашей сторонѣ, а если изъ властей не захотятъ, то и простой старецъ можетъ это сдѣлать. А о боярахъ и вовсе не безпокойтесь: бояре—опавшее, зяблое дерево, развѣ постоитъ еще до поры до времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ... Вотъ вамъ по 5 р.; созовите товарищей, на которыхъ можно положиться, да и потолкуйте съ ними и донесите мнѣ, а я приготовлю челобитную.

Такъ и сдѣлали.

Шакловитый написалъ челобитную, а стрѣльцы въ эту же ночь тайно собрались на совѣтъ.

— Страшно,—сказали одни, выслушавъ товарищей,—дѣло-то царственное, великое, не челобитьемъ, а слезою нужно молить Бога, чтобы Господь сотворилъ по своей святой волѣ.

— Нѣтъ, мы отказываемся, помните, что было 5 іюля?—говорили другіе.

Къ 25 іюля въ Москву ждали Царя Петра Алексѣевича, по случаю именинъ Анны Михайловны. Все обошлось благополучно, и Петръ Алексѣевичъ, поздравивъ тетку, уѣхалъ въ Преображенское.

Вскорѣ эта выходка Петра сильно разгнѣвала Софью. Узнавъ о возвращеніи изъ второго Крымскаго по-

хода Василя Васильевича Голицына съ войскомъ, Софья хотѣла выдать награду ему и его товарищамъ и послала гонца увѣдомить государя Петра Алексѣевича, такъ какъ онъ началъ входить въ лѣта и теперь нельзя уже было ей распоряжаться такъ самостоятельно, какъ прежде.

И вотъ утромъ 27 іюля къ Преображенскому дворцу подѣхалъ гонецъ.

— Что это матушка, посмотри-ка—гонецъ,—сказала царица Евдокія—супруга Царя Петра Алексѣевича, глядя въ окно.

— Да, такъ и есть,—отвѣчала Царица Наталія,— это должно быть отъ Царевны Софьи Алексѣевны; что ей еще нужно. Господи, и здѣсь-то не оставляетъ въ покоѣ! Изморила она меня; и когда это конецъ-то будетъ.

— Государыня, — перебила ее вошедшая постельница, — отъ Царевны Софьи Алексѣевны прискакалъ посоль и желаетъ тебя видѣть.

— Приведи его сюда!...

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ посоль и, низко поклонившись, остановился.

— Отъ Царевны Софьи Алексѣевны?—спросила Государыня, отвѣчая легкимъ наклоненіемъ головы на его поклонъ.

— Да, Государыня, отъ нея. Софья Алексѣевна приказала узнать о вашемъ здоровьѣ.

— Слава Богу, мы всѣ здоровы. Ну, а еще что?

— Еще приказала узнать, гдѣ Царь Петръ Алексѣевичъ.

— А зачѣмъ это Царевнѣ?

— Не знаю, Государыня. Она приказала доложить Государю о нѣкоторыхъ дѣлахъ...

— Что именно? я передамъ ему.

— Прости, Государыня, не могу, велѣно лично передать Государю.

— Тогда ступай, тебѣ укажутъ, гдѣ Государь,—сказала съ улыбкой Царица Наталія.

Окольныйчій съ низкимъ поклономъ ушелъ.

— Эй, дружокъ, гдѣ Государь?—крикнулъ онъ царскому конюху.

— Ну, не легкую же ты задалъ мнѣ задачу,—отвѣчалъ конюхъ.—Мудрено отвѣтить тебѣ на это. Государь не любитъ сидѣть на одномъ мѣстѣ... думаю, теперь онъ учится съ потѣшными. Недавно слышалъ я барабанный бой.

— А гдѣ это ученье?

— Да вонъ тамъ за садомъ, въ полѣ,—отвѣчалъ конюхъ.

— Спасибо,—сказалъ посолъ и пошелъ по указанной дорогѣ.

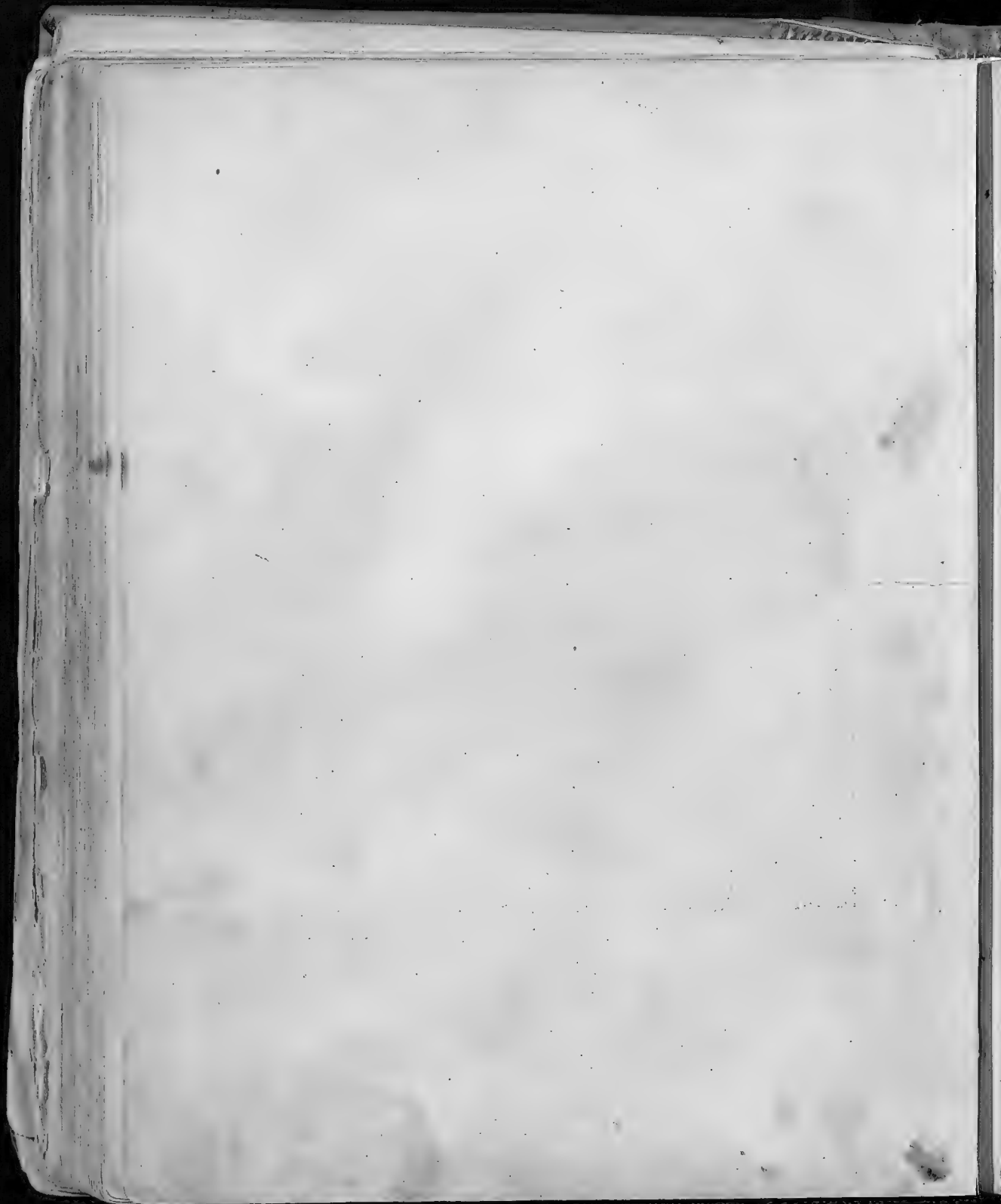
Выйдя въ поле, онъ увидѣлъ на большой полянѣ нѣсколько отдѣльных колоннъ Преображенцевъ и Семеновцевъ по-ротно. Офицеры стояли кучкой; посолъ, увидя среди нихъ Государя, подошелъ и, почтительно поклонившись, сказалъ:

— Государь Царь батюшка Петръ Алексѣевичъ.

— Здѣсь нѣтъ Царя,—съ живостью перебилъ его Петръ.—Царь во дворцѣ, а здѣсь прапорщикъ Преображенскаго полка... Прикажешь становиться въ ряды, господинъ полковникъ, куда мнѣ становиться?—продолжалъ онъ, обращаясь къ командиру.

— Была забава, а
теперь служба, — ска-
залъ Петръ.

— При первой ротѣ Преображенскаго полка,—отвѣчалъ майоръ. Раздалась команда, и офицеры тотчасъ заняли свои мѣста.

Ошеломленный посолъ не зналъ, что дѣлать: идти во дворецъ или здѣсь обождать. „Подожду лучше здѣсь,—рѣшилъ онъ, ставъ въ сторонкѣ,—навѣрно не долго пройдетъ ученье“.

Но вотъ и кончилось ученье. Вскорѣ всѣ офицеры разошлись, остались только командиръ и прапорщикъ.

— Ну, Иванъ Ивановичъ, спасибо. Вижу, безъ меня вы здѣсь не сидѣли, сложа руки. Спасибо.

— И молодой прапорщикъ отпустилъ командира, поцѣловавъ его въ лобъ.

— А, окольникъ! ты еще здѣсь,—сказалъ Петръ, замѣтя посла. — Ну, что, какъ тебѣ понравились мои потѣшныя?

— Прекрасная забава, Ваше Царское Величество!

— Была забава, а теперь служба,—сказалъ, нахмуря брови, Петръ. — Ну, а ты зачѣмъ пріѣхалъ? Говори теперь.

— Государыня Царевна просила узнать о твоёмъ здоровьѣ.

Губы Государя искривились едва замѣтной улыбкой.

— Зачѣмъ велѣла узнать, долго ли ты тутъ пробудешь?

— Передай Государынѣ сестрицѣ, что я и самъ не знаю, можетъ и долго, а можетъ и скоро уѣду. А зачѣмъ ей это нужно?

— Да Государыня приказала... приказала мнѣ... доложить тебѣ... узнать... спросить... доложить...

— Да говори же яснѣе, что ты говоришь, я ничего

не понимаю: приказала доложить... узнать... о чемъ доложить? что узнать?...—наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, сказалъ съ гнѣвомъ Государь.

— Уз... узнать о твоёмъ желаніи... Войско Вашего Царскаго Величества, послѣ неслыханныхъ побѣдъ надъ агарянами, возвращается, и вотъ Государыня приготовляетъ начальникамъ награду... золотыя медали. Такъ вотъ, что ты скажешь на это Государынѣ?—собравшись съ духомъ, почти не переводя дыханіе, проговорилъ посоль—и смотрѣлъ такими испуганными глазами на Государя, что тотъ не выдержалъ и улыбнулся.

— Ну, вотъ, давно бы такъ, а то говорить Богъ знаетъ что...—сказалъ Петръ.

— Что я скажу?... Я съ тобою вполне согласенъ, господинъ посоль, что побѣды неслыханныя; ты удачно выразился и очень даже. Видишь, что значитъ разомъ-то сказать, не подбирая слова, какъ ты было ранѣе-то началъ... Дѣйствительно никто изъ насъ, русскихъ, не слыхалъ о побѣдахъ; а вотъ что Василій Васильевичъ, пройдя съ большими потерями степи, теперь возвращается ни съ чѣмъ, кромѣ срама, это, какъ же, слышали, слышали... Такъ за такія побѣды развѣ награждаютъ? Что она, сестрица моя, съ ума сошла, что ли? Вѣдь за нихъ наказываютъ, да какъ еще... Вотъ мой отвѣтъ Государынѣ, такъ и передай... Прощай. Болѣе съ тобою говорить мнѣ некогда.

Еще болѣе ошеломленный посоль нѣкоторое время постоялъ молча, глядя вслѣдъ удалявшемуся Государю, и затѣмъ пошелъ къ князю Борису Алексѣвичу Голицыну, рѣшивъ упросить его какъ-нибудь уладить дѣло.

ГЛАВА XVI.

Когда гонец передалъ Софѣ отвѣтъ Петра, она пришла въ сильнѣйшій гнѣвъ и, снова призвавъ стрѣльцовъ, сказала:

— Была бѣда, сохранилъ Господь, такъ нѣтъ, не живется спокойно, снова затѣваетъ бѣду Наталія Кирилловна. Долго ли еще намъ терпѣть? Намъ просто житья нѣтъ отъ князя Бориса Алексѣевича Голицына да Льва Кирилловича Нарышкина. Царя Петра Алексѣевича съ ума споили, брата Ивана Алексѣевича ставятъ ни во что; комнату дровами закидали; меня ругаютъ, какъ будто я не царская дочь; Василию Васильевичу голову хотятъ отрубить. Развѣ онъ мало добра сдѣлалъ, да и я тоже. Можно ли на васъ положиться? Годны ли мы вамъ? Если годны, стойте за насъ, а не годны, мы оставимъ государство.

— Воля ваша. Мы повелѣніе твое готовы исполнять; что велишь дѣлать, то и будемъ.

— Ждите повѣстки.

На другой день Шакловитый, призвавъ главныхъ своихъ соучастниковъ, сказалъ:

— Царевнѣ смерть грозить! Нужно перебить сообщниковъ Царя Петра Алексѣевича.

— Какое намъ до этого дѣло,—сказали нѣкоторые изъ стрѣльцовъ.—Пусть думный дьякъ объявить намъ царскій указъ: тогда и возьмемъ ихъ, а безъ указа съ мѣста не двинемся, сколько ни бейте въ набатъ. Нѣтъ, ужъ будетъ, два раза не мало было пролито крови.

— Вѣдь вѣрно, Царевну хотять убить,—говорили имъ,—а безъ нея худо будетъ стрѣльцамъ.

— Нужно попросить Государей разобрать все это,—отвѣчали стрѣльцы.

+ Этого нельзя... Злодѣи Царевны извѣстны, отчего бы ихъ и такъ не взять, если прикажетъ Царевна,—настаивалъ Шакловитый.

Но всѣ его старанія были напрасны: плохо на стрѣльцовъ дѣйствовали подкупы обѣщанія, клеветы, — только немногіе согласились помочь ему.

Уже 11 часовъ вечера, а въ Кремлѣ движеніе. Множество стрѣльцовъ собралось.

— Не знаешь ли, зачѣмъ насъ сюда пригнали?—спросилъ одинъ стрѣлецъ у своего товарища.

— А кто ихъ знаетъ, и не разберешь: кто говоритъ: Царевна въ монастырь собирается и одна боится идти; кто—что изъ Преображенскаго придутъ потѣшные убить Царевну; кто—чтобы попугать Преображенскихъ. Разбери тутъ, не знаешь, кому вѣрить... Вонъ кто-то бѣжитъ... Э, да это Гладкій Никита... Эй, Гладкій, поди-ка сюда.

— Что вамъ?—сказалъ запыхавшійся стрѣлецъ.

— Скажи, зачѣмъ насъ сюда собрали?

— Ахъ, некогда. Сейчасъ все готовилъ для набата

на Ивановской, а теперь бѣгу подвязать къ языку веревку на Спасской...

— Или правду ждутъ потѣшныхъ?

Какихъ потѣшныхъ? Мы сами туда пойдемъ, конечно, не всѣ: одни пойдутъ туда, а другіе здѣсь останутся покончить съ Нарышкиными, Лопухиными и пр. Ну, да отвязитесь, некогда...

И стрѣлецъ убѣжалъ.

Во время этого разговора невдалекѣ стоялъ какой-то стрѣлецъ и внимательно прислушивался. На него никто не обратилъ вниманія, да если бы и обратили, не заподозрили бы, такъ какъ это былъ стрѣлецъ Дмитрій Мельновъ одинъ изъ преданныхъ людей Царевны. Между тѣмъ, едва успѣлъ уйти Гладкій, какъ незамѣтно исчезъ и Мельновъ и быстро пошелъ на Лубянку къ Стремянному полку.

— У нихъ все готово, — сказалъ онъ, быстро входя въ домъ Ладогина. — Хотятъ идти въ Преображенское убить Государя и всѣхъ.

— Скорѣе, — сказалъ Ладогинъ, — идемъ, лошади готовы.

И, поспѣшно вскочивъ на коней, они помчались, не жалѣя ни себя, ни коней; но еще прежде этихъ двухъ всадниковъ къ Преображенскому давно ушли лазутчики Шакловитаго и спрятались въ кустахъ невдалекѣ отъ дворца.

Наступила темная августовская ночь. На чистомъ небѣ горѣли только тысячи звѣздъ, но отъ этого не было свѣтлѣе. Въ Преображенскомъ давно уже всѣ покоились мирнымъ сномъ. Изрѣдка только незначительные патрули обходили дворецъ.

Но въ темнотѣ не замѣтили патрули, что у перелѣска въ кустахъ, откуда, какъ на ладони, былъ виденъ дворецъ, засѣли какіе-то неизвѣстные люди и, между тѣмъ какъ все кругомъ спитъ, они не спятъ и внимательно вглядываются въ темноту.

— До разсвѣта-то вѣдь еще долго,—сказалъ одинъ изъ лазутчиковъ,—а какая холодная, сырая ночь—и согрѣться-то нечѣмъ.

— Да, а посмотри, какъ туманъ-то стелется, брр!... холодно!...

— Тише! слышишь конскій топотъ?

Всѣ трое прислушались, и дѣйствительно среди царствовавшей тишины по дорогѣ изъ Москвы раздался конскій топотъ, который становился все слышнѣе и слышнѣе и вскорѣ мимо кустовъ промчались два всадника, подскакали къ воротамъ дворца и начали стучаться.

Отвѣтомъ на ихъ стукъ раздался громкій лай собакъ, затѣмъ послышался скрипъ двери и шаги.

— Кто стучитъ, что нужно?

— Отвори и веди насъ скорѣе къ Царю.

— Какъ бы не такъ, больно притки! Царь спитъ и для всѣхъ его будить нельзя.

— Да замолчите вы, проклятые псы!—крикнулъ сторожъ на собакъ, лай которыхъ мѣшалъ говорить.

— Да вѣдь мы по дѣлу и очень важному... отвори скорѣе, ради Бога, отвори,—съ отчаяніемъ кричали прѣхавшіе.

— Да кто вы? откуда?

— Стрѣльцы изъ Москвы.

— Стрѣльцы? Ну такъ и подавно ни за что не

отопру. Мало васъ тутъ шатается озорниковъ... Дня не пройдетъ, чтобы не озорничали...

— Да отвори же, время дорого—мы пришли спасти Царя.

— Не отопру, не вѣрю.

— Не отопрешь, такъ, смотри, отвѣтишь, старый дуракъ.

— Царя не буду будить, а, пожалуй, разбужу князя Бориса Алексѣевича.

— Ну, хоть его-то, только, ради Бога, скорѣе.

— Да сколько васъ?

— Двое.

— Двое?... А кто васъ знаетъ, можетъ и врете.

— Отпирай, говорятъ, а то мы будемъ стучать въ царскія окна; необходимо разбудить Царя, иначе онъ погибнетъ; понимаешь, старый дуракъ, погибнетъ...

— Ну, хорошо, сейчасъ!

И старикъ, еще разъ крикнувъ на собакъ, пошелъ съ докладомъ къ Голицыну.

Вскорѣ весь дворецъ проснулся; поднялся шумъ и суматоха, въ окнахъ появились огни.

Крѣпко спалъ молодой Царь Петръ, утомленный дневными работами.

— Государь, Государь! проснись,—говорила молодая Царица, будя Петра.—Я слышу шумъ и крики, проснись, Государь... Къ намъ стучать. Господи, что мнѣ дѣлать?...

Стукъ повторился, и за дверью слышались крики.

— Господи! Государь, да проснись же скорѣе!

— Что такое?—спросилъ проснувшійся Петръ.

— Кто-то стучить и уже давно, — отвѣчала Государыня. — Я будила, будила тебя.

Петръ всталъ и отперъ дверь.

Въ комнату вошла Царица-мать, Голицынъ и еще нѣсколько близкихъ людей со свѣчами.

Увидя блѣдныя, испуганныя лица, Государь спросилъ:

— Что такое случилось?

— Изъ Москвы прискакали два стрѣльца и говорить, что тебя и Государыню хотятъ убить, спасайся скорѣе, Государь.

Петръ вздрогнулъ.

— Бѣжать! бѣжать! скорѣе лошадей! Нѣтъ, не дамся!... Матушка... жена... одѣвайтесь всѣ... скорѣе... войско... пушки... къ Троицъ... а я впередъ! Я долженъ спастись... иначе все погибло! за мною всѣ!

И бросившись въ конюшню, вскочилъ на лошадь и полуодѣтый бросился въ лѣсъ.

Начало свѣтлѣть. Сквозь мглу уже можно было отличить предметы.

— Это кто? что за чудеса... Смотрите, какъ удираетъ, — воскликнулъ съ удивленіемъ одинъ изъ лазутчиковъ.

— Глядите, глядите, ей-Богу, совсѣмъ раздѣтъ, въ одной рубашкѣ, что такое? Съ нами крестная сила...

Всадникъ быстро приближался къ кустамъ, гдѣ сидѣли лазутчики.

— Ба, да это Царь! онъ и есть!... Что это онъ, чего испугался?...

Всадникъ оказался въ двухъ шагахъ отъ лазутчиковъ и теперь они ясно разглядѣли, что это — Царь...

— Ну, такъ что же, чего лучше, самъ дается въ руки... взводи курокъ, пали!... — и одинъ изъ нихъ хотѣлъ выстрѣлить.

— Стой! на царя-то! ни съ мѣста! — сказалъ другой, схвативъ его за руку.

— Да кто тебѣ приказалъ стрѣлять-то въ него? Намъ послали слѣдить, куда онъ поѣдетъ, а вовсе не убивать...

Лазутчики притаились.

Вслѣдъ за Царемъ черезъ нѣсколько минутъ проскакало нѣсколько всадниковъ съ одеждой для Государя. Черезъ четверть часа все Преображенское было въ движеніи. Мимо кустовъ проѣхала колымага съ царицами, всякіе экипажи, верховыя лошади, пушки, потѣшныя, и вскорѣ опустѣло все Преображенское.

— Вотъ теперь иди—жги его! — сказалъ одинъ изъ лазутчиковъ, и бѣгомъ пустились въ Москву съ извѣстіемъ къ Шакловитому.

Только что миновала ночь, темная, холодная, августовская ночь; разсвѣло; солнце, въ видѣ багроваго шара, среди густого утренняго тумана, величественно выплыло изъ-за сосѣднихъ холмовъ и освѣтило куполы храмовъ и верхи башенъ Троице-Сергіевской обители. Въ обители было еще тихо, только кое-гдѣ мелькали человѣческія фигуры.

Вдругъ къ воротамъ обители подъѣхали три всадника на измученныхъ, взмыленныхъ лошадяхъ. Одинъ изъ нихъ быстро соскочилъ съ коня и началъ сильно стучать въ ворота.

— Кто тутъ? — спросилъ сторожъ, подойдя къ воротамъ?

— Скажи скорѣе о: архимандриту, что въ обитель изволили пріѣхать Царь Петръ Алексѣевичъ—отворяй скорѣе!

Испуганный сторожъ, не вѣря ушамъ, снова повторилъ свой вопросъ и, получивъ тотъ же отвѣтъ, бросился къ архимандриту съ докладомъ...

Черезъ нѣсколько минутъ навстрѣчу юному Царю вышелъ архимандритъ Викентій съ братіей.

Петръ до того обезсилѣлъ отъ непривычной, быстрой ночной ѣзды и такъ былъ перепуганъ и взволнованъ, что едва держался въ сѣдлѣ. Блѣднаго и изможденнаго монахи сняли его съ лошади и, поддерживая подъ руки, отвели въ келью архимандрита... Здѣсь, едва переступивъ порогъ, Петръ бросился на постель и горько зарыдалъ. Сквозь рыданья онъ сказалъ архимандриту:

— „Спаси, отецъ святой, своего Царя!... и все разскажалъ архимандриту.

— Успокойся, Государь, ляжь, усни!—отвѣтилъ архимандритъ и тотчасъ велѣлъ затворить ворота Лавры и поставить стражу.

Въ этотъ же день пріѣхали Царица, бояре и потѣшные.

Сначала Петръ, хотя и ускакалъ въ Лавру, но не былъ увѣренъ въ справедливости доноса, но когда ему донесли, что Шакловитый дѣйствительно былъ въ Преображенскомъ съ пьяной толпой стрѣльцовъ, вскорѣ послѣ его отъѣзда въ Лавру, Петръ рѣшилъ дѣйствовать немедленно.

ГЛАВА XVII.

ыстро облетѣла Москву вѣсть объ отѣздѣ Царя изъ Преображенскаго въ Лавру. Рано утромъ во дворцѣ собрались бояре.

Софья притворилась удивленной и говорила:

— Ничего не понимаю, что это съ нимъ сдѣлалось, чего испугался... Ты бы, князь,—продолжала она, обращаясь къ Троерукову,—сѣздить въ Лавру и узнать о причинѣ его отѣзда.

Троеруковъ поѣхалъ въ Лавру.

Москва ужасалась; бояре, хотя еще и были въ Кремлевскихъ чертогахъ, но не скрывали своего негодованія и отвращенія. Между тѣмъ войска и даже нѣкоторые стрѣльцы, не дожидаясь царскаго приказа, спѣшили въ Лавру.

Меркла звѣзда Софьи и восходила свѣтлая звѣзда Петра. Ему только стоило сказать слово, какъ его окружило бы все государство, стоило только указать виновницу злодѣйства, какъ тотчасъ обрушились бы на нее проклятiя народа.

Софья хорошо понимала, какъ опасно ея положеніе и съ отчаяніемъ восклицала:

— Что мнѣ дѣлать?

— Бѣжать, Государыня, и какъ можно скорѣе, болѣе ничего не остается,—отвѣчалъ Василій Васильевичъ Голицынъ.

Царевны упали къ ногамъ Петра; и патріархъ началъ умолять его помириться съ сестрой.

Петръ, съ гнѣвомъ посмотрѣвъ на патріарха, сказалъ:

— И ты, отецъ святой, будешь лишенъ своего сана, если еще скажешь хотя слово въ защиту виновной Софьи, которая не хочетъ исполнить мой указъ.

— Патріархъ замолчалъ и остался въ Лаврѣ.

Черезъ нѣсколько дней пришелъ еще строже указъ.

Наконецъ Софья рѣшила испробовать послѣднее средство—поѣхать самой, надѣясь, преклонивъ свою гордую голову предъ братомъ, поразить его смиреніемъ и этимъ спасти себя. И вотъ 29 августа, взявъ икону Спасителя, поѣхала въ Лавру.

Но къ своей злобѣ въ селѣ Воздвиженскомъ она была остановлена спальникомъ Петра, который, почтительно поклонившись, сказалъ:

— Государыня, Государь приказалъ тебѣ воротиться!

— Убирайся прочь, холопъ, не твое дѣло!—крикнула на него Царевна и поѣхала далѣе.

Но едва она успѣла отъѣхать отъ Воздвиженскаго, какъ къ ней подскакалъ князь Троекуровъ и сказалъ:

— Воротись лучше, Государыня, а если не воротишься, съ тобой будетъ поступлено не честно.

Едва Софья успѣла возвратиться въ Москву, какъ

изъ Лавры прискакалъ полковникъ Нечаевъ съ нѣсколькими стрѣльцами съ указомъ о выдачѣ Шакловитаго и приказаніемъ явиться въ Лавру остальнымъ боярамъ и нѣмецкимъ офицерамъ.

Царевна отказалась выдать Шакловитаго; но чрезъ нѣсколько времени снова пришелъ указъ отъ Государя.

И тутъ, когда Петръ такъ настойчиво требовалъ выдачи Шакловитаго, Софья вспомнила 17 мая 82 года. Вспомнила она, какъ уговаривала заливавшуюся слезами Царицу Наталію выдать стрѣльцамъ ея брата—Ивана Нарышкина; вспомнила всю сцену ихъ прощанья, крики и отчаяніе несчастной Царицы, отдававшей родного брата на вѣрную гибель... Теперъ и съ ней то же случилось. Какъ она уговаривала тогда Царицу, такъ теперь уговаривали ее бояре и даже сестры. Но Царевна не рѣшалась выдать Шакловитаго, хотя онъ былъ и не братъ ей.

— Вѣдь выдать его, — думала съ отчаяніемъ Царевна, — значитъ себѣ подписать смертный приговоръ.

А между тѣмъ ничего нельзя было сдѣлать.

И вотъ, упавшая духомъ и совершенно обезсиленная, Софья пошла къ брату Ивану. Иванъ Алексѣевичъ лежалъ больной.

Войдя къ нему въ комнату, Софья начала умолять его заступиться за Шакловитаго, увѣряя въ его невинности.

— Пойми, братъ, — сказала она, заливаясь слезами, — пойми, вѣдь Шакловитый—единственный нашъ защит-

никъ; его выдадимъ,—себя выдадимъ. Если ты меня не жалѣешь, пожалѣй себя и жену—вѣдь это до нашихъ съ тобою головъ добираются.

Иванъ Алексѣвичъ открылъ глаза и пристально посмотрѣлъ на сестру.

— Ты бы лучше, сестрица, выдала брату Шаклови-таго, — сказалъ онъ,—послѣ минутнаго молчанія.—Если братъ требуетъ, значить нужно, а если и не нужно, то ты все равно ничего не сдѣлаешь, такъ какъ сила на сторонѣ брата. Вѣдь я знаю, всѣ къ нему побѣжали и письма ему писать не буду—не хочу ссориться съ братомъ, лучше не уговаривай.

— А, такъ вотъ какъ!—въ безсильной злобѣ воскликнула Софья глухимъ голосомъ.—Ты меня выдаешь!... Такъ вотъ твоя благодарность мнѣ за все, что я для тебя сдѣлала... Вѣдь, если бы не я, развѣ бы ты былъ царемъ.

— Эхъ, сестра, сестра!—съ улыбкой замѣтилъ Иванъ Алексѣвичъ.—Попрекай, если хочешь... Только напрасно: я тебя вовсе не просилъ дѣлать меня царемъ, зачѣмъ мнѣ это?... Господи, когда же это меня наконецъ забудутъ всѣ и оставятъ въ покоѣ! Мнѣ только и нужно спокойно полежать, ужъ больно тяжело мнѣ, вѣроятно и жить то недолго осталось—какой я царь. Мнѣ стыдно, что меня и царемъ-то величаютъ, вѣдь я понимаю то же... — И онъ, закрывъ глаза, замолчалъ.

Софья постояла немного, затѣмъ, махнувъ рукой, ушла отъ него.

— Государыня!

— Что такое?

— Воля твоя, а долѣе медлить нельзя: стрѣльцы требуютъ немедленной выдачи.

— Да берите его, берите! — проговорила хриплымъ голосомъ Царевна. — Тащите на висѣлицу, да ужъ и меня заодно съ нимъ... Ну, что жъ глядите!... Тащите меня, говорятъ, теперь... сейчасъ—вѣдь все равно выдадите... зачѣмъ я вамъ теперь, Царь выросъ... ха... ха... ха!

И Царевна ушла въ свой теремъ и заперлась тамъ.

Шакловитаго повезли къ Троицѣ.

— А!... Таки выдали! — сказалъ онъ съ горечью. — Ну, теперь все кончимъ съ Божіей помощью... Допросите хорошенько Федьку, пытайте его, разбойника, нечего жалѣть-то!

И его дѣйствительно не пожалѣли.

Когда Шакловитаго привезли въ Лавру и привели на судъ, онъ сказалъ:

— Покормите сначала—я три дня не ѣлъ.

Его покормили и, давъ немного вздохнуть, начали судить и пытать. Шакловитый во всемъ признался и обѣщалъ все написать.

Между тѣмъ Петръ пожелалъ увидѣть Шакловитаго.

Выйдя изъ дворца, Царь увидѣлъ страшное зрѣлище: Шакловитый стоялъ посреди площади, растерзанный, съ всклокоченными волосами, съ искаженнымъ отъ страха и боли лицомъ, весь въ крови... Кругомъ стояли палачи и валялись страшныя орудія пытки; но это не смутило юнаго Царя.

Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, шедшій за нимъ, взглянувъ на Государя, невольно вздрогнулъ: никогда еще онъ не видѣлъ такого выраженія на его

лицѣ. Это прекрасное, совсѣмъ еще юное лицо, теперь дышало злобой и мщеніемъ. Какимъ-то мрачнымъ, стальнымъ блескомъ свѣтились глаза его; въ нихъ ярко отражалась беспощадность, какъ у хищнаго орла, завидѣвшаго добычу; тонкія ноздри нервно вздрагивали и раздувались; грудь глубоко вздымалась; видно было, что большого труда стоило ему сдерживать себя, чтобы не броситься на стоявшую предъ нимъ жертву и не растерзать ее на части. Тяжело было Голицыну видѣть въ такомъ состояніи своего возлюбленнаго воспитанника.

— Государь,—сказалъ онъ, подойдя къ Петру и взявъ его за руку.—Государь, тутъ не мѣсто тебѣ и не для тебя эти ужасныя зрѣлища. Виновный, конечно, долженъ быть наказанъ, но ты, прежде всего, долженъ быть христианиномъ...

— Да, князь, ты правъ!—отвѣчалъ Петръ твердымъ голосомъ,—ты правъ, убѣждая меня не быть жестокимъ, но вспомни—развѣ я былъ когда жестокъ? Теперь же что-то страшное... незнакомое мнѣ творится со мною и... и я чувствую... чувствую, что... что не сдержу себя. И... никто... даже... даже ты не удержишь меня... Да, мнѣ пріятно... отрадно... о, если бы ты зналъ, какъ отрадно мнѣ видѣть кровь враговъ моихъ... и я... не пожалѣю этой крови.

Голицынъ съ ужасомъ слушалъ. Онъ не узнавалъ своего воспитанника.

— Или ты забылъ,—продолжалъ Петръ все съ большимъ волненіемъ,—или ты забылъ, что такое стрѣльцы и что они для меня? Давно ли они хотѣли извести меня?... убить... задушить... отравить... да и развѣ не отравили?

Вѣдь я, какъ запомню себя, уже отравленъ ими. Всю жизнь мнѣ снились страшные сны... Я помню, прекрасно все помню,—хотя и маленькимъ ребенкомъ былъ тогда,—какъ они бѣгали, какъ звѣри, по дворцу съ окровавленными копьями, какъ на части разрубили нашихъ защитниковъ. Помню, какъ они убили моихъ дядей... Умирать буду, не забуду покойнаго дядю Ивана Кирилловича... А матушка... Боже мой! Какъ вспомню, что съ ней, бѣдной, было тогда, такъ удивляюсь, какъ она жива-то еще осталась! Вѣдь на нее страшно и горько смотрѣть, какая она стала, благодаря имъ,—совсѣмъ старуха, а развѣ еще ей много лѣтъ?... Уснетъ иногда днемъ, какъ вдругъ вскрикнетъ: все ей кровь да стрѣльцы проклятые снятся.... Милосердіе, врагамъ прощеніе!.. охъ, знаю, князь, знаю! да нѣтъ, силъ нѣтъ, понимаешь силъ нѣтъ... сердце болитъ, такъ и кажется—вотъ вотъ на части разорвется... мести жажду, мести... Да и развѣ можно быть къ нимъ милостивымъ? Если бы я свои обиды забылъ, такъ за другое они должны поплатиться. Сколько лѣтъ заводили они смуту, сколько лѣтъ хозяйничали: вѣдь, я думаю, весь міръ надъ нами смѣется! Какіе мы цари... они... стрѣльцы царствуютъ... а развѣ отъ такого царства можно ожидать добра? Или не знаешь, что до тѣхъ поръ не прекратятся смуты и безначаліе, пока не пойметъ народъ, что государствомъ править сильная рука, что есть надъ всѣмъ правый судъ. А теперь, при такомъ управленіи, можетъ ли все это быть! Конецъ бабьему царству!... конецъ позору!... Пора сестрѣ—нашей злодѣйкѣ—пора въ монастырь: пусть тамъ грѣхи замаливаетъ! Пора бунтовщикамъ на плаху!... Не

останавливай меня, князь, слышишь, никого... никого не послушаю! Я знаю, что дѣлаю... Я докажу, что въ Россіи есть царь и что онъ не баба! Много работы, страшно много работы, такъ нужно прежде расчистить дорогу, чтобы не споткнуться...

И Петръ съ грознымъ лицомъ ушелъ отъ князя Бориса.

Голицынъ долго стоялъ съ опущенной головой. Теперь онъ понялъ, что въ Россіи дѣйствительно есть Царь.

Когда Шакловитаго снова подвергли пыткамъ, онъ потребовалъ бумаги и написалъ подробное показаніе, въ которомъ не пощадилъ и Софью.

Петръ, прочитавъ, тотчасъ велѣлъ прекратить пытки и казнить Шакловитаго.

Однажды Софья сидѣла въ своемъ теремѣ и съ грустью смотрѣла сквозь узкое окно въ садъ, какъ вдругъ дверь отворилась.

— Государыня, князь Троекуровъ желаетъ тебя видѣть,—сказала Ѳедора.

— Пусть войдетъ!—отвѣчала Софья, не поворачивая головы.

— Государыня, Царевна,—сказалъ князь, входя и кланяясь.—Государь приказалъ тебѣ немедленно уѣхать на вѣчное житіе въ монастырь.

— Хорошо,—едва слышно отвѣчала царевна, сильно поблѣднѣвъ,—и князь ушелъ.

— Все... все пропало. Прощай, власть... прощай, дорогая свободушка... прощай, воля золотая!

Отъ сильнаго горя у нея не выпало ни одной слезы, только судорожно передергивало губу.

Какъ только Троекуровъ вышелъ, Царевна пошла въ теремъ къ сестрамъ.

— Ну, вотъ, сестрицы, пришелъ конецъ и моей свободѣ... завтра ѣду въ монастырь... пришла проститься.

— Что ты, сестрица!—разомъ воскликнули сестры,— ты ѣдешь въ монастырь? завтра? Ты шутишь, сестрица, давно ли говорила, что не уступишь свои права,—и вдругъ завтра уѣзжаешь въ монастырь, не выказавъ сопротивленія...

— Ха... ха... ха!—злбно захохотала Царевна Софья.— Уѣзжаю, не выказавъ сопротивленія... Да поймите же, глупыя, что больше мнѣ ничего не остается дѣлать, когда мой главный помощникъ и защитникъ—Шакловитый—взять и всѣ бѣгутъ къ Троицѣ; что же могу сдѣлать одна я?

Царевны заплакали, а Софья въ безсильной злобѣ, сжавъ кулаки, молча, смотрѣла на нихъ. Ея тонкія губы нервно вздрагивали, прекрасные глаза метали искры и грудь высоко подымалась.

— Не плачьте,—сказала она наконецъ глухимъ голосомъ,—не плачьте, можетъ быть...—она осмотрѣлась и, понизивъ голосъ, продолжала,—можетъ быть, изъ монастыря что можно будетъ сдѣлать,—и быстро выбѣжала изъ терема сестеръ.

Всю ночь, какъ пойманный звѣрь, прометалась несчастная Царевна Софья въ своемъ теремѣ.

На другой день съ утра моросилъ дождь, казалось, и природа грустила вмѣстѣ съ Царевной.

Около четырехъ часовъ вечера къ Новодѣвичьему монастырю подѣхала тяжелая царская карета. Изъ кареты, поддерживаемая двумя сестрами, вышла Царевна Софья. Въ худой, блѣдной, закутанной въ черную одежду женщинѣ трудно было узнать красавицу-правительницу. Свѣтлые глаза ея окончательно потухли; станъ сгорбился; въ лицѣ и во всей фигурѣ уже не было того горделиваго величія, которымъ она всегда поражала.

Подъ страшнымъ, неотвратимымъ ударомъ приникла и смирилась Царевна. Теперь она поняла, что никто и ничто не можетъ помочь ей.

Монахини, заранѣе предупрежденные и вышедшія встрѣтить Царевну, провели ее въ назначенную для нея келлію и съ низкими поклонами удалились. Софья оглядѣлась: темно, тѣсно, мрачно было кругомъ...

Снявъ шубку, она сѣла на обитую сукномъ скамейку и задумалась. Сестры стояли подлѣ нея съ заплаканными глазами и сильно взволнованныя.

— Уѣзжайте,—сказала вдругъ Софья.—Что дѣлать... Авось, Богъ дастъ, смилуются, позволятъ намъ видаться, а теперь уѣзжайте, не то и васъ, пожалуй, запутають. Я устала, лягу и постараюсь уснуть.

Царевны со слезами бросились обнимать Софью.

— Ну, ступайте, ступайте, прощайте,—говорила Царевна, которой и безъ того было тяжело.

Оставшись одна, Софья, не раздѣваясь, легла, но ни уснуть, ни отдохнуть не могла. Царевна постоянно вздрагивала и осматривалась; страшно ей было въ темной келліи, ей все мерещились казни, кровь, пытки. Она знала, что всѣ ея друзья или были сосланы, или казнены.

— Жизнь кончена! —
шептала блѣдными
губами Софья, ломая
руки и заливаясь сле-
зами.

— Жизнь кончена! — шептала блѣдными губами
рыя.— Всѣхъ отняли—одна!... одна въ цѣломъ мірѣ...
зачѣмъ не убили?—ломая руки и заливаясь слезами,
одолжала она.—Да, онъ зналъ, что дѣлаетъ. Несмо-
ря на молодость, понялъ, какое тяжелое для меня на-
казаніе, какая месть чувствительнѣе. Понялъ, извергъ,
что смерть теперь для меня была бы наградой,—и онъ
оставилъ мнѣ жизнь. Но что за жизнь здѣсь будетъ
моя?.. Ну, да авось не долго проживу—не вынесу...
Что же дѣлать? куда дѣваться отъ тоски? Молиться?...
молиться—одно осталось.

И Царевна упала на постель, зарыдавъ.

.....

Былъ прекрасный солнечный день. Въ Москвѣ съ
ранняго утра было замѣтно движеніе и всюду только и
было слышно: „Сегодня въѣздъ Государя назначенъ“.

Отъ самой Троицы до Москвы разставили войско.

Въ село Алексѣевское жители Москвы вышли встрѣ-
чать Государя. Долго они стояли, вдругъ гдѣ-то вдали
послышался гулъ, затѣмъ все слышнѣе и слышнѣе и нако-
нцѣ народъ явственно разслышалъ громкіе крики. Вотъ
и Государь, окруженный боярами, ѣдетъ на бѣломъ конѣ.

Въ Москвѣ была такая тишина, какъ будто вымеръ
весь городъ.

Вдругъ среди царствовавшей тишины, грянулъ пу-
ечный выстрѣлъ, затѣмъ загудѣлъ соборный колоколь
вся Москва огласилась звономъ колоколовъ и непре-
вной пальбой пушекъ.

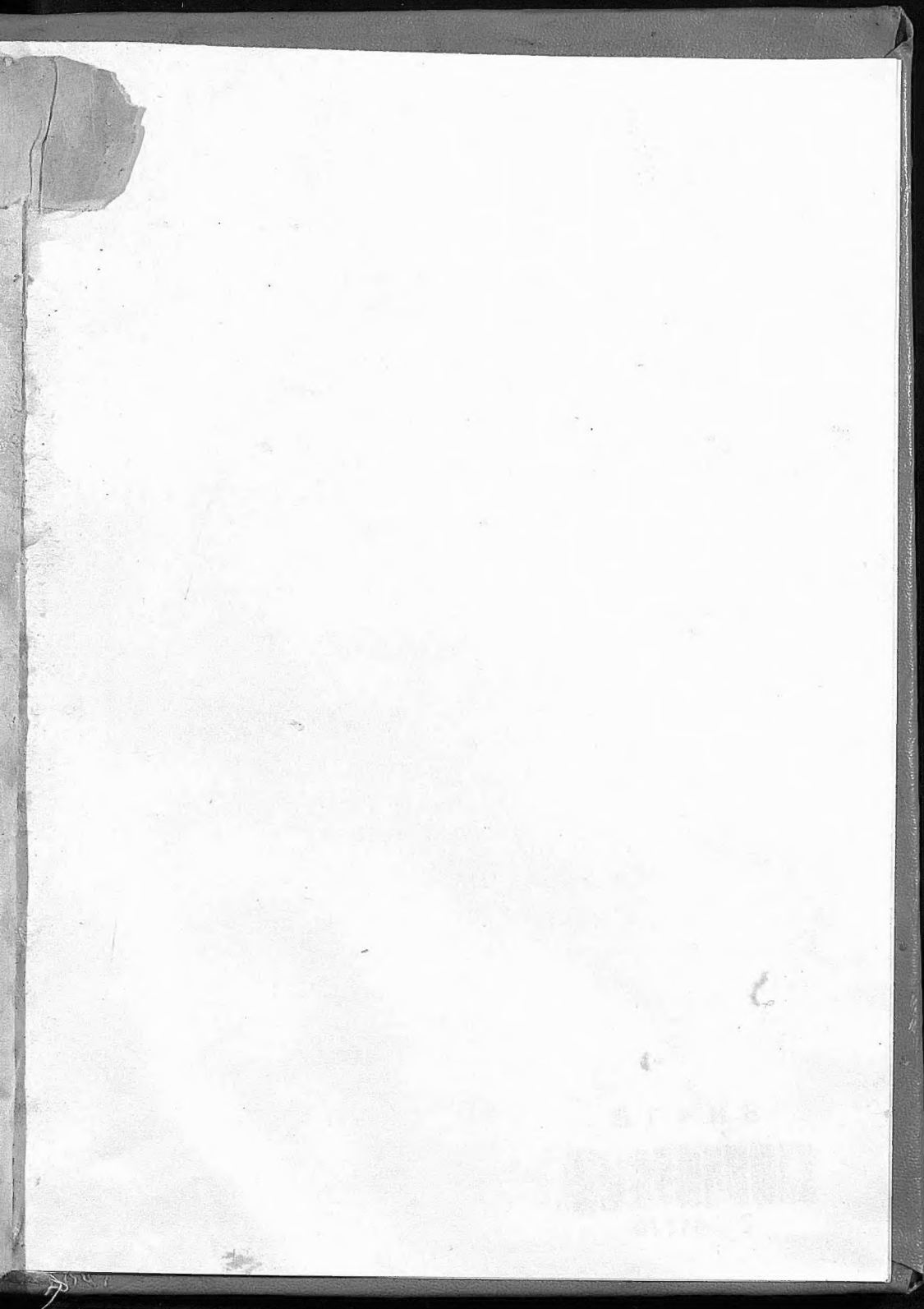
— Государь въѣхалъ въ Москву, скоро будетъ въ

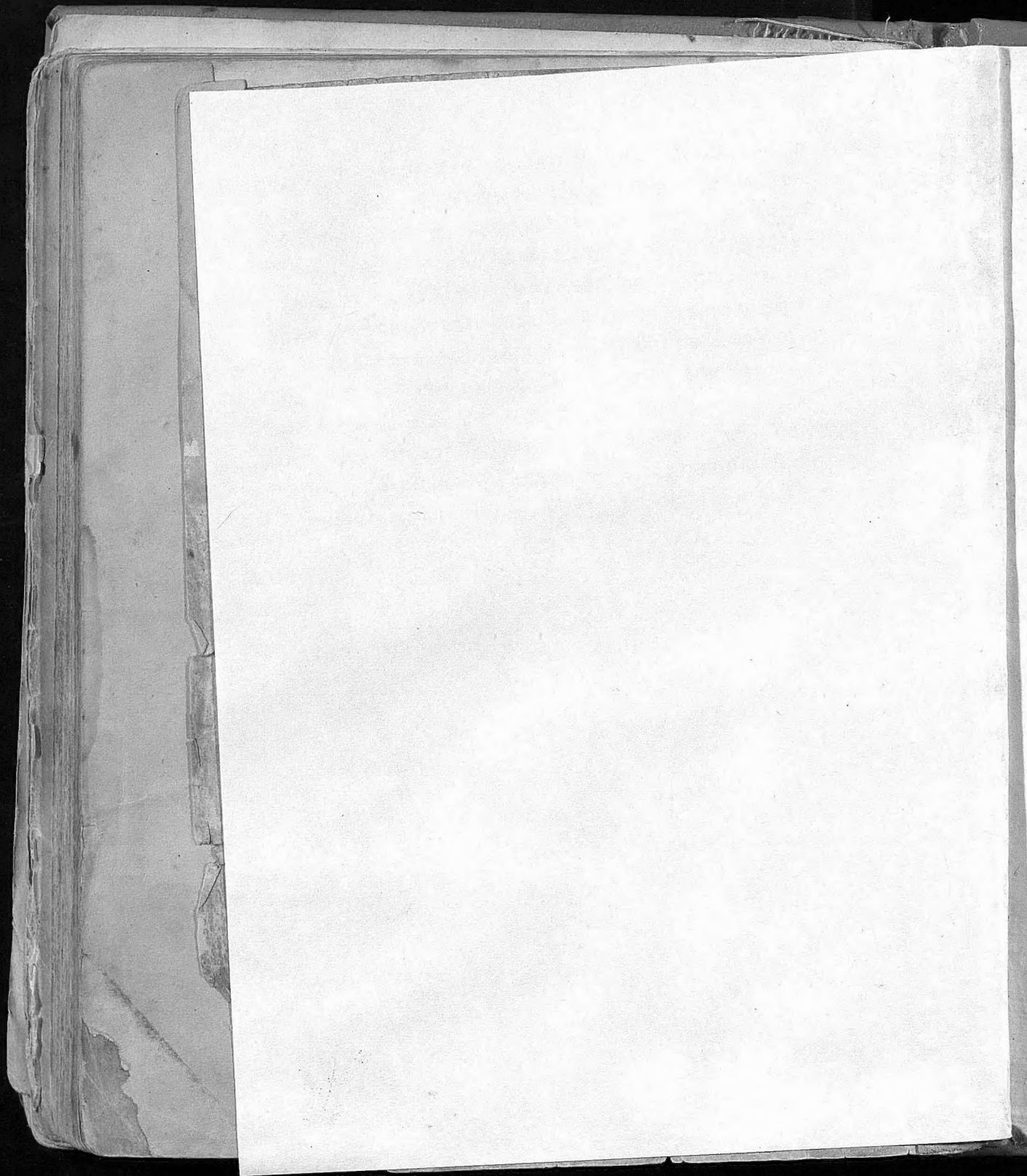
Кремль!—кричалъ народъ и толпами бѣжалъ въ Кре

— Да здравствуетъ Царь Петръ Алексѣевичъ! —
достно кричалъ народъ, увидя царя, который п
всего вошелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ отслужил
годарственный молебенъ, затѣмъ отправился во дво
тамъ вышелъ къ нему на встрѣчу его братъ І
Алексѣевичъ и, крѣпко обнявъ брата, поцѣловалъ
и тутъ же попросилъ освободить его отъ царств
и принять власть и единодержавіе.

И теперь Петръ Алексѣевичъ сталъ единоде
нымъ Великимъ Государемъ, оставивъ брату т
почетъ, царскій титулъ и весь его Дворъ.

300~

Б Г У Н Б

01176075

